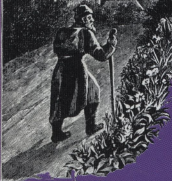

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

ВАЛААМСКОЕ ОБЩЕСТВО АМЕРИКИ
Valaam Society of America: P. O. Box 70, Platina, CA 96076 U.S.A.

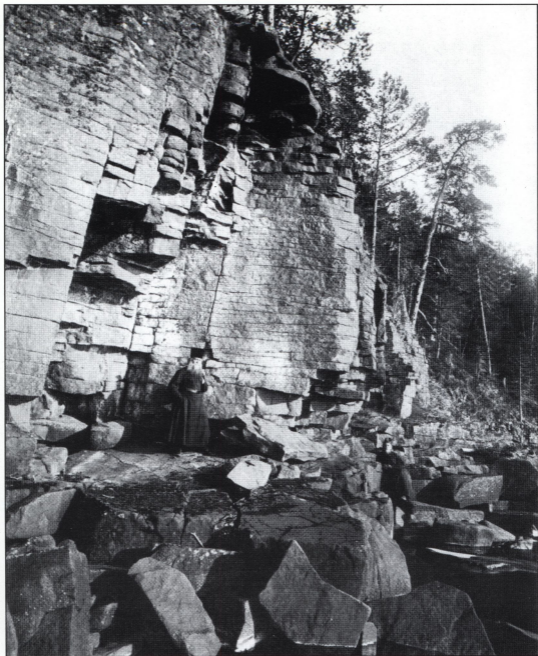
Годъ XLVI.

№ 30

2004 г.

Боголюбіе

Св. Остров Валаамъ - Сѣверный Аѳонъ русскаго монашества.
Естественные стѣны Бастіона монашеской святости, ограждающіе иноковъ отъ міра сего.
Фотографія неизвѣстнаго старца. 19 вѣкъ

НА ПЕРВОЙ ОБЛОЖКѢ: Деталь акварели Архм. Кипріана (Пыжова):
Юный инокъ созерцаетъ «Путь ко Спасенію», вблизи келіи пустынножителѣй

БОГОЛЮБИЕ

Валаамскій епископъ Александръ Выборгскій въ своей частной перепискѣ приводитъ письмо одного инока (быть можетъ, и Валаамскаго), въ которомъ подвижникъ откровенно повѣствуетъ свой приходъ къ Боголюбію. Въ слегка сокращенномъ видѣ мы предлагаемъ нашему читателю это сокровище:

Привожу Вамъ выписку изъ интереснаго письма (письмо случайное, не адресованное епископу) опытнаго въ духовной жизни инока, опытно узнававшего благодатную силу любви Божіей.

Епископъ Александръ
Выборгъ, 1937 г.

ПРОСТИ, МОЙ любимче... Мнѣ желалось бы выяснитъ тебѣ, какъ ближайшему другу и брату во Христвѣ, чувство Боголюбія, то чувство, которое я самъ такъ долго и сильно желалъ получить и не получалъ. Эти желанія были муками моего духовнаго рожденія, и эти муки были весьма длинны, около 30-ти лѣтъ... Я изнемогалъ въ борьбѣ съ собою... Во мнѣ пребывало желаніе высшее и лучшее, нѣжели всѣ грѣховныя порывы... Я жаждалъ любить Бога всѣмъ сердцемъ, а какъ любить, чтобы сердце удовлетворилось въ своемъ желаніи, я не зналъ... Не разъ оставался чуть прикрытымъ, раздавая все нуждающимся, терпѣть холодъ и голодь, скрывая отъ другихъ, обиды терпѣть, не мстить за обиды, старался любить враговъ и любилъ ихъ, какъ то повелѣнно Господомъ. Но самой любви-то къ Богу я въ себѣ не ощущалъ, да и страсти мои ясно говорили, что я чуждъ этой божественной любви... Я думалъ, что если буду имѣть въ себѣ эту любовь, то окумы моихъ страстей спадутъ сами собой, слѣды ихъ растаютъ и перегорятъ отъ огня божественной любви... Я зывалъ ежeminутно, да когда же Господь удостоитъ меня этой любви къ Нему?.. Господи, приди и вселися въ ны; научи мя творити волю Твою, научи и любить Тебя, какъ подобаетъ любить... и жить во мнѣ, и я пойму, узнаю Тебя; тогда удались отъ меня, и я буду уже въ вѣденіи стремиться къ Тебѣ, буду страдать сознательно, зная, за что страдаю, да чего живу. И вотъ, Господу моему было угодно, чтобы я

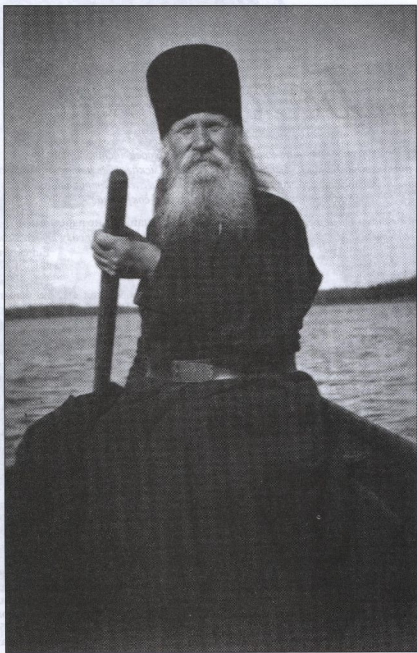
заболѣлъ, а любви этой еще не испытать въ себѣ; заболѣлъ сильно, плакать во время болѣзни о томъ, ...что любви-то еще не имѣю... Чѣмъ больше я страдалъ, тѣмъ легче я себя чувствовалъ... По причащеніи, здѣсь-то мнѣ убогому открылась въ необытній полнотѣ любовь Божія къ міру въ искупленіи рола человѣческаго. Эта любовь заговорила какъ бы во мнѣ, внутри всего существа, съ такой силой ко Господу, что я не чувствовалъ и своихъ страданій. Я не могъ оторваться ни мыслями, ни чувствами сердца отъ любви ко Господу.

Каждый шагъ земной жизни Спасителя ясно отпечатлѣвался въ сознаніи, какъ совершенный для спасенія и освященія человѣка... Слезы умиленія лились изъ очей, а что переживало при этомъ сердце, я не могу описать... Я блаженствовалъ, узавленный любовью ко Господу, желалъ остаться хотя бы навѣчно одинъ и страдать, но только съ Господомъ и въ любви къ Нему.

Вотъ что такое Боголюбіе и вотъ что оно дѣлаетъ съ душой человѣка. Оно есть богатство неокрадаемое и есть всемогущая СИЛА, какъ сила творческая, сила вѣчной жизни. Если кто водрузитъ эту силу въ сердце, тотъ и душу свою оживитъ ею. Боголюбивый не пожелаетъ любленія міра сего, ибо любить міръ будетъ уже разрывомъ любви Божіей и враждою къ Богу.

Боголюбіе есть жизненная сила души и сердца человѣка, созданнаго по образу Божію. Черезъ него вновь человѣкъ подворяется въ рай и къ нему приходить Царствіе Божіе въ снѣгъ. Нужно любить Бога и жить Имъ, вдыхать и выдыхать духомъ любви Божіей...»

*Отрывки изъ моей частной Переписки». Епископъ Александръ Выборгскій. Гельсингфорсъ, 1938. сс. 97-100.

ВАЛААМСКИЙ ИГУМЕНЪ ХАРИТОНЪ,

Алва Русскаго Аюона.

1882-1947

ВАЛААМСКАЯ ПАТРОЛОГІЯ

ПОЛНЫЙ Валаамскій Пятерикъ

Игумень Харитонъ

АВТОБІОГРАФІЯ ЗАЩИТНИКА ИСИХАЗМА

Память 27-го Октября (†1947)

Божіей Милостью сохранилась откровенная запись всей подвижнической жизни одного изъ выдающихся Валаамскихъ Игуменовъ, на долю котораго выпали чрезвычайно трудные испытанія: гибель Св. Руси отъ безбожной власти, насильственное водвореніе незаконнаго апостасійнаго неканоническаго «новаго» календарнаго льтоисчисленія, дабы приблизить монашество къ міровому государству антихристіанскому, и наконецъ, окончательное изгнаніе валаамскихъ монаховъ изъ своего тысячелѣтняго монастыря. И несмотря на все это, стоящій у кормила Игумень Харитонъ не только перенес мужественно все это, но и остался твердо на стражъ монашеской исихіи, ведя послѣдующую братію къ вѣчной тишинѣ, оставляя благодаря своимъ писаніямъ вѣрный слѣдъ, по которому и понынѣ шестуютъ иноки нашего времени. Ниже приводимъ его записи въ небольшомъ сокращеніи.*

«Нѣсть грѣха побѣждающаго милосердіе Божіе».

Игумень Харитонъ

1. НА ПУТИ КЪ МОНАШЕСТВУ

ХРИСАНФЪ ДУНАЕВЪ, въ будущемъ Игумень Харитонъ, родился въ крестьянской семьѣ въ Костромской губерніи 15-го Марта 1882

*Толстый томъ «Умное дѣланіе. О молитвѣ Исусовой. Сборникъ поученій святыхъ Отцовъ и опытныхъ ея дѣлателей» (1936), продолженіе «Что есть Молитва Исусова» (1938) и «Аскетизмъ и Монашество» (1943) Валаамскаго изданія, а также «Введеніе новаго стиля въ Финляндской Православной Церкви и причины нестроений въ монастыряхъ» (1927).

года. Кромѣ Хрисанфа въ семьѣ на рукахъ у матери было три сестры постриже. Въ своихъ воспоминаніяхъ Отець Харитонъ рассказываетъ о своемъ дѣтствѣ и о зарожденіи у него идеи монашества слѣдующее:

«Когда я жилъ еще въ родительскомъ домѣ, не разъ задавался вопросомъ о судьбѣ своей жизни въ будущемъ. Какое-то подсознательное чувство подсказывало мнѣ, что я долженъ куда-то уйти изъ родительскаго дома, но куда—самъ не зналъ. Эти стремленія были открыты и матери. Последняя убѣждала меня жить дома, но получила категорическій отвѣтъ, какіе бы мнѣ блага не обещались дома, и долженъ все же ухъять на чужую сторону.

И такъ я юный уже въ Петербургѣ у родного дяди, живущаго въ одной изъ хибарокъ Новой Деревни и занимающагося плотничествомъ и выпловкой по зерну. Вотъ въ этой-то хибаркѣ, состоящей изъ кухни и холодной галереи, и пришлось полагать начало новой жизни внѣ родительскаго дома.

Дяденька мой ежедневно съ ранняго утра уходилъ куда-то на работу, получивъ заработокъ, пропивавъ его въ трактирѣ и потомъ являлся домой къ племяннику въ пьяномъ видѣ и гналъ его вонъ на улицу, самъ же буянилъ, билъ посуду и все что попадется подъ руку. Я же, стоя внѣ хибарки, прислушивался и ждалъ, когда стихнетъ буянство, дабы можно было взойти въ хибарку и погрѣться отъ холода и утолить голодь, если дяденька что-либо принесетъ и спать.

Можно себѣ представить, что переживалъ я ежедневно, оставаясь одинъ съ ранняго утра до поздней ночи, по закрытій трактировъ ожидая своего пьянобуянаго дяденьку, отъ котораго можно было ожидать не только битья посуды, но и изувѣченія юнца. Сколько было пролито слезъ за это время о родномъ домикѣ, матери и сестрахъ, делавшихъ меня какъ единственнаго сына, теперь страдающаго и горько горько плачущаго, но этого страданія никто не видитъ и не знаетъ. Правда, Господь видѣлъ это и при церковныхъ богослуженіяхъ, которыя посѣщалъ я, давалъ вкусить небеснаго мира, отъ котораго забывалось все земное.

Наконецъ, сжалился одинъ изъ купцовъ и взялъ меня къ себѣ въ лавку временно до присканія мѣста. Это занятіе мнѣ вовсе было не по душѣ, такъ какъ почти круглый годъ не представлялось возможности сходить съ церковь помолиться, и потому я въ свободную минуту уходилъ на конюшню, гдѣ вставать на колѣни и молился такъ: «Господи, дай мнѣ такое мѣсто, гдѣ бы я могъ ходить въ церковь и читать Божественныя книги».

Это было въ 1888 году. Въ дальнѣйшемъ, послѣ долгихъ испытаній, уклоненій и колебаній наконецъ созрѣваетъ рѣшеніе оставить мѣръ и идти въ монастырь. Но куда? Иду къ знаменитому духовнику О. Александру на исповѣдь, открываю ему всю душу со всеми его стремленіями. Послѣдній, несмотря на множество исповѣдниковъ, выслушалъ меня съ большимъ вниманіемъ и сказалъ:

«Стремленіе твое благое и намѣреніе твое доброе, но нужно знать еще, не временный ли это наплывъ юношескаго увлеченія монастырствомъ. Посему поживите въ міру годокъ или болѣе, и если влеченіе къ монастырю за это время не угаснетъ, то ясно, что у васъ призваніе Божіе къ монастырю...»

2. СВ. ІОАННЪ КРОНШТАДСКІЙ

И вотъ кончю жить въ міру срокъ, но влеченіе къ монастырю у меня не угасаетъ, а еще болѣе

разгорается, однако никто не сочувствовалъ моимъ влеченіямъ, но наоборотъ принимались даже мѣры къ разбитію моего намѣренія. Наконецъ, послѣ многихъ и долгихъ увѣщаній и философскихъ доводовъ противъ монастыря типа, что если всё уйдуть въ монахи, то какъ будетъ исполняться заповѣдь Божія о продолженіи рода человѣческаго, пришли къ заключенію о бесполезности меня увѣщавать, а предложили побывать у Отца Іоанна Кронштадтскаго для совѣта и окончательнаго рѣшенія этого вопроса. И я съ товарищемъ поѣхалъ въ Кронштадтъ.

Стою на колѣняхъ предъ престоломъ Кронштадтскаго Андрѣевского собора, подходить къ намъ Отецъ Іоаннъ:

—Что скажете?

Мы отвѣтили:

—Благословите насъ въ монастырь.

Онъ же, положивъ руки на наши головы, нѣсколько наклонясь, тихо сказалъ:

—Богъ благословитъ!

Получивъ теперь окончательное закрѣпленіе нашихъ стремленій и передавъ это нашимъ увѣщателямъ, которые послѣ сего уже не препятствовали нашимъ намѣреніямъ, мы соборались на родину проститься, а потомъ—на Афонъ!

Мы теперь на родинѣ какъ отрѣкшіеся отъ міра и у меня въ Николѣинъ день сельское духовенство въ гостяхъ. Бесѣдовали о монастырѣхъ и монастыряхъ и выводъ изъ бесѣды таковъ, что можно и въ міру спастись, какъ это было показано Макарію Великому о трехъ вдовахъ, кои, находясь въ міру, оказались выше предъ Богомъ самаго Макарія; а такъ же одинъ торговецъ кожами оказался выше предъ Богомъ пустынниковъ. «А главное-то,—говорилъ священникъ Ипполитъ,—что въ монастырскую жизнь знаетъ только изъ вычитанныхъ вами Житій Святыхъ и прежде, чѣмъ поступить въ монастырь, вамъ необходимо побывать въ нѣсколькихъ монастыряхъ и присмотрѣться, какъ тамъ живутъ. Вотъ поѣжайте хотя бы въ Тотемскій монастырь!»

Этотъ совѣтъ О. Ипполита было принять и рѣшено идти въ Тотму, которая отстояла отъ насъ около двухсотъ верстъ. Соборались. Гдѣ ѣдемъ, а гдѣ и идемъ. Вотъ и городъ Солгаличъ, а за нимъ женская обитель, въ которую мы пришли на всенощную. Стоимъ за всенощной. Благоговѣнное умиленное гнѣие, чтеніе, благолѣпный храмъ, смиренныя поклоны инокинь. Вотъ двѣ малютки, дѣвочки въ монашескомъ одѣяннѣ, со свѣчами въ рукахъ идутъ предъ Евангеліемъ и съ ангелоподобной кротостью кланяются въ поясъ своей матушкѣ Игуменніи, стоящей въ креслахъ. Другія же сестры подходятъ къ настоятельницѣ и берутъ благословеніе. Все это вмѣстѣ взятое произвело на меня благотворное впечатлѣніе, закончившееся такимъ выводомъ: если бы это было

мужской монастырь, то я тутъ бы и остался жить навсегда.

Теперь идемъ въ Тотму, презирая всё опасность на пути. Вдвоемъ по тропинкѣ въ лѣсу мы должны пройти 25 верстъ, но тропинка не одна и притомъ занесена снѣгомъ и преграждается болотами, въ которыхъ завязали наши валенные сапоги настолько, что намъ грозила опасность остаться безъ сапогъ. Если бы мы потеряли тропинку, то гибель была бы неизбежна, такъ какъ лѣса тянулись на сотню верстъ и жилища никакого. Но, Слава Богу, мы дошли въ деревню на ночлегъ, а завтра пройти перельсокъ въ шесть верстъ и мы будемъ у рѣки Сухоны, черезъ которую переправимся на лодкѣ. Переночевавъ, наутро дошли до Сухоны, а переправы никакой, такъ какъ ночью были морозъ и у береговъ ледокъ. А въ одномъ мѣстѣ образовался заторъ льду, по этому-то затору мы и стали перебираться на ту сторону рѣки, взявъ съ собою по жердочкѣ. Дойдя до середины рѣки, я провалился до пояса, но успѣлъ лечь животомъ на жердочку, вылезъ и мы пошли дальше и благополучно добрались до берега, гдѣ народъ смотрѣлъ на насъ какъ на чудищъ... Наконецъ мы у Феодосія Тотемскаго въ монастырской гостиницѣ.

Въ первый разъ вступили мы въ предѣлы монастыря, гдѣ, по нашему мнѣнію, у всѣхъ насельниковъ обители только одно стремленіе—какъ бы спасти душу, о семъ они только и говорятъ. Но, къ нашему удивленію и огорченію, два юнца въ нашихъ годахъ ведутъ такой разговоръ между собою: мѣрянинъ спрашиваетъ послушника, какъ онъ живетъ въ монастырѣ, а послѣдній рассказываетъ, какъ они по вечерамъ перелезаютъ черезъ монастырскую ограду и гуляютъ въ городѣ, и какъ обманомъ у Архимандрита выпрашиваютъ денегъ. Этотъ разговоръ произвелъ на насъ удручающее впечатлѣніе, находясь подъ которымъ, мы пошли въ церковь, но и здѣсь мы соблазнились вольностью юныхъ пѣвцовъ, и оставили обитель съ горькимъ разочарованіемъ.

На обратномъ пути зашли въ упоминающую женскую обитель, гдѣ въ гостиницѣ завѣдующая инокиня, зная о нашемъ разочарованіи, сказала, что предвидѣла это, но не смѣла тогда же отговорить насъ идти въ Тотму. Эта инокиня своимъ смиреніемъ и кротостью, своимъ сердечнымъ участіемъ въ нашемъ горѣ облегчила тутъ нашихъ сердца. Изъ ея назидательныхъ словъ запомнилось, что въ монастырѣ врагъ боретъ сильно.

Возвратились домой со сложившимся въ нашихъ душахъ рѣшеніемъ: намъ должно найти строгій монастырь или спасаться въ міру. Священникъ далъ намъ книгу, сборникъ статей, относящихся къ спасающимся въ міру, а родные были рады моему поколебавшемуся намбренію идти въ монахи. Все говорило за то, что намъ нужно оставаться въ міру, но одно еще останавливало отъ окончательнаго рѣшенія

остаться въ міру—это благословеніе О. Иоанна Кронштадтскаго идти въ монастырь. Если не исполнить его, то Господь не дастъ счастья въ міру, такъ я думалъ. И вотъ во время моей внутренней борьбы днемъ во время отдыха я вижу себя во снѣ находящимся на плоту, который кружитъ въ омутѣ колючей воды. Къ берегу плотъ не подходитъ, но для меня была брошена тонкая жердь, по которой я и сталъ переходить на берегъ. Съ ужасомъ видѣть я, какъ подо мной бушевали волны. Перейдя на берегъ, я какъ бы очнулся и первая мысль или даже голосъ былъ: вотъ ты теперь находишься въ такомъ же положеніи, ходя по жердочкѣ, одинъ неправильный шагъ—и ты погибнешь въ бушующихъ волнахъ. Далѣе вижу, передо мной, лежащимъ на постѣли, стоятъ два монаха и между собой разговариваютъ, прислушиваюсь, но не понимаю, что они говорятъ. И кто-то третій стоитъ за моей головой, я хотѣлъ было повернуть голову и посмотреть, кто это, но къ моему удивленію, голова не поворачивается. Смотрю на монаховъ и удивляюсь, какъ они могли попасть въ мой домъ, когда всѣ двери запеты. Хочу встать—тѣло мое не поворачивается. Что же это, я во снѣ?—Нѣтъ, ибо всѣ предметы вижу ясно, и каждый изъ нихъ стоитъ на своемъ мѣстѣ. Но почему же не могу встать? Стало быть, подумалъ я тогда, я померъ и тѣло уже не поворачивается душѣ. Смотрю на монаховъ и одинъ изъ нихъ что-то снѣлъ съ себя и подходить ко мнѣ, подаетъ. Я протянулъ руку и взялъ. И въ это время съ глазъ моихъ какъ бы передвинуты очки. Я пробую встать и встать съ неизъяснимой радостью. Смотрю, гдѣ монахи?—ихъ уже нѣтъ и въ рукѣ не оказалось того, что монахъ далъ, только въ сердцѣ осталось неизъяснимая и неизгладимая радость послѣ этаго таинственнаго пощѣнія. Это было зимою 1893 года.

Время шло, и неопредѣленность моего жизненнаго положенія начинаетъ томить меня, ибо отъ одного берега я отсталъ, а къ другому не присталъ, и не знаю, къ какому изъ нихъ нужно пристать. Такъ что несеть мою ладью, куда сильнѣе подуетъ вѣтеръ, и оказался я въ гостяхъ у сестры, гдѣ не всѣ знали, что я обрѣкъ себя въ монахи, и потому я могъ ходить безъ упрека постороннихъ зрителей на деревенскія вечеринки молодыхъ людей, борясь и заглушая внутренней голосъ совѣсти своей. Сестра моя Мараа, у которой я гостилъ, была обрѣдована, увидавъ брата-питерщика веселящимся, разделяющимъ со сверстниками ихъ игры и забавы. Стало быть, братъ не поидетъ теперь въ монахи, говорила она. Погостивъ у одной сестры, поѣхалъ гостить къ другой. И такъ моя ладья попала въ круговоротъ жизни, изъ котораго необходимо было выбраться. Правда, въ міру это называется невинными удовольствіями, но для меня, обрѣкшаго себя къ иной жизни, они были уже преступны по своимъ послѣдствіямъ, ибо сердце склонилось къ твари вмѣсто Творца. Хотя все началось со

стремления къ идеально прекрасному и какъ въ неземному, но встрѣтилось съ дщерью челоѣвческой, которой ничего казалось нѣтъ краше для меня на земли, краса души ея мнѣ казалась ангельскою, но, къ счастью моему, мало удалось мнѣ соугнѣниться съ нею безвинною бесѣдою и постигнуть я уѣхать въ городъ, чистый тѣломъ, но съ занозою въ сердцѣ. И Богъ знаетъ, чѣмъ бы это кончилось, но промыселъ Божій повертываетъ окончательно мою ладью къ монастырскому руслу.

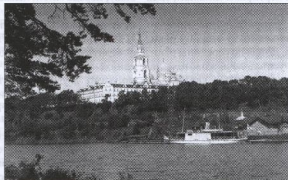
Это случилось такъ. Иду я къ таможенному зданію, у подъѣзда стоитъ лошадь и къ ней приближается О. Іоаннъ Кронштадтскій, къ которому подходятъ три мальчика и просятъ на хлѣбъ. О. Іоаннъ одному изъ нихъ строго сказалъ: «Врешь, у тебя есть родители», а остальнымъ двоимъ далъ рубль. Я подхожу подъ благословіе, О. Іоаннъ пронзительно и строго посмотрѣлъ на меня, не давъ благословія, сѣлъ въ коляску и уѣхать. Это такъ поразило меня и сдѣлало въ душѣ окончательный поворотъ оставить мѣръ и идти въ монастырь. О. Іоаннъ лично меня не зналъ, но, какъ видно, духомъ увидѣлъ мою борьбу и неисполненіе его прошлогодняго благословія идти въ монастырь. Посему онъ теперь уже не даетъ мнѣ благословія жить въ городѣ, и я, не медля ни одного дня, долженъ уѣхать въ монастырь, который былъ уже намѣченъ—это строгій Валаамскій монастырь на Ладожскомъ озерѣ, о которомъ у меня имѣлись уже небольшіе свѣдѣнія. Навелъ справки: пароходъ «Александръ» отъ Калашниковской пристани идетъ на Валаамъ 1-го Мая 1894 года.

3. ВАЛААМЪ

Теперь вернусь нѣсколько обратно. Когда я уѣзжалъ съ родины, хотя и съ занозою въ сердцѣ, но основное мое стремленіе было ѣхать въ монастырь, для чего требовалось и родительское благословіе, о которомъ я и хочу теперь сказать. И какъ единственный сыночекъ у матери, непомнящій отца, имѣя трехъ сестеръ уже замужнихъ, теперь долженъ, идя въ монастырь, оставить мать навсегда. Отъ этой мысли уже лились слезы. Помолитись Богу, она, моя родная, брать образокъ Спасителя въ серебряномъ окладѣ, привезенный мною для этой цѣли, ставъ лицомъ ко мнѣ, и какъ бы замерла, и я, залившись слезами, уже не вижу ее, она упала и лежитъ безъ сознанія. «Мама милая, я не поѣду въ монастырь,

очнись, мама, я никуда не поѣду, посмотри на меня!» Но ничто не помогло, она, родная моя, лежитъ безъ сознанія. Кучеръ ждетъ, говорятъ мнѣ, но какъ же я поѣду, оставя мать въ такомъ положеніи? Но тутъ оставались сестры, и я поѣхалъ въ надеждѣ, что Господь сохранитъ мою мать и я письменно снесусь съ нею, это будетъ легче тому и другому, что потомъ и было сдѣлано.

Теперь возвращаюсь къ прерванному повѣствованію. Итакъ, я уже на Калашниковой пристани города Петербурга съ сопровождающимъ товарищемъ, котораго задержалъ его хозяинъ съ расчетомъ, потому онъ и не могъ поѣхать вмѣстѣ со мной въ монастырь.

Общій видъ Валаама во время игуменства О. Харитона.

Въ воскресенье 1-го Мая 1894 года, въ 12 часовъ дня пароходъ «Александръ» отошелъ отъ Калашниковской пристани. При ясной погодѣ, сияющемъ солнцѣ мы летимъ по Невѣ къ Ладожскому озеру, оставя позади мѣръ съ его престами. Грандиозныя постройки и роскошныя зданія, какъ дѣло рукъ челоѣвческихъ, давнымъ-давно не интересовали меня.

Моя душа стремилась на лоно природы, красота которой яно укажетъ виновника ея. Теперь въ монастырь меня приметъ какой-либо старецъ въ пустыню на послушаніе, которое я буду выполнять, хотя бы былъ посланъ въ огонь и воду, какъ это сказано въ имѣющемся у меня Добротолюбіи о нѣкоторыхъ ученикахъ. Такъ я мечталъ, а пароходъ уже катилъ по Ладожскому озеру и прель моиѣмъ взоромъ оказался инокъ, Валаамскій монахъ Іосифъ, съ которымъ и завязалась у насъ бесѣда, въ заключеніе которой О. Іосифъ сказалъ: «Вотъ ты желаешь поступитъ въ иноки, и прель твоими глазами тамъ всѣ святые. Это настроеніе прекрасно, но однако надо помнить, что даже у Самаго Спасителя въ Его апостольской семьѣ, въ этой святой общинѣ, оказался одинъ изъ нихъ Иуда. Посему, если и вы встрѣтите въ обители что-либо не соответствующее вашимъ настроеніямъ, то не соблазняйтесь, въ людскихъ общинахъ бывають и немощи, и недостатки, и намъ нужно сдѣлать только за собой».

Пароходъ реветъ, минуя плесы льда, и подходить къ Коневской обители, откуда, переночевавъ отправился на Валаамъ, при восходѣ лучезарнаго солнца, лучи котораго въ плавающихъ льдинахъ превращались въ радужныя нѣбта, изображая волшебные

замки. Уже виднѣлся и самъ Валаамъ, подходимъ и проходимъ Никольскій скитъ, переходъ уже у монастырской пристани, на которой нѣсколько иноковъ поклономъ приветствуютъ прѣзжихъ...

Итакъ, теперь я на Валаамѣ. Слава Богу, Слава Богу!

4. СТАРЕЦЬ ВАРСОНОФІЙ

5-го Мая—уже послушникъ, порученный для руководства старцу Иеромонаху Варсонофію*, а на послушаніе—старцу монаху Даміану (въ малярную мастерскую). И я почувствовалъ, что попалъ въ средину для моего духа стихію, которой мое подсознаніе искало почти съ пеленокъ, и наконецъ я дома, на Валаамѣ, и этотъ домъ, котораго я искалъ такъ долго, ходя по распутьямъ, чуть не заблудился. Но Самъ Господь направилъ, и я, какъ блудный сынъ въ Отческихъ объятіяхъ, созерцаю теперь красоты отческаго дома, своихъ собратьевъ, кои кажутся такими милыми. Величественность природы, красоты ея неизъясними словами, но понятны сердцу, и ясно говорятъ ему о Виновникѣ ея. А лѣса, заливы и скиты уже будятъ въ сердцѣ тѣ мечты, кои были еще въ міру,—объ удаленіи въ пустыню съ какимъ-либо старцемъ.

«Пустыня! Сколько манящей силы, сколько таинственной радости заключается въ этомъ одномъ словѣ для многихъ душъ христіанскаго міра! Не только для тѣхъ избранныхъ, которая жаждутъ безусловной правды, совершеннаго служенія Богу, для которыхъ самое желанное въ жизни—возможность предаться ничѣмъ не развлекаемой молитвѣ, не видѣть ни одного лица человѣческаго, а лишь прислушиваться къ тому чудному гимну, который сотворенная тварь поетъ своему Творцу и въ которомъ щебеть птицы, ревъ озера, журчаніе ручья и лучи звѣздъ сливаются въ одинъ согласный аккордъ; лишь созерцать въ этой природѣ, хранящей всю ненарушенную красоту, отблески славы творчества,—не только для нихъ понятно обаяніе пустыни. И съ обыкновеннымъ, созданнымъ для міра, человѣкомъ бывають минуты, когда все дживое, мѣлкое, пошлое, изъ котораго состоитъ главнымъ образомъ мірская жизнь,

начинаетъ настолько претить душѣ, что она рвется изъ обычныхъ узъ отъ людей въ невѣдомую даль. Ей хочется сидѣть тамъ, гдѣ не ступаетъ нога другаго человѣка, ей хочется въ ненарушимой тишинѣ насытиться тихимъ сіяніемъ ночнаго неба и думать безъ конца о Богѣ, и въ этой обстановкѣ, гдѣ нѣтъ искусственныхъ преградъ между душой и Богомъ, опутить въ себѣ близость Бога и поклониться Ему всюю крѣпостію своею».

Да, какъ ни вожделенна пустыня, но пути теперь къ ней многопрепятственны; да и сама она для многихъ кажется безплодною скалою, ждущей новыхъ Моисѣевъ, источающихъ изъ камня живую воду.

О, пустыня, пустыня! находясь возлѣ тебя, какъ у Силоамской купели, такъ же 38 лѣтъ чувствуя себя неспособнымъ отступить и слишкомъ слабымъ ити впередъ, оставаясь на мѣстѣ, сидя около купели, восклицая: «Человѣкъ не имамъ». О, когда придетъ спасеніе Израилево, чтобы бросить меня въ эту живительную купель!

Итакъ, прошло съ тѣхъ поръ 38 лѣтъ, какъ я, при лучезарномъ солнцѣ и очаровательныхъ миражахъ весенней Ладоги, вступилъ на берегъ Валаама, въ такое время, когда земля, увлажненная весенними водами, покрывалась зеленою и цвѣтами. И въ этотъ періодъ культурнаго и матеріальнаго развитія Валаама, когда на праздники стекалось до 4000 богомольцевъ, немалое количество изъ нихъ оставалось потрудиться, а также въ числѣ братства.

Обозрѣвая этотъ 38-лѣтній періодъ времени, въ который пришлось не только видѣть, но и переживать и переживать въ горькое и сладкое; не только любоваться водами тихой весенней Ладоги, но падать по ней на ладѣ въ бурную осень, по свирепымъ волнамъ, когда опутимѣе нужда вопіять «Спаси ны, Господи, погибамъ» и ясна помощь Того, Кого слушаютъ море и волны. Вотъ эти-то случаи Божіей помощи и отрадно отмѣтить письменно для большаго углубленія въ сердцѣ и въ памяти промыслительныхъ дѣяній Божіихъ.

Откуда взялись у меня, юноши, внутренняя побужденія уйти куда-то съ родиной? Почему такое вопіаніе юноши: «Господи, дай мнѣ такое мѣсто, гдѣ бы я могъ ходить въ церковь и читать Божественныя книги», а не другое какое-либо? Въ дальнѣйшемъ, живя въ городѣ Кронштадтѣ, я могъ ходить и въ

Игуменъ Павлинъ. 1933 г.

*Вылажившій старецъ-духовникъ, оставившій послѣ себя нѣсколько сочиненій. Скончался 24-го Октября 1910 года (въ схимѣ Василій), но биографическихъ данныхъ нигдѣ не обнаружилось. (См. «Русскій Инокъ» за 1910 г.)

церковь, но этаго мало, все чего-то не хватало и мнѣ мнилось, что я долженъ уѣхать туда, гдѣ людей мало, да и тѣ чтобы меня не знали, и въ какой-либо комнатѣ помѣшусь и приобрѣту какъ можно болѣе книгъ и буду читать! А о монастыряхъ въ то время и понятія не имѣлъ, и когда поступилъ въ монастырь, то я всѣмъ своимъ существомъ почувствовалъ, что попалъ въ то мѣсто, куда безсознательно или подсознательно влекло меня, и почувствовалъ, что теперь наконецъ я дома. На всѣ вышеупомнутые вопросы отвѣтъ былъ одинъ и ясенъ: Господь каждому опредѣляетъ свой путь, гдѣ ему удобнѣе достигнуть на земли вышей цѣли, и Самъ же и побуждаетъ, зоветь идти по призванному пути къ Нему. Важно то, чтобы услышать этотъ голосъ и попасть на путь призванія, и попасть на него, нужно идти, ибо онъ нужною берется, нужницы восхваляютъ Царствіе небесное.

5. ЖИЗНЬ ВЪ МОНАСТЫРЬ

Въ монастырѣ идутъ два порядка жизни: одинъ внутренний, а другой внѣшній. Послушанія, какіе налагаются въ монастырѣ, всѣ касаются сей внѣшней жизни. Незнающій, что эти послушанія необходимы только потому, что мы приносимъ съ собою въ монастырь и тѣло и что дѣло спасенія души должно идти среди сихъ послушаній своимъ чередомъ, съ первыхъ шаговъ можетъ отворотиться отъ монастыря, почитая ихъ несоотвѣтствующими своимъ цѣлямъ и своему настроенію, или оставаясь въ монастырѣ, все дѣло монашества ограничивать только сими послушаніями... и потрудиться напрасно, ни шагу не сдѣлавъ въ очищеніи и усовершенствованіи своей души... Обрѣкайте себя на жизнь, гдѣ руки и ноги будутъ одно дѣлать, а душа должна быть занимаема другимъ, если хочетъ спастись.

Одинъ Богъ да душа—вотъ монахъ. Какъ дойти до этого? Какъ хочешь, а доходи; ибо коль скоро не таковъ кто, то и не монахъ. Но какъ это ни трудно, приходитъ духъ ревности и разгоняетъ всѣ страхи. Этотъ духъ неудержимъ. Онъ находитъ, принимается сердцемъ и производитъ великіе внутреннея повороты. Таково происхожденіе всѣхъ истинныхъ монаховъ!

Главное монашеское правило есть быть неотлучно умомъ и сердцемъ въ Богъ или непрестанно молиться: для подогрѣванія сего подвига положены опредѣленные молитвословія—кругъ дневныхъ службъ, которыя въ церкви совершаются, и нѣкоторые келейные молитвованія...

Но главное да вѣдаютъ, что сила вся въ непрестанномъ къ Богу чувствѣ, которое и пусть воз-

Игуменъ Харитонъ на фонѣ Валаамской декоративной, передъ которой фотографировались всѣ монашествующіе, по почину Игум. Дамаскина.

грѣшаетъ какъ умѣетъ. Се законъ! Коль скоро то чувство есть, то всѣ правила имъ однимъ замѣняются; а коль скоро его нѣтъ, то его никакіе читательные труды замѣнить не могутъ. Молитвословія назначены для того, чтобы питать сіе чувство, и коль скоро не питаютъ, то они попусту. Только трудъ, а проку нѣтъ. Это внѣшняя одѣжда, для которой или подъ которой нѣтъ тѣла, или тѣло, въ которомъ нѣтъ души. Боже мой! какія строгости прописаны!.. А иначе нельзя сказать, какъ такъ.

Есть два пути къ тому, чтобы стать едино съ Господомъ, дѣятельный и созерцательный. Первый— для христианъ житейскіихъ, второй— для оставившихъ все житейское. Въ дѣйствіи ни первый не бываетъ безъ второго, ни второй безъ перваго. Житейскіе, то есть, должны въ своей мѣрѣ держать и созерцательный путь..., навѣять памятовать всегда о Господѣ и ходить предъ лицемъ Его. Это созерцательная часть и есть.

Возможно (при исполненіи внѣшнихъ послушаний); что внутренняго при семъ не будетъ и жизнь твоя останется бездушною. Какъ избѣжать сего? Надо во всякое дѣло влагать сердце, и сердце богобоязненное. Чтобы сердце было въ состояніи богобоязненности, надобно, чтобы сѣо непрестанно обясняло помышление о Богѣ. Помышление о Богѣ будетъ дверь, черезъ которую душа будетъ входить въ дѣятельную жизнь. Весь трудъ теперь долженъ быть обращенъ на то, чтобы непрестанно помышлять о Богѣ, или ходить въ присутствіи Божіемъ.

Въ монастырѣ живя, неся послушаніе и ограничиваясь только ими, можно потрудиться напрасно. И церковныя и келейныя читательныя молитвословія, если не разогрѣваютъ чувства къ Богу и не питаютъ его, то они попусту. Только трудъ, а проку нѣтъ, и что и вѣденіе безъ дѣятельности—пустая фантазія, и дѣятельность безъ вѣденія что бездушный идолъ,—какая это горькая истина, испытанная на опытъ. Горькая, говорю, потому, что теперь форма монастырской жизни осталась та же, но духъ ея уже не тотъ. Напримѣръ, приходишь юноша съ пылающимъ желаніемъ предать всего себя во всесоженіе Господу. Его начинаютъ посылать по разнымъ послушаніямъ, не считаясь съ его душевнымъ состояніемъ. Здѣсь теперь не столько послушаніе для послушника, сколько послушникъ для послушанія. Эти работы, налагаемая на послушника, какъ средства къ искорененію своеволия и самости, потому и названы послушаніями. Кто слѣдитъ за внутреннимъ состояніемъ послушника? Достигаютъ ли эти средства для него высшей цѣли, чтобы достойно было именовать «послушаніе выше поста и молитвы». Вообще кто слѣдитъ за внутреннимъ состояніемъ его души, дабы онъ достигалъ той цѣли, для которой пришелъ въ монастырь (т.е. спасенія души)?—Никто. Онъ предоставленъ самъ себѣ.

Правда, я имѣлъ старца, но или я не былъ способенъ къ послушанію ему, или онъ не удовлетворялъ насущнымъ потребностямъ моей души, мнѣ теперь кажется, что было то и другое. Какъ бы то ни было, но я хочу освѣжить въ памяти свой путь къ монашеству посредствомъ письменныхъ замѣтокъ, сдѣланныхъ мною, о болѣе выдающихся событіяхъ на этомъ пути, гдѣ видны и искушенія бѣсовскія, и помощь Божія.

6. ПОСЛУШАНІЯ

Вступя въ монастырь, какъ ранѣе сказано, я съ жаромъ читалъ книги, получаемаыя изъ библиотеки и съ жадностію изъ нихъ дѣлалъ выписки. Валаамъ казался мнѣ расмъ, люди—ангелами.

И такъ потекла монашеская жизнь. Проживъ нѣсколько недѣль, однажды послѣ правила легъ я спать, стараясь заснуть съ молитвой, и притомъ размышляя о Страшномъ Судѣ, какъ будто грѣшная душа мучается. Съ такими помыслами заснулъ. Черезъ нѣкоторое время я очнулся, слышу, товарищи по келліи уже спятъ. А меня такой страхъ забралъ, что сталъ творить молитву Иисусову и искорѣ опять забылся. Потомъ стало меня что-то гнести, стало тяжело и дышать, хотѣлъ было встать, но могу, точно скованъ, хочу крикнуть, чтобы разбудили меня, но и этого не могу сдѣлать. Говорю шепотомъ молитву, а у меня давить грудь и горло, и отъ сего я какъ бы пересталъ дышать. Въ это время меня что-то ударило въ голову, такъ сильно, что искры посыпались изъ глазъ, и словно стали меня приподнимать немного кверху. Я творю молитву, но меня сильно сжимали вѣсторонне. Хотя тѣлесныхъ органовъ я и не ощущалъ, кромѣ какъ ранѣе давило грудь и горломъ дышать не давало, теперь же я какъ бы не нуждался въ потребности дыханія. Но однако теперешнее давленіе невыразимо тяжелѣе ощущалось душою, чѣмъ тѣлесными органами. И въ то же время сознаю и ощущаю, что какіе-то невидимыя существа работаютъ надо мною, отдѣляя душу отъ тѣла, и приподняли меня къ самому потолку, однако я творю молитву и въ то же время усиливуюсь взглянуть внизъ, гдѣ на постѣли лежало мое тѣло, но этого мнѣ не позволили те существа, которые меня держали. Я все же могъ смотреть на потолокъ, и потомъ меня стали опускать книзу къ койкѣ, гдѣ что-то стали дѣлать надо мной. Я потерялъ сознание и пришелъ въ себя и тогда крикнуть съ такой силой, что разбудилъ товарищей. Это было въ 1894 году.

Недолго мнѣ пришлось жить въ этой келліи, гдѣ товарищи были благонастренные. Но вотъ меня переводятъ въ другую келлію, рядомъ съ О. Даміаномъ. Сосѣдь по келліи, монахъ, ловилъ на какомъ-то островѣ рыбу, и я оказался одинъ въ келліи, гдѣ свободно можно было читать и молиться, что я и дѣлалъ, скрывая это отъ людей, при которыхъ

старался быть веселым и даже шутить. Однако хозяйки поняли это мое настроение и замѣтили мнѣ: «Ты хочешь обмануть Бога, но смотри, онъ скорѣй тебя обманетъ». Вскорѣ прѣхалъ мой товарищъ по келліи, къ которому стали ходить его друзья, и разговоръ стали они между собой вести мірскаго характера и даже очень непристойный. Это мнѣ очень не нравилось, о чемъ я немало скорѣбъ, но, какъ новоначальный, не могъ ничего сдѣлать, какъ только просить переводить меня въ другую келлію. Послѣ полугодичнаго испытанія моя просьба была уважена, но съ замѣчаніемъ, что если не можешь жить вдвоемъ, то поживи вчетверомъ, и притомъ съ мальчуганами самого вольнаго характера. Хотя не безъ скорби, но все же съ ними спокойнѣе жилось. И потомъ въ скоромъ времени безъ содѣйствія съ моей стороны я былъ переведенъ въ келлію съ нѣкимъ живописцемъ Михаиломъ Рожновымъ, который былъ свободнаго и веселаго характера, но въ келліи при мнѣ никакихъ шалостей не позволялъ, по-видимому, стѣснялся.

Лѣтомъ я былъ посланъ въ Петроградъ проводить малярныя работы монастырскаго доходнаго дома. Мнѣ былъ данъ въ помощь послушникъ Георгій Аверіановъ, съ которымъ мы и производили ремонтъ монастырскаго дома, какъ фасада, такъ и внутри квартиръ, гдѣ помѣщались мірскіе семейства. Некоторые смѣялись надъ нами, другіе же говорили съ одобрительной стороны. Этотъ ремонтъ былъ благополучно законченъ, и мы глубокой осенью возвратились въ обитель на зимнее послушаніе дѣлать глиняную посуду, къ старцу Даміану. Въ гончарной мастерской физической трудъ былъ небезопасный для здоровья, нужно было мять не вполне оттаявшую ото льда глину голыми ногами въ погѣ лица. Но миръ въ душѣ не давалъ чувствовать ни тяжести, ни опасности для здоровья. Людей у насъ было 5 человекъ, и всѣ стремились къ спасенію.

7. НА ПОДВОРЬЕ

Въ дальнѣйшемъ я былъ посланъ въ Петербургъ, сначала для ремонта монастырскихъ домовъ, а потомъ и для постройки подворья, гдѣ я приобреталъ все новыя и новыя книги, изъ которыхъ узналъ и о молитвѣ Иисусовой. Тогда же я началъ творить

Часовня въ честь Прпп. Зосимы, Савватія и Германа Соловецкихъ: всѣ трое — монахи Валаамскаго закала; увы, разрушенная совѣтскими вандалами — безбожниками въ 1940-хъ годахъ

Иисусову молитву. Начало было отрадное. Я старался и ко сну отходить съ этою молитвою, и ото сна вставалъ съ отраднымъ чувствомъ къ Богу. Но вотъ однажды вечеромъ, слушая читаемое «Слово о смерти», мысль настойчиво стала побуждать идти въ свою келлію и творить молитву, что я и сдѣлалъ. Товарищъ по келліи спалъ, огонь погашенъ и я творю лежа молитву, но языкъ такъ часто сталъ бормотать, что я словъ не понимаю, и сомнѣніе овладало мною, и я попробовалъ въ этотъ словесный механизмъ вставить другіе слова, не молитвы, и языкъ такъ же сталъ бормотать самъ собою, и я въ еще болѣее пришелъ сомнѣнію, и пересталъ творить. Въ этотъ моментъ въ головѣ прозвонились страшно угрожающіе слова или мысли: «Еще ли ты не вѣришь явной благодати?» — И я въ испугѣ сказалъ: «Вѣрую, Господи!» Въ этотъ моментъ въ моей гортани оказалась какая-то сладкая мокрота, которую я проглотилъ, и вмѣстѣ съ ней и умъ сошелъ въ нутро же, и я (какъ мнѣ казалось) былъ какъ бы въ какомъ пузырьѣ, и бѣсы (такъ я мыслить тогда) уже не смѣютъ близко поloitи, молитва ихъ опалиетъ, летаютъ они какъ комары кругомъ, а приблизиться не могутъ. При этомъ представляется мнѣ, что Богъ находится гдѣ-то далеко на небѣ, а при мнѣ молитва воображаемая, да бѣсы летающіе кругомъ меня.

Изъ приведеннаго разсказа ясно видно, какъ врагъ ищущихъ молитвы, но не увеличившихъ ея существа, запутываетъ въ призракахъ воображаемой молитвы, чемъ и отводитъ не только отъ истинной молитвы, но даже и отъ мысли и памяти о Богѣ. Ибо что есть молитва? — «Молитва есть ума и сердца къ Богу возношенію, славословію и благодаренію Богу и испрашиванію у Него потребныхъ благъ душевныхъ и тѣлесныхъ. Существо молитвы, стало бытъ, есть умное къ Богу восхожденіе изъ сердца». А врагъ всѣ мѣры прилагаетъ, чтобы сбить съ этого пути, подтасовывая ложь вмѣстѣ истины, и тѣмъ запутывая неопытный умъ въ своихъ искусныхъ приспособленіяхъ, держа въ своихъ силкахъ удаленныхъ отъ Бога и внушая, что бѣсы не смѣютъ приблизиться къ нему.

*Сочиненіе Св. Игнатія Брянчанинова

8. НЕВИДИМАЯ БРАНЬ

Окончивъ петербургское послушаніе, я прѣхалъ въ монастырь и открылъ своему старцу Варсонофію относительно молитвы. Онъ благословилъ продолжать творить Иисусову молитву, указавъ, что вниманіемъ должно стоять въ сердцѣ и что настоящая молитва будетъ ходить какъ колесою кругомъ сердца, выговаривая слова «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя грѣшнаго». Я сталъ творить молитву по указанію старца и вскорѣ пошла внутри меня такая неурядица, что я не находилъ покоя ни днемъ ни ночью. И самъ старецъ не зналъ, что со мной и дѣлать, говорилъ: «Остановить эту молитву я не могу, быть можетъ, это дѣйствіе благодати, и потому, оставивъ, не погрѣшить бы. Самъ же я неопытенъ въ этомъ дѣлѣ, и потому сходимъ къ Отцу Агапію, онъ занимается этой молитвой. Какъ онъ укажетъ, такъ и поступи». Выслушавъ меня, Отецъ Агапій сказалъ: «Уму не позволяй сходить въ нутро, а держи вниманіе въ гортани при твореніи молитвы. Когда придетъ время, умъ самъ найдетъ свое мѣсто въ сердцѣ». Какъ старецъ указалъ, такъ я и поступилъ, и моя внутренняя неурядица прекратилась. Она происходила отъ изверженія въ тѣлесное чувства, отъ чего даже возбуждалась похоть, при этомъ явная и ошутительная были дѣйствія злой силы. О сихъ искушеніяхъ подробно написано въ житіи Паисія Величковскаго и отчасти у Еп. Феофана Затворника.*

Въ тотъ періодъ (до прихода къ старцу Агапію) внутренней тяжелой борьбы, когда въ теченіе сутокъ удавалось послать не болѣе двухъ-трехъ часовъ и въ испутомъ состояніи борьба врага доходила до неприкрытыхъ выступленій. Такъ однажды, придя отъ полунощницы, зажегъ лампу и помолвившись прилежъ отдохнуть. Вдругъ слышу, стучитъ слегка, какъ докторъ молоточкомъ по разнымъ частямъ тѣла, и вслѣдъ за такими прикосновеніями къ тѣлу загорается оно какъ въ огнѣ отъ похотной страсти. Какъ будто одна голова была свободна отъ этого пламени, гдѣ слышалась еще Иисусова молитва, но и та прекратилась, и мое сознание погрузилось все внутри себя, гдѣ огонь похоти бушевалъ, раздуваемый

злыми духами, которыхъ я ясно сознавалъ и ощущалъ ихъ дѣйствія, но почему-то не боялся ихъ. Наконецъ они подняли меня съ койки, поставивъ на ноги, которыхъ, однако, я не ощущалъ. Смотрю на лампу свободно, хотѣлъ было повернуться лицомъ къ своей койкѣ, но не могъ, какая-то сила толкнула меня на спину и я оказался на аршинъ подвинувшимся впередъ, не шагая. Смотрю, передо мною товарищъ А. Сибиряковъ, спящій на постели своей. Хотѣлъ было взглянуть на образъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, въ то же время произнеслось внутри меня хульное слово или мысль на Спасителя, и мнѣ стало совсѣмъ невыносимо тяжело. Отпущенный злой силой, соскочилъ я съ койки, ощущая адское

состояніе, не зная, что дѣлать. Ужъ молиться ли? Вѣдь я прогнѣвалъ Бога мысленной хулой внутри себя. Въ этотъ моментъ какъ ангель съ неба пришла и произнеслась во мнѣ ясная мысль: «Нѣтъ грѣха, побѣждающаго милосердіе Божіе». И я какъ снопъ упалъ предъ образомъ Спасителя и купался въ слезахъ отъ чувства благодарности къ Богу, и какъ бы изъ ада перешелъ въ рай. Не чувствуя подъ собой ногъ, побѣждалъ на послушаніе, съ охватившими все мое существо чувствами благодарности Богу, повторяя: «Слава Тебѣ, Господи. Ты попускаешь врагу явно нападать, но Ты же подаешь и явную Свою помощь, кою я теперь чувствую себя переполненнымъ». Это было зимой 1896 года.

9. СВѢТЬ НЕПРИСТУПНЫЙ

Той же зимою однажды послѣ полунощницы я началъ читать свое келейное правило. Взялъ книгу *Добротолюбіе*, томъ первый, и сталъ читать изъ бесѣдъ Макарія Великаго. Читалъ видніе пророка Іезекиля, какъ онъ видѣлъ Ангела и руку человѣческую, смыслъ коего для меня былъ непонятенъ. Хотѣлъ было читать дальше, но умъ мой остановился на этомъ изрѣченіи и языкъ замолкъ и дальше читать не могъ. Умъ самъ по себѣ сталъ входить въ смыслъ пророческаго виднія все глубже и глубже, и настолько охватило это видніе все мое существо, что я какъ бы забылъ и самъ себя. И смыслъ виднія сдѣлался настолько ясенъ, который относился къ Промыслу Божію о людяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ настолько жизнерадостенъ, что Господь, хотя и невидимъ, но печется о насъ, промышляетъ. Дальше

Игуменъ Харитонъ со схимниками, первый по его правую руку, Іеросхимонахъ Михаилъ II Сербскій.

*Житіе Старца Паисія Величковскаго. Изд. 3-е, с. 85. Феофанъ Затворникъ «Письма о Духовной Жизни», с. 148, его же «Путь ко спасенію», с. 270.

я пришел нѣсколько въ себя и думаю, да не по снѣ ли я это вижу. Сознаю, что сижу на стулѣ и передо мною лампа и книга, но не ощущаю, что сижу, и не вижу лампового свѣта. Но вижу общій свѣтъ, который все собою поглотилъ: и стѣны келліи, и предмѣты, и самого меня же. Я ничего не видѣлъ, кромѣ этого свѣта. И я въ благоговѣйномъ страхѣ удивлялся, что со мною происходитъ. Неизъяснимая радость овладѣвала душой отъ сознанія что Господь живетъ во Свѣтѣ Неприступномъ, и этотъ Свѣтъ вездѣ есть, управляетъ міромъ, но міръ его не видитъ и даже не знаетъ. Я какъ бы исчезъ въ этомъ Свѣтѣ, слышу мысль: «Ему бы повѣше взойти!» И другой голосъ: «Нѣтъ, не нужно выходить за предѣлы чело-вѣческаго естества, нужно проходить путь земной, какой опредѣлитъ Господь чело-вѣкамъ». Кто это говорилъ, я не видѣлъ глазами и не слышалъ ушами, а понималъ, что говорили. Потомъ сталъ я приходить въ естественное состояніе и сознаю уже, что въ сердцѣ творится молитва: «Господи, помилуй». И сталъ уже видѣть самую лампу, предо мною стоящую, и естественный свѣтъ отъ нее. И когда окончательно пришелъ въ себя, посмотрѣлъ на часы, увидѣлъ, что пора было идти на послушаніе. Съ

Центръ паломнической фотографіи 1938 г.: за О. Харитоновъ его любимый келейникъ, О. Маркъ Шавыкинъ, рядомъ Наталья, жена писателя Михаила Янсона, въ послѣдствіи Игуменія Серафима Ново-Дивѣвская, а у ногъ О. Харитона мальчикъ Алексій Ридигеръ, будущій Патріархъ всей Руси Алексій II.

чувствомъ глубокаго благоговѣнія и сердечной радости я отпавился на послушаніе, озаряемый сознаніемъ вездѣ-присутствія Божія. И я прыгаль отъ радости, что нахожусь предъ Всевидящимъ Богомъ. 1896 годъ.

Все же въ дальнѣйшемъ мое внутреннее молитвенное состояніе требовало опытнаго разъясненія, ибо я вмѣсто внутренняго пребыванія или стоянія въ сердцѣ оказался изверженнымъ въ чувства тѣлесныя и благодаря чему вмѣсто внутренняго умиротворенія оказалась полнѣйшая неурядица внутренняя. Именно, теплота, находящаяся ниже сердца, привлекаетъ вниманіе ума и послѣдній сосредоточивается тамъ, и происходитъ, что все тѣло распаивается настолько, что, казалось бы, можно бы и зимой ходить босому. И какъ только вниманіе отвлечено отъ внѣшнихъ предмѣтовъ, умъ уже самъ сходитъ въ нутро, хотя бы этого и не хотѣлъ.

Вотъ въ какомъ состояніи я и пришелъ къ О. Агапію, который выслушалъ о моемъ внутреннемъ состояніи и сказалъ: «Вамъ нужно вниманіемъ быть въ устахъ или въ гортани и творить молитву словесную языкомъ или умомъ. Когда придетъ время, то умъ самъ найдетъ свое мѣсто внутри, а теперь нужно выйти изъ нутра и творить молитву, какъ я сказалъ». Послѣ такого указанія я и поступалъ такъ, какъ было сказано, и внутреннее смятеніе у меня исчезло.

Время шло, Отецъ Агапію померъ. Я испытывать тяжкія томленія духа и шемленія сердца, голова почти постоянно болѣла, не знаю, отъ многого ли чтенія или отъ борьбы съ помыслами, сердце томилось до болѣзненнаго состоянія, въ особенности около полудня. Послѣ обѣденнаго отдыха быть невозможнъ изъ-за этого томленія. Я все же старался творить молитву Иисусову, но головѣ было больно и сердце шемило. Я сталъ держать вниманіе тамъ, гдѣ ощущалась боль, и эта боль и томленіе прекратились. И умъ сталъ самъ укрываться туда отъ мысленной брани, отъ которой, какъ видно, и голова болѣла, а теперь она опустѣла и боль тоже

прекратилась. После исповѣди и святого причащения я почувствовала глубочайшій миръ въ сердцѣ, и умъ влекло туда же, въ сердцѣ, гдѣ, сосредоточивъ вниманіемъ и сознаніемъ, творилъ молитву Иисусову, тогда какъ раньше я, при всемъ своемъ усилии, не могъ встать вниманіемъ въ сердцѣ, а теперь и молитву Иисусову творю, находясь вниманіемъ въ сердцѣ, и церковную службу слушаю, находясь сознаниемъ тамъ же, въ сердцѣ. Иногда какой-либо стихъ поражаетъ сердце и какое-либо чувство, покаянія или благодарности къ Богу, сковываетъ все силы душевныя, и очи источаютъ слезы, и служба кажется короткою. (Записано Ноября 17-го 1902 г.)

10. ИИСУСОВА МОЛИТВА

Относительно молитвы Иисусовой со многими я бесѣдовалъ и отъ большинства слышала отрицательные отзывы, особенно о сердечной молитвѣ, что якобы отъ нея можно повредиться. Факты страшили меня. Читая святоотеческія писанія, я нигдѣ не встрѣтилъ предупрежденія или запрещенія быть вниманіемъ въ сердцѣ при молитвѣ, какъ разъ тамъ я нашелъ обратное, т.е., что нужно стараться при молитвѣ вниманіемъ быть въ сердцѣ, какъ болѣе безопасномъ для ума

Группа паломниковъ въ 1939 году, въ центрѣ Игуменъ Харитонъ.

мѣстѣ. Не разъ читалъ о «трехъ образахъ молитвы» Симеона Нового Богослова, о которыхъ сложилось общее мнѣніе, въ томъ числѣ и моего старца Варсонофія, что сердечною молитвою заниматься можно только тѣмъ, кто очистилъ свое сердце отъ страстей. Страстнымъ же это строго воспрещается, дабы не повредиться. И что третья степень молитвы, изображенная Св. Симеономъ, относится къ пресушшимъ, а не къ новоначальнымъ, обладаемымъ страстями. При томъ третья степень разумѣлась какъ третья ступень лѣстницы отъ земли на небо.

Однажды читая о третьемъ образѣ молитвы въ 5-омъ томѣ *Добротолюбія*, я остановился на вопросѣ поставленномъ: «Почему же первый и второй образы вниманія и молитвы не могутъ доставить сего?» (Того, что доставляетъ третій образъ). Прочитавъ толкованіе, изложенное тамъ, въ этотъ моментъ я

почувствовалъ, какъ бы покрывало какое снялось съ ума моего, и я получилъ такое впечатлѣніе, какъ когда ѣдешь въ вагонѣ, представляется, что ѣдешь въ противоположную сторону и отъ этого уясненнаго самообмана кружится даже голова. Такіе же ошущенія почувствовалъ и я послѣ снятія съ ума моего какъ какой-то пелены. Теперь мнѣ ясно стало, что третья степень есть первая ступень отъ земли на небо и что она есть «начало истинной жизни духовной. Которые не полагаютъ такого начала, все трудятся, сами не зная того». И что «нужно подвизаться умомъ и укротить страсти». Итакъ, начало не другое какое есть, какъ умаленіе и укрощеніе страстей, а онѣ не

другимъ какимъ способомъ умяются въ душѣ, какъ храненіемъ сердца и вниманіемъ, ибо, какъ говоритъ Господь нашъ, отъ сердца исходятъ помышленія злыя, которые скверняютъ человѣка, тамъ и потребны вниманіе и храненіе. Сколько разъ я ранѣе читалъ это, но почему-то не понималъ, а теперь такъ ясно стало, что я отъ радости сердечной и чувства благодарности къ Богу готовъ былъ облобызывать каждаго встрѣчнаго, какъ образъ Божій, и люди казались ангелами.

Мнѣ сдѣлалось яснымъ и то, какъ я ранѣе былъ въ томъ состояніи, изображенномъ Св. Симеономъ Новымъ Богословомъ во второмъ образѣ молитвы. Несмотря на мою внутреннюю неурядицу, мнѣ тогда все же мечталось, что я нахожусь въ чинѣ истинныхъ подвижниковъ. Сколько работъ Божіихъ на свѣтѣ, невѣдомыхъ міру, но знаемыхъ Богу, и въ этотъ невѣдомый міру сонмъ подвижниковъ влеталась и

моя личность, и я как бы сознательное свое достоинство, но во то же время было какое-то внутреннее самодовольство отъ того, что я нахожусь въ числѣ избранныхъ Божіихъ. Временами распался такой внутренней жаръ, что казалось и зимой бы могъ ходить босымъ. Приходили тогда и такія мысли: если бы я поставленъ былъ игуменомъ, то жизнь въ монастырѣ потекла бы по духовному руслу, не такъ какъ теперь.

Только постепенно уяснились мои внутренне заблужденія и мысленная прелесть, я сталъ искать внутренней молитвы и руководства къ ней. Въ этомъ исканіи проходили годы, вѣшніе дѣла и озабоченность охлаждали ревность къ молитвѣ, но внутренняя неудовлетворенность побуждала искать сердечнаго мира, который безъ непрестанной молитвы при страстномъ сердце невозможенъ. А время шло, я уже манастейный монахъ, получившій четки, символъ непрестанной и самодвижной молитвы. Хотѣлось мнѣ, чтобы кто-либо изъ собственного опыта разъяснилъ бы мнѣ о самодвижной молитвѣ. Случайно я узналъ, что Отецъ С. имѣетъ непрестанную молитву и изъ бесѣды съ нимъ выяснилось, что онъ занимается Иисусовою молитвою уже нѣсколько десятковъ лѣтъ и что она уже перешла у него въ сердечную самодвижную молитву. Я былъ очень обрадованъ тѣмъ, что наконецъ нашелъ опытнаго наставника. Открывъ старцу о своемъ внутреннемъ состояніи и о томъ, что отъ сосредоточенія вниманія у меня въ верхней части сердца бываетъ теплота, которая поддерживаетъ вниманіе, не давая уму развлекаться. Выслушавъ мое откровеніе, Отецъ С. сказалъ: «У тебя сердце найдено и только нужно показать тебѣ методъ, и черезъ два-три дня молитва сама пойдетъ, и это будетъ самодвижная сердечная молитва. Съ недоумѣніями, могущими встрѣтиться, приходи ко мнѣ и никому не вѣрь, если кто будетъ говорить, что ты не такъ творишь молитву».

Придя въ церковь, я сталъ творить молитву по указанному старцемъ методу. И что же? На второй день слова молитвы стали произносятся внутри какъ бы сами, умъ какъ рабъ погрузился въ сердечную теплоту, которая отъ дѣйствія этого механизма разгоралась все болѣе и болѣе, и мною уже овладѣвалъ страхъ отъ того, что умъ, глубоко погруженный въ теплоту, сдѣлался неспособенъ ничего мыслить: пробую слушать церковную службу—ничего не понимаю, ни мысли, ни чувства никакого, кромѣ разгоряченной теплоты, и слова молитвы какъ бы слились съ этой теплотой, а смыслъ ихъ отсутствовалъ. Я попробовалъ говорить умомъ немолитвенные слова «Глупый Хрисанфъ» и все равно механическое повтореніе словъ вызывало и сливалось съ теплотой. При такомъ состояніи я не могъ и мыслить о Богѣ. Богъ былъ какъ бы гдѣ-то далеко далеко. Я прекратилъ механическое повтореніе словъ

и хотѣлъ было все вниманіе обратить на церковную службу, но въ тотъ моментъ произнеслись страшные и угрожающіе слова: «Ужели ты не вѣришь явной благодати?» Отъ этихъ словъ меня всего затрясло и я чуть не упалъ. Я понялъ, чье это строгое внушеніе, ибо зналъ, что благодать не насилуетъ свободы человека. Въ данномъ случаѣ было явное вражье насиліе, увлекшее умъ въ блажущую теплоту, гдѣ повторяются слова безъ мысли и чувства, безъ памяти Божіей. Такъ поугай твердить не зная что, а мнѣ внушалось, что это и есть самодвижная непрестанная молитва. Я оставилъ тогда этотъ методъ какъ вражье средство, отвлекающее не только отъ молитвы, но и отъ памяти Божіей и чувствъ къ Богу, и сталъ тутъ же въ церкви со вниманіемъ въ сердцѣ слушать церковную службу или же творить Иисусову молитву. Сдѣлалось легко и отрадно.

Послѣ я и объяснилъ Отцу С. все происходившее со мною, и онъ, кажется, не дослушалъ до конца, сталъ объяснять, что разъ у меня пошла самодвижная молитва, то оставалось только благодарить Бога за Его высшій даръ, благодатную непрестанную молитву. Я возразилъ, что человекъ я страстный и меня непрестанно боретъ то гнѣвъ, то другія безчисленные страсти, потому не могутъ быть молитвой эти механически повторяющіеся, хотя и внутри меня, слова, которые я замѣнялъ даже немолитвенными и самодвижущійся механизмъ такъ же продолжался, но въ немъ отсутствовали мысль и чувство къ Богу, какъ описывалъ это Еп. Ѳеофанъ. Мой старецъ смутился и сказалъ, что ученый по теории Еп. Ѳеофанъ не знаетъ опытной практики, о молитвѣ пишетъ неправильно и потому надо читать только творенія Еп. Игнатія, который пишетъ о молитвѣ изъ опыта и правильно. «Что же касается твоего состоянія, то очень печально, что въ самодвижную молитву ты вставляешь немолитвенные слова, вѣдь это кощунство. Нужно продолжать творить самодвижную молитву и никому о семъ не говорить, не метать бисеръ передъ свиньями». На томъ мы со старцемъ и разошлись, при разныхъ взглядахъ на молитву, и потому не разъ бесѣдовали, но все безрезультатно и пошли каждый своей дорогой.

Въ чемъ же состояло заблужденіе моего старца? Этотъ вопросъ разрѣшаетъ Еп. Ѳеофанъ: *«Навыкъ молитвенный не вдругъ образуется, а требуетъ долгаго труда и претружденія себя, вотъ въ семь-то трудъ образованія молитвеннаго навыка лучше всего помогаетъ Иисусова молитва и сопровождается ея теплотою. Замыть, отецъ, что они есть средства, а не самое дѣло. Возможно, и молитва Иисусова есть, и теплота есть, а молитвы настоящей нѣтъ. Какъ это ни странно, но бываетъ и такъ.»*

Теперь вопросъ—духовная ли это теплота? Нѣтъ, не духовная. А обыкновенная, кровяная. Но (если) держатъ вниманіе ума въ сердцѣ и черезъ то

способствует развитію тамъ духовныхъ указанныхъ прежде движеній, то она называется духовною, въ томъ, однако, случаетъ, если она не сопровождается пластью похотною, хотя бы легкою, но держитъ душу и тѣло въ трезвеномъ настроеніи.

«Духовно можно назвать сію теплоту только тогда, когда она сопровождается духовными молитвенными движеніями. Кто безъ нихъ называетъ ее духовною, тотъ допускаетъ неправильность. Кто называетъ ее благодатною, тотъ еще более неправъ. Благодатная теплота особая есть, и она собственно духовная, она отринуена отъ плоти и въ тѣлѣ не производитъ замѣтныхъ измѣненій, а свидѣтельствуется тонкимъ сладкимъ чувствомъ. По сию чувствую всякій легко можетъ опредѣлить и различить теплоту».

Въ дальнѣйшемъ я для большаго уясненія этого насущнаго для меня вопроса читаю книги Еп. Феофана и Еп. Игнатія, дѣлаю изъ нихъ выписки объ Иисусовой молитвѣ, изъ которыхъ составилъ сборникъ въ 600 страницъ, — теперь уже отпечатанный*.

Такъ какъ выписки, недоумѣнія и вражды искушенія относительно молитвы Иисусовой охватываютъ почти весь періодъ моей жизни въ монастырѣ, я въ изложеніи зашелъ впередъ. Теперь вернемся назадъ, гдѣ остановились.

II. РУКОПОЛОЖЕНИЕ

Итакъ, время шло впередъ, и я успѣлъ познаться съ жизнью всѣхъ скитовъ и делая мысль для болѣе уединеннаго житія попасть въ какой-либо изъ нихъ для жительства, котораго жаждалъ съ самаго вступленія въ монастырь.

*О молитвѣ Иисусовой. Изд. Валаамскаго монастыря. 1930. О достоинствахъ О. Харитона какъ духовнаго писателя—особая тема, особенно его труды о принципахъ духовнаго дѣланія. Съ нимъ трудился писатель О. Сергій Четвериковъ, принявшій монашество съ именемъ Валаамскаго основателя во время войны, въ монастырѣ Преп. Юва Почаевскаго въ Чехословакии.

Игуменъ Харитонъ въ шестивъ въ трапезную въ праздничный день; молодой прислужникъ, очевидно, сынъ писателя Валаамовъ, Михаилъ Ялсона, а мать влославины стала Игуменъ Серафимъ въ Ново-Дивѣевскомъ монастырѣ въ Америкѣ.

Пришло время представленія къ дьяконству. Отецъ Игуменъ Маврикій призвалъ меня къ себѣ въ кабинетъ и объявилъ: «Мы соборомъ рѣшили представить тебя къ дьяконству.—«Простите и благословите, батюшка, не брать мнѣ священства».—сказалъ я. «Почему и какія причины у тебя къ этому отказу?» Я отвѣтилъ: «Во-первыхъ, у меня часто болитъ голова и потому полагаю, что священство для меня будетъ бременемъ непосильнымъ. Во-вторыхъ,

главнымъ образомъ, меня смущаетъ то, что какъ я буду священнослужителемъ, то неизбежно буду посланъ въ городъ на которе-нибудь подворье, а мнѣ бы, если это Господу угодно, хотѣлось по-пасть на жительство въ скитъ». На это Отецъ Игуменъ отвѣтилъ: «Въ городъ мы тебя не пошлемъ, ты здѣсь нуженъ, а въ скитъ скорѣй можешь по-пасть священнослужителемъ, чѣмъ простымъ монахомъ. Поэтому подумай хорошенько, посоветуйся со старцемъ, а потомъ и скажи мнѣ». Я отвѣтилъ: «Хорошо, батюшка, но мое непреклонное желаніе—не принимать священства». И вышелъ отъ О. Игумена съ чувствомъ внутреннего удовлетворенія, что есть возможность не быть священнослужителемъ.

Послѣ къ старцу, объяснилъ ему всю бесѣду съ Отцемъ Игуменомъ. Старецъ сказалъ, что не слѣдуетъ отказываться. На мои возраженія, что у меня голова болитъ и стремленія въ скитъ, онъ, нѣсколько недоуловный, отвѣтилъ: «Вотъ съ большою-то головою священнослужителемъ скорѣй попадешь въ скитъ, мало ли тамъ у насъ дураковъ-то живетъ?»

И такъ я вышелъ отъ старца разбитый душой: что дѣлать? Какъ поступить, чтобы исполнить волю Божію? И какъ узнать, есть ли на то или другое воля Божія?—Эти недоумѣнія разрывали мою душу. Пища и сонъ отошли отъ меня и я ходилъ какъ убитый. И кто взойдетъ въ мое душевное состояніе? Кому ни скажу, всѣ говорятъ, что не нужно отказываться отъ

священства. Но меня отъ одной мысли о принятїи священства начинаетъ лихорадитъ и я прихожу въ полное душевное разстройство. Мнѣ казалось, что я съ ума сойду. Послѣ того, какъ я рѣшилъ не принимать священства, явилось полное успокоеніе, я кушалъ и спалъ хорошо и на сердцѣ было отрадно, что я принималъ за явный знакъ правильности моего внутренняго рѣшенія.

Указавшіи на берегъ О. Игумену возвратились. По выходѣ изъ трапезы я подошелъ къ нему подъ благословеніе и онъ спросилъ: «Ну какъ, отецъ Харитонъ, надумалъ ли принять дьяконство?» Я отвѣтилъ рѣшительно: «Нѣтъ. Боюсь, отецъ Игуменъ». — «Нѣчего бояться. За святое послушаніе въ понедѣльникъ побяжите съ отцемъ Иринархомъ въ Сердоболь, а оттуда въ Выборгъ для рукоположенія. Съ Владыкой Сергіемъ я уже видѣлся и говорилъ о семъ». Я О. Игумену не могъ ничего возразить и разошлись какъ будто съ тѣмъ, что я ѣду. Это было въ субботу, и опять я внутренно разстроенъ. Всенощную отстоялъ въ смятенїи духа, ночь почти не спалъ, но думаю, проидеть, все же надо ѣхать за послушаніе. Въ понедѣльникъ ѣдемъ на лошаdkъ по озеру. Погода прекрасная. А я переживаю какое-то адское внутреннее томленіе, и свѣтъ Божїей не милъ, какъ будто везу на убой. Такое было тяжелое состояніе духа. Приѣхали въ Сердоболь и я, размышляя, какъ мнѣ быть, придумалъ хитрую уловку и на ней успокоился, а именно: доѣхать до Выборга и тамъ объяснить Владыкѣ о своемъ внутреннемъ состоянїи и о болѣзньи головы въ превеличественномъ размѣрѣ, и Владыка найдетъ это препятствїемъ и не рукоположитъ. Такимъ образомъ, я возвращаюсь въ монастырь нерукоположеннымъ и меня не только ни будутъ порицать за отказъ отъ послушанія, но будутъ даже сострадать мнѣ за отказъ Владыки въ рукоположенїи. Съ такимъ намѣренїемъ я прибылъ въ Выборгъ. Позванъ къ Владыкѣ на экзаменъ вмѣстѣ съ отцемъ Иринархомъ, оба экзаменъ сдали. Когда Иринархъ ушелъ, оставшись наединѣ съ Владыкой, я изложилъ свое внутреннее состояніе, свои стремленія къ уединенной скитской жизни, свое молитвословіе молитвой Иисусовой и отрадное состояніе духа отъ занятія ею, закончилъ тѣмъ, что сомнѣваюсь принимать дьяконство, такъ какъ голова у меня иногда такъ болитъ, что я теряю память, гдѣ нахожусь и что дѣлаю. Владыка спросилъ: «Бываютъ ли припадки?» Я отвѣтилъ: «Нѣтъ». — «Говорилъ ли отцу

Игумену о головной боли?» — «Говорилъ». Тогда Владыка сказалъ: «При молитвѣ Иисусовой главное должно быть живая мысль о присутствїи Божїемъ. Не развилось бы духовное сластолюбїе въ уединенїи. Готовьтесь въ понедѣльникъ къ рукоположенію. Я васъ рукоположу и послужите для Церкви Божїей. Она есть столпъ и утвержденіе Истинныя». Послѣ этихъ словъ Владыки я почувствовалъ, какъ бы переродился, такъ сдѣлалось легко и отрадно, что и выразить нельзя. Какъ будто весь мїръ переродился и на всемъ виднѣлась печать Промысла Божїя. Я ходилъ, не чувствуя подъ собою ногъ и это мирное состояніе духа продолжалось и во время рукоположенія, которое состоялось 18-го Февраля 1908 года на подворїи Крестовой церкви, въ которой всю седмицу мы съ отцемъ Иринархомъ и служили.

12. ВЪ ЭКОНОМАХЪ

Черезъ годъ послѣ рукоположенія я была позванъ въ кабинетъ Отца Игумена, гдѣ засѣдалъ весь монастырскій соборъ. Отецъ Игуменъ обратился ко мнѣ: «Мы, Отецъ Харитонъ, обсудили и рѣшили поставить тебя экономомъ, такъ вотъ потрудись». Предъ моимъ сознанїемъ экономская должность являлась центромъ суеты суеты, несообразнымъ съ моими стремленїями и наклонностями. Я сталъ отказываться, мотивируя тѣмъ, что я совершенно неспособенъ, по хозяйству ничего не понимаю, при томъ здоровье мое слабое, голова частенько побаливаетъ и озлобченность меня совершенно убитъ. Отецъ Игуменъ, недовольный такимъ отвѣтомъ, сталъ говорить

нѣсколько неспокойно: «Въ хозяйствѣ казначей поможетъ, да у тебя и помощники есть. Нужно попробовать, и если не способенъ, смѣнимъ, а теперь за послушаніе прими экономскую должность. Богъ благословитъ, читай молитву». Я прочиталъ «Достойно есть» и это означало принятїе экономической должности.

Итакъ, теперь я на новомъ послушанїи, которое хотя было и не по духу, но я утѣшалъ себя, что все случившееся происходитъ не безъ промысла Божїя и я долженъ нести именно то послушаніе, которое назначаютъ. Съ О. Игуменомъ мы сошлись по духу, да и кто могъ не сойтись съ нимъ, видя въ немъ примѣръ высокой аскетической жизни, простоты, самоотверженія, кротости и смиренія, его любвеобильное сердце способно было только прощать, а не наказывать.

Игуменъ Харитонъ шестувать съ келейникомъ Маркомъ.

Время шло. Иногда въ задушевныхъ бесѣдахъ съ отцемъ Игуменомъ я открывалъ ему томленія своего духа, какъ я полагаю, отъ суетной жизни и озлобленности, и просилъ какъ милости освободить меня. Но онъ всегда на такіе заявленія отвѣчалъ кроткою просьбою продолжать нести возложенное послушаніе, и читалъ изъ Пролога повѣсти, гдѣ за отказъ отъ послушанія нѣкоторые были наказаны Богомъ. И заканчивалъ всегда той же просьбой не покидать его, пока онъ живъ. Такъ поговоримъ да и продолжамъ нести ярмо какъ Господомъ возложенное.

13. ВОЙНА. РЕВОЛЮЦІЯ

Но вотъ наступило тяжкое искушеніе—война, на которую было взято большинство братства, способнаго къ труду. А потомъ и революція въ Россіи. Революціонныя идеи проникли и въ нашу монастырь. Стали собираться какія-то партіи и что-то обсуждалось. Это побудило командировку казначея О. Юасафа въ Петроградъ къ Владыкѣ Сергію за разъясненіемъ и указаніемъ, какъ поступать въ назрѣвающихъ событіяхъ. Въ это время и Отецъ Намѣстникъ былъ въ Петроградѣ. Вернувшись вдвоемъ въ обитель, они доложили старшей соборной братіи о результатахъ своей поездки и указаніяхъ Владыки, что въ данное время духовная власть безсильна. Монастырскій соборъ рѣшаетъ съѣздить собраніе всего братства. Собраніе назначено на 1-ое Мая 1917 года. Собраніе носило характеръ революціоннаго съ подобными ему лозунгами. Обсуждались вопросы переизбранія эконома и другихъ членовъ собора. Возбужденіе росло и собраніе ничего не предвѣшало кромѣ бунта. Монастырскій соборъ пришелъ къ заключенію отменить назначенное собраніе до открытія навигаціи и просить проеясненнаго Сергія прибыть въ монастырь, чтобы подъ его предѣлательствомъ съѣздить собраніе. Рѣшеніе было расклеено на видныхъ мѣстахъ, братство успокоилось, гроза бунта миновала.

При этихъ печальныхъ событіяхъ у меня было тяжкое внутреннее испытаніе отъ недоумѣнія, какъ поступить въ создавшемся положеніи. Казалось, остава я должностъ эконома, и этимъ вносить бы нѣкое успокоеніе.

Не зная воли Божіей, я терзался до измененія. Пробылъ, пошелъ къ ранней обѣднѣ, и получилъ мысленный ясный отвѣтъ на мои недоумѣнія: «Поступи такъ, какъ поступилъ Григорій Богословъ, когда изъ-за него возникли споры на соборѣ». По окончаніи литургіи я пришелъ къ старцу и онъ первымъ долгомъ сказалъ: «Вчера я тебя искалъ, хочу тебѣ сказать, чтобы ты поступилъ какъ Григорій Богословъ». Я отвѣтилъ, что только что думалъ эти же мысли. Старецъ сказалъ: «Теперь уже видна воля Божія». Постъ сего Отецъ Игуменъ уволить меня и

дать благословеніе водвориться для жительства въ Коневскомъ скиту.

Отецъ Намѣстникъ проводилъ меня съ вещами на пароходикъ «Свят. Николай» и въ Коневскомъ скиту помогъ тащить вещички. Въ церкви Коневской Божіей Матери отслужили молебствѣ, попили чаю и возвратились въ монастырь.

18-го Мая Отецъ Игуменъ возвратился изъ Петрограда вмѣстѣ съ Архіепископомъ Антоніемъ Храповицкимъ, который прибылъ на житьство въ обитель. 21-го въ Троицу Владыка служилъ, и я съ нимъ сослужилъ.

Въ три часа пополудни въ трапезѣ было собраніе подъ предѣлательствомъ Владыки, который говорилъ рѣчь на тему, какъ у апостоловъ было одно сердце и одинъ духъ, коснулся современнаго положенія монастыря, что оно находится въ тяжеломъ состояніи, что враги монастыря кричатъ «Долой монастыри!», что въ такое тяжелое время намъ нужно какъ можно тѣснѣе сплотиться между собою, оставя личные недоразумѣнія и счеги, и стремиться къ общему благу монастыря.

Собраніе подъ предѣлательствомъ Владыки рѣшило эконома оставить прежняго и ввести его въ число монастырскаго собора. И въ результатѣ тайнаго голосованія постановили большинствомъ не вводить другихъ членовъ въ составъ монастырскаго правленія. Такъ эти волненія закончились и жизнь въ монастырѣ потекла обычнымъ порядкомъ.

Отецъ Игуменъ послѣ продолжительной болѣзни 9-го Февраля 1918 года мирно отошелъ ко Господу. Оплакали кончину приснопамятнаго Игумена Маврикія, и мнѣ казалось, что теперь я легко могу освободиться отъ должности эконома.

8-го Мая 1918 года прибылъ въ обитель Преосвященный Серафимъ для выборовъ Настоятеля. Выборы были 10-го Мая, гдѣ Владыка объявилъ о снявшихъ свои кандидатуры въ настоятельство, въ томъ числѣ и моеѣ.

Черезъ день Владыка позвалъ меня въ свои покои и сказалъ, что вновь избранные Настоятель и Намѣстникъ просили не увольнять меня отъ должности, хотя бы на то время, пока война идетъ, а потомъ задерживать не будутъ. И такъ я опять продолжамъ нести это нелегкое послушаніе, въ особенности во время войны въ Финляндіи съ красными, волнений братства съ подданствомъ, реквизиціи хлѣба и продуктовъ, постою недисциплинированныхъ войскъ въ обители—все это отражалось на экономоской должности какъ на центрѣ.

Вотъ идетъ уже 1920 годъ и пришло какъ бы нѣкое затишье, чѣмъ я воспользовался и просилъ опять увольненія. На этотъ разъ уволили временно въ Предтеченскій скитъ безъ опредѣленія срока. Теперь приведу замѣтку вожделеннаго скитскаго житія.

14. ВЪ ПРЕДТЕЧЕНСКОМЪ СКИТУ

1920 годъ. 13-го Декабря. Я въ скитскомъ одиночномъ домикъ. Ночь прошла неспокойно. Страхъ овладѣть душою и тѣло тряслось какъ осиновый листъ при вѣтрѣ. Значитъ, душа моя находится во власти у кого-то другого, когда страшится разныхъ причудливостей, а не Бога. Есть какая-то злая сила, которая страшитъ душу, не имѣющую страха Божія. «Гордая душа,—говоритъ Иоаннъ Лѣтвичникъ,—есть раба страха: уповая на себя, она боится слабого звука тварей и самыхъ тѣней. Плачущіе и болѣзнующіе о грѣхахъ своихъ не имѣютъ страхованій, а страшливые часто лишаются ума, и по справедливости. Ибо праведно Господь оставляетъ гордыхъ, чтобы прочихъ научить не возноситься».

Теперь для меня вышло благоприятное время уединенія, давно желаннаго, въ Предтеченскомъ скиту, гдѣ нахожусь еще только семь дней и наблюдаю за хранимою души своей, которая переживаетъ очень рѣзкія перемены, даже въ теченіе сутокъ. Днемъ, сосредоточась мыслью въ присутствіи Божіемъ, смотря на природу, лѣсъ, одѣтый въ зимній очаровательный уборъ, душа рвется къ Виновику этой панорамы. Потомъ, читая сочиненія св. Отцевъ, въ особенности Исаака Сирина, душа услаждается уединеніемъ, а церковное богослуженіе подогрѣваетъ его. Но вотъ приходитъ ночь. Страхъ овладѣваетъ душою. Каждый шестель листа или древесной вѣтки производитъ въ тѣлѣ какъ электрической токъ и оно трясется, боится даже своей тѣни, вниманіе отъ Бога отходить внѣ себя. И одр не лишень этихъ страхованій, на которомъ слышится уже не шестель листовъ, а бросаніе кирпичами въ коридорѣ. Сонъ уже не прикасается къ очамъ. Все же въ этомъ потрясающемъ страхѣ отъ бѣсовъ была защита невидимой десницы Вышняго, которая направляетъ все ко благу чловѣка, къ его самопознанію.

21-го Декабря. Вечеромъ передъ сномъ на молитвѣ страхованія стали опять одолаживать: какіе-то стукіи какъ молнія производили нервные потрясенія, грозила опасность лишиться разсудка. Ощущалась явная бѣсовская сила. Нервы были напряжены такъ, что казалось, еще минута—и я потеряю сознаніе. Въ такомъ состояніи стоя предъ образомъ Божіей Матери *Вѣлы Скорбящихъ Радосте*, явилось скорбное чувство всѣми оставленія меня безпомощнаго. И въ это время, возложивъ все упованіе мое на Матерь Божію, я упалъ ницъ предъ образомъ и рыдалъ неустойчиво до тѣхъ поръ, какъ омылся этими слезами. Всталъ, почувствовавъ себя здоровымъ, и съ живую сердечною вѣрою въ воздѣшшаго Господа легъ спать. Съ тѣхъ поръ страхованія, по милости Божіей,

Предтеченскій Скитъ на Валаамѣ. Келья пустынножительства О. Харитона; тамъ ему были страхованія.

прекратились. И замѣчательно, что при страхованіяхъ умъ убѣгалъ изнутри во внѣ, теперь же наоборотъ.

Послѣ сутолоки монастырской жизни здѣсь въ скиту при сосредоточеніи вниманія къ себѣ и при помощи молитвы къ Богу чувствовалось отрадное состояніе и время шло незамѣтно, какъ въ гостяхъ у родныхъ.

ПРЕДТЕЧЕНСКІЙ СКИТЬ

Люблю Предтечу чрезвычайно:
Онъ мирнѣ, скромнѣ и красивѣ,
Судьбы его покрыты тайной,
И бѣднѣ онъ и терпимѣ!
Нить здѣсь изысканности въ пищу:
Кой-что варять—и грибу, и бобу
И я въ родимомъ пепелищѣ
Вдали отъ всѣхъ здѣсь лягу въ гробу.

Но вотъ 30-го Января прибылъ Настоятель, служилъ здѣсь и зашелъ ко мнѣ въ келью. Онъ разсказалъ о своемъ тягостномъ положеніи въ управленіи монастыремъ и просилъ 14-го Февраля возвратиться въ обитель, чтобы была возможность посоветоваться въ затруднительныхъ случаяхъ.

По отъѣздѣ Настоятеля изъ скита, сравнивая себѣ скитскую и монастырскую жизнь, я плакалъ горько, горько и въ глубинѣ души вращалась мысль: «Господи, не попусти мнѣ оставить Тебя. Если я при суетности дѣлъ оставлю Тебя, то Ты не оставь меня».

15. СТИЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ

1922 годъ. Надвигались уже мрачныя тучи надъ обителью—тучи стильнаго вопроса. Монастырскій соборъ обсуждаетъ вопросъ, какъ выходить изъ надвигающихся грозныхъ тучъ.—Рѣшили командировать меня къ св. Патриарху Тихону въ Москву для

исполнения указаний, как намъ поступить въ стильномъ вопросѣ. Официально же я посылалъ для осмотра монастырскихъ подворій въ Москвѣ и Петроградѣ.

На второй же день Настоятель отмѣнилъ это рѣшеніе, сказавъ, что смущается посылать въ такое время и туда, гдѣ большевики могутъ только по одному подозрѣнію арестовать или даже разстрѣлять.

7-го Марта 1923 года Иеромонахъ Харитонъ подаетъ прошение на имя Владыки съ просьбой уволить его отъ занимаемыхъ должностей и постричь его въ Великій Ангельскій образъ. Прошение вернулось со слѣдующей резолюціей: «Во вниманіе къ отличнѣе усердной и многополезной службѣ эконома Валаамскаго монастыря и благочиннаго Коневскаго монастыря Иеромонаха Харитона, исполняющаго первую изъ указанныхъ должностей болѣе 14-ти лѣтъ со знаніемъ дѣла и болыною пользою для Валаамской обители, по увольненіи его предоставляется право быть свободнымъ отъ общихъ послушаній монастырскихъ и скитскихъ (кромя церковныхъ) и командировокъ въ городъ и приходы. А такъ же дается право на жительство въ Предтеченскомъ скитѣ или въ скитѣ Всѣхъ Святыхъ въ келіи покойнаго Иеросхимонаха Алексія».

Благодареніе Господу я имѣю возможность почти каждую зиму съ 1920 года временами удлиниться въ скитѣ, а въ 1924 году былъ уволенъ въ отпускъ, который пробывъ годъ и три мѣсяца въ Предтеченскомъ скитѣ. Замѣстителемъ моимъ былъ О. Поликарпъ, по пошлѣ тяжкіе искушенія для обители и я 20-го Іюля 1925 года былъ вызванъ въ обитель продолжать нести свое послушаніе и для меня настала самая тяжкая година стильныхъ смуть въ обители, грозившихъ бунтами и закрытіемъ монастыря. Исторія этого дилематическаго обители у меня описана въ книгѣ подъ заглавіемъ «Введеніе новаго стіла въ Финляндской Православной Церкви и причины нестерпимы въ монастыряхъ». Плоды стильныхъ смуть—расколъ въ братствѣ со всѣми тяжкими послѣдствіями.

Въ бурныхъ волнахъ житейскаго моря время идетъ. Наступилъ уже 1930 годъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я принялъ должность эконома прошло уже болѣе 22-хъ лѣтъ, а я все продолжаю искать уединенной жизни, въ которой только и нахожу покой сердцу своему. Кончая же уединеніе, по немощи духа разсыпаясь, мысли мятутся внѣ Бога, а сердце начинаютъ глотать страсти и оно ноетъ о покоѣ, который находило при сосредоточеніи вниманія въ Богѣ. И это нынѣ сердца въ поэзіи вылилось такъ:

Какъ тяжело мнѣ въ мірѣ, нѣтъ силы терпѣть
 Расстленности, лжи, треволненій...
 Не дайте погибнуть душѣ, очерствѣть
 Въ соблазнахъ мірскихъ искушеній!

Я здѣсь задыхаюсь, о дайте вы мнѣ
 Обители дальней пустыню!
 Убогую келью въ лѣсной тишинѣ,
 Безмолвіе, міръ и свѣтлано!

Чтобъ духъ отъ житейской молвы отрѣшить
 Могли во мнѣ скитскія стѣны...

И подвигомъ тайнымъ я могу испунить
 Сердечнымъ Богу измѣны!

О вѣрѣ, есть минуты здѣсь
 И на землѣ, что сердце тайно

Внушаетъ жизнь и рай небесъ,
 Хоть не всегда, хоть и случайно.

И за одинъ подобный мигъ
 Земныхъ всѣхъ радостей не надо.

И знать тогда, и видѣть ихъ
 Бываетъ сердце ужъ не радо.

Въ 1929 году при перепискѣ съ Еп. Веніаминѣмъ я спрашивалъ его совѣта объ уединеніи и онъ отвѣтилъ мнѣ слѣдующее: «О Вася у меня получилось такое впечатлѣніе (какъ о себѣ), что Вашъ путь—еще не безмолвіе. Лучше смиряться въ послушаніяхъ, въ борьбѣ съ искушеніями самости, разсѣянтія, властности, немилосердія и проч. Кажется, еще далеко до этого, вѣдь Вамъ уединеніе представляется не болышимъ подвигомъ (какъ должно быть по существу), а отдыхомъ въ удобныхъ условіяхъ... Едва ли это есть подлинное безмолвіе духовное. Не уходи ли это отъ подвига, даннаго въ мѣру немощей нашихъ?» (Въ письмѣ отъ 25-го Іюня 1929 г.)

Отъ отвѣта нѣсколько охладилъ мое рвеніе къ уединенію. А между тѣмъ мнѣ исполнилось уже 60 лѣтъ. Изъ канцеляріи Архіепископа пришло извѣщеніе о награжденіи меня Палицею.

Согласно побужденію Владыки, Отецъ Игumenъ просилъ меня написать ему, что бы я желалъ получить въ поощреніе долголѣтней моей службы въ монастырскомъ правленіи. Ввиду преклонныхъ лѣтъ и уже разстроенаго здоровья я просилъ дать мнѣ двойную келію съ Отцемъ Тарасіемъ (Тюменевскіа), сохранивъ за мной и келію въ Предтеченскомъ скитѣ, гдѣ я намѣренъ пребывать болышую часть времени. Такъ какъ нахожусь 24 года экономомъ и Намѣстникомъ, освободить меня изъ членовъ: Комитета по сохраненію монастырей, Монашескаго Совѣта, Дирекціи Валаамской школы-пріюта.

Получивъ всѣ освобожденія, спустясь внизъ, могу повторить удовлетвореніе моего духа словами поэзіи:

НЕБЕСНЫЙ ДОМЪ

Какъ хорошо, когда со мной
 Господь Спаситель пребываетъ,
 Такъ грѣтъ душу, утѣшаетъ
 И въ Царство мира за Собой

Съ любовью кроткой призывает!
Тогда ничтожной и пустой
Жизнь представляется земная:
Влечетъ къ себѣ страна иная,
Небесный Божій домъ родной
И жизнь блаженна, святая...

А вотъ и не разъ испытанное мною былое
прошлое:

Когда же вновь земнаго шума
Коснусь—миръ Божій отойдетъ!
И вотъ опять тоска грезитъ,
И та же горестная дума,
Нигдѣ покоя не дасть...

16. ВЫБОРЫ ВЪ НАСТОЯТЕЛИ

Наступилъ 1933 годъ. Неожиданные событія волнуютъ нашу обитель. Ревизія обнаружила финансовые нарушения и Игумену Павлину предложено было уйти на покой, иначе его бы уволили по суду. Мнѣ кажется, что это жестоко увольнять по суду нашего Игумена, имѣющаго уже старческий возрастъ 68 лѣтъ и правшаго обителемъ въ періодъ самаго тяжкаго времени, причемъ вина его является только та, что онъ не выполнилъ нѣкоторыхъ (финскихъ) формальностей относительно денежныхъ операций, при томъ такой порятокъ банковыхъ операций былъ введенъ болѣе 10-ти лѣтъ и Церковное Управленіе ежегодно проверяетъ отчетность и замѣчаній никогда не дѣлало.

Прочитано было и прошеніе отъ старшей братіи, чтобы не увольняли О. Игумена, но все было тшетоно, т.к. на частномъ собраніи съ представителемъ Финскаго Правительства было рѣшено безповоротно уволить Игумена. Его немедля вызвали 27-го Марта и въ тотъ же день состоялся рѣшеніе о его увольненіи. Выборы новаго настоятеля назначены на 14-ое Мая.

Господи, Ты видишь мое сердце, Ты видишь мои стремленія. Ты видишь мои многолѣтнія горестная рыданія объ уединеніи. Теперь, когда пришла уже старость, когда силы ослабли, когда, по Твоей святой воли, я достигъ уже чашаго уединенія, неужели я опять долженъ идти въ тотъ хаосъ, въ которомъ такъ долго томился мой духъ? Господи, не поступи мнѣ отступить отъ Твоей святой воли. Долженъ ли я не отказываться отъ креста настоятельства или нѣтъ? Или же остаткі моихъ дней оставишь меня въ тихой пристани уединенія? Господи, скажи мнѣ путь въ оныя пойдю! (28-го Апрѣля 1933 года. Предтеченскій скитъ).

12-го Мая я прибылъ изъ скита въ монастырь для встрѣчи Архипастыря и на выборы Настоятеля. Самъ Владыка въ сопровожденіи Благочиннаго Игумена Маврикія зашли ко мнѣ въ келлію и доказывали, что въ данное время мой отказъ отъ настоятельства является нравственнымъ преступленіемъ предъ оби-

тельно, совѣстью и предъ Богомъ, и хотя я былъ другаго взгляда, но не смѣлъ выйти изъ послушанія и потому согласился не снимать своей кандидатуры въ Настоятели.

14-го Мая большинствомъ голосовъ былъ избранъ въ Настоятели и 25-го Мая возведенъ въ санъ Игумена.

Канунъ новаго года. Конечъ стараго 1933-го. Последній такъ много принесъ перемѣнъ въ моей жизни и въ то же время установилось сознаніе, что все совершалось и совершается во волю Божіей, а если это такъ, то Тотъ, Кто возложилъ это иго, дастъ и силу нести его. Съ тѣхъ поръ какъ вступилъ въ управленіе монастыремъ, прошло уже болѣе полугода и, по милости Божіей, съ правительственными учрежденіями: Военнымъ Вѣдомствомъ, Лѣснымъ и Церковнымъ Управленіями натянутость ослабла, безвыходныхъ положеній не вижу, да и здоровье не ухудшилось.

5-го Апрѣля 1933 года. Сегодня Великій Четвертокъ служить соборне, впервые постригалъ двоихъ въ монахи съ именемъ Марка и Тимоѣя. Трогательные вопросы и отвѣты и умирительное пѣніе будятъ въ душѣ чувства къ Богу и напоминаютъ о данныхъ уже обѣтахъ.

16-го Апрѣля. Службы Страстной седмицы смѣнились Свѣтлой седмицей. Но душа перепоинена заботами обыденной жизни и связанными съ ней скорбями, которыя терзаютъ до изнеможенія, и выбившаяся изъ силъ она только тогда припадаетъ къ Кресту, ища живоносной силы, омываясь слезною водою, и находить облегченіе и утѣшеніе.

17. БОЛѢЗНЬ

1934 годъ. Въ субботу 3-го Ноября Господъ послѣтилъ меня внезапною болѣзнію, въ 2 часа дня почувствовалъ сильную слабость, позвалъ О. Иеронима, который предложилъ принять какого-то порошка съ водою, что я и сдѣлалъ. Часъ былъ въ постели и чувствовалъ себя хорошо, готовился послужить. По 5-ой пѣсни трехканоника почувствовалъ сильную слабость и тошноту, вышелъ изъ церкви, позвалъ опять О. Иеронима въ свои покои, гдѣ меня уже рвало. Отцы Иеронимъ и Алексій принимали мѣры для освобожденія желудка, но безуспѣшно. Пришли къ заключенію, что у меня заворотъ кишкы, требующій немедленной операции. Отецъ Намѣстникъ принялъ мѣры къ отправкѣ въ Сердоболь, но пароходъ на Валаамъ въ это время не оказался, былъ только небольшой военный моторъ, капитанъ котораго отказался идти ввиду темной ночи и бурной погоды.

Узналъ о семъ по телефону докторъ Рюткеля, сталъ просить полковника Ярянина о посылкѣ военного парохода за мной, но, по справкѣ, на пароходъ, который могъ бы идти, не оказалось маши-

ниста. Тогда полковникъ сдѣлалъ распоряженіе капитану того небольшого мотора, который отказался, невзирая на опасность везти меня.

Итакъ, я исповѣдался и причастился Христовыхъ Таинъ и въ сопровожденіи Отцовъ Иеронима и Дмитрія поѣхалъ. Дѣйствительно, бурное море свирепствовало, но, по милости Божіей, мы благополучно пристали къ Сердобольской пристани, гдѣ насъ уже дожидался милый докторъ. Былъ первый часъ ночи. На автомобиль поѣхали съ докторомъ въ больницу. Я потерялъ уже сознание. Помню только, какъ на операционномъ столѣ на меня надѣли маску и сказали: «Дыши въ себя», послѣ сего я окончательно потерялъ сознание.

Операция продолжалась около 4-хъ часовъ. Первые дни въ больницѣ къ пищѣ получилось отвращеніе. Время шло, организмъ слабѣлъ все болѣе и болѣе; надѣжды на выздоровленіе было мало.

Я старался представить участь моей жизни на волю Божію, не смѣлъ желать ни смерти, ни жизни и потому болѣе спокойно переживалъ всѣ перемены въ моей болѣзни. Отецъ духовникъ приобщалъ ежедневно св. Христовыхъ Таинъ, что болѣе умиротворяло душевное состояніе, такъ что особыя страданія я почти не испытывалъ.

Операция оказалась очень серьезной: воспаление поджелудочной желѣзы, которая проболѣла уже двенадцатиперстную кишку. Ясно, что была неминуема

Могила Игумена Харитона на монашескомъ кладбищѣ на Новомъ Валаамѣ въ Финляндіи.

смерть, но Господь возлюбилъ людей и черезъ операцию: немедленная смерть была предотвращена, однако она ежесекундно витала надъ одромъ моимъ и представляла безобразное зрѣлище—поле какихъ-то безжизненныхъ ледниковъ, гдѣ замерзло и все безжизненно, и въ моемъ сознаніи мерцаетъ мысль св. Писанія: «Не имать духъ мое пребывать въ чловѣцѣхъ: сихъ зане суть плоть». Мое сознаніе и духъ находятъ въ мнѣ меня, животная душа съ ограниченнымъ живуть какъ бы отдѣльно, и я сознаю себя какимъ-то двойникомъ, духъ томится внѣ сердца какъ внѣ своего

орудія, мозгъ, какъ орудіе ума, тоже замеръ и умъ безсиленъ мыслить и чувствовать, только сознаніе держится за память Божію и Его вселѣбннство, возлагая все упованіе на Господа, Который можетъ живить и мертвить, бѣзъ Господа я холоденъ, безжизненъ, разъединенъ даже съ самимъ собою. Что, если не Божественная благодать, соединить меня съ собою?

Когда я былъ на грани вѣчности, приходила мысль просить Господа о выздоровленіи, но ужасался того, буду ли я исправнѣе и усерднѣе къ дѣлу спасенія своей души или опять буду въ лѣности изживдѣть свое житіе и по выздоровленіи. И вотъ Господь возстановилъ меня отъ одра болѣзни, но настолько, что я могу только двигаться безъ посторонней помощи и тѣлесные недуги остались при мнѣ для напоминанія, для чего мнѣ Господомъ дана отсрочка.

Духъ нашъ, чисто осознавая самаго себя, не можетъ не видѣть, что онъ безсмертенъ. Ибо изъ чего состоитъ онъ?—Изъ ума, воли, понятій, желаній, но все это негнѣно и неразрушимо. Слѣдовательно, сознавая себя чисто, т.е. отдѣльно отъ тѣла, онъ не можетъ найти въ себѣ ничего тѣлеснаго, смертнаго, ибо страхъ смерти рождается оттого, что представленія наши о духѣ не есть чисто духовные, а смѣсь духовнаго съ тѣлеснымъ. Мы сознаемъ духъ не такъ, какъ онъ есть въ себѣ, но такъ, какъ онъ выражается въ нашемъ тѣлѣ, а потому сознаемъ его смертнымъ. Но если бы сознавали его чисто, удаливъ все то, что плоть примѣшиваетъ къ чистому сознанію, то колебленность вѣры въ безсмертіе исчезла бы совершенно. Такъ, въ святыхъ людяхъ, которые чисто сознавали себя, ожиданіе безсмертія было самое твердое, и они скорѣе бы усомнились въ томъ, что живуть, нѣжели въ томъ, что нѣкогда будутъ жить.

Покая и уединенія, такъ желанныкъ Игуменъ Харитонемъ, въ этомъ мѣрѣ дожидается не пришелъ. Мечта осуществилась 27-го Октября 1947 г., когда онъ скончался въ эвакуированномъ монастырѣ Новомъ Валаамѣ, постриженный въ Великую схиму съ тѣмъ же именемъ.

Вместо желанныхъ къ старости уединенія въ тиши, Игумену Харитону выпала тяжелая доля выдержать военное лихолетье, трудности переселенія и тоску по родному Ладожскому Валааму. Эту тоску онъ выразилъ въ стихотвореніи:

ПРОЩАНІЕ СЪ ВАЛААМОМЪ

Прощай, мой единственный островъ,

Святые мѣста, купола,

Кресты золотые и церкви...

А можетъ быть не навсегда?*

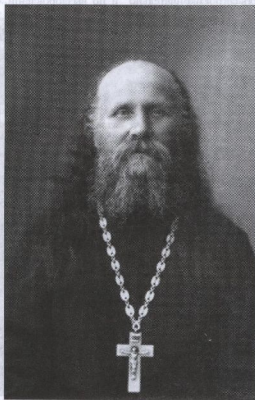
18. НОВЫЙ ВАЛААМЪ ВЪ ФИНЛЯНДІИ

Валаамскіе монахи очень тяжело переживали насильственно водворенный т. н. «новый» календарь, вопреки душераздирающимъ протестамъ. Многихъ протестующихъ безцеремонно выгнали, оставшихся судили, а безмолвствующихъ оставили въ состояніи предателей истиннаго духа валаамскаго. Въ числѣ послѣднихъ оказался самъ О. Харитонъ, волею неволею пожертвовавший собою и отстоявший монаховъ отъ репатріаціи въ совѣтскіе концлагеря. Расколотость въ средѣ своей же братіи въ сѣмь ощущалась очень бользненно, хотя внешне на видъ Валаамъ сохранился, но въ смѣль пополненія новой смѣной монашествующихъ не представлялъ интереса. Но тутъ надъ Валаамомъ повисла еще большая угроза — полная ликвидация обители съ пришестьемъ Совѣтовъ на территорию Валаамскихъ острововъ, отошедшихъ къ СССР послѣ финско-совѣтской войны, когда доблестные финны отстояли свою родину

и пригласили остатки монаховъ въ свою гостеприимную страну создать свой Новый Валаамъ. Зимой въ крещенскіе морозы двести съ лишнимъ старыхъ монаховъ, собравъ все, что можно было спасти, двинулись пышкомъ за замерзшей Ладогой, со слезами на глазахъ оглядываясь на навѣки удаляющійся родной Валаамъ.

Поселились въ красивой мѣстности и снова зажили по-валаамски, но уже расколотые модернизмомъ стіла быстро вымирали. Въ 1941 году О. Харитону удалось поспѣть уже оскверненный Старый Валаамъ, только взглянуть и покинуть. Но больше ему не суждено было

его, любимаго, лицезрѣть. Когда кончилась война, Игумень Харитонъ вернулъ Валаамъ на старый церковный стиль, но это было для монаховъ, хотя и радостно, но поздно, раны такъ и не зажили. Валаамъ былъ обреченъ на вымирание. На сегодняшний день не осталось ни одного русскаго монаха. Новый Валаамъ — финскій монастырь, но онъ бережно хранитъ то достоинство, которое старые монахи смогли спасти: библиотеку, архивъ, иконы и т. д. Келейникъ О. Харитона, Маркъ Шавыкинъ, впоследствии епископъ Ладожскій и Санъ-Францискскій, рассказывалъ, съ какой любовью Игумень продолжалъ стоять у кормилы своего утопающаго Валаама, жалѣя монаховъ, хотя многие его осуждали за «предательство», напримеръ, принимая иноческое послушаніе, они не физически принимали «раскольническаго» благословенія. Но въ вѣтви въ немъ зашитника валаамскаго исихазма. Такимъ онъ и остался до конца вѣковъ — Авоа Русскаго Авоана!

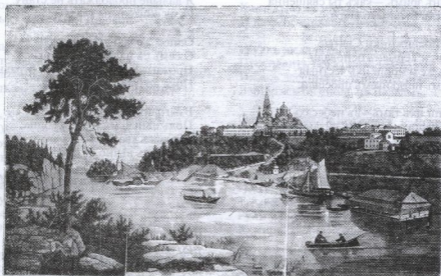

Игумень Харитонъ Валаамскій
1872-1947

Направо воспроизведенъ подлинный "Валаамскій Листокъ" 1910 г., со стихами монаха Петра, съ добавленіемъ Игумена Харитона, и изъ далекой Аляски уже голосъ изъ Американскаго Новаго Валаама и Еловаго Острова Преп. Германа Аляскинскаго (1836 г.)

*По Валаамскому обычаю, О. Харитонъ не былъ лишень поэтическихъ поползновеній. Всѣ монахи любили «О дивный Островъ Валаамъ» Монаха Петра Михайлова и съ паломниками глѣти ностальгически, орошая глаза слезоу. Видя гибель Валаама, у О. Харитона вырвалось изъ груди продолженіе гимна, а у послѣдующаго поколѣнія валаамцевъ, уже видя возрожденіе св. Обители, то же, но уже съ далекой Аляски, изъ Новаго Валаама.

Иноческая Лура

О, ДИВНЫЙ ОСТРОВЪ ВАЛААМЪ!

Стихотвореніе, посвященное Валаамской обители.

О, дивный островъ Валаамъ!
Рука Божественной судьбы
Воздвигла здѣсь обитель рай,
Обитель вышей чистоты,

Обитель чудную, святую,
Жилыще избранныхъ людей,
Обитель сердцу дорогую,
Обитель мира отъ страстей.

Бобовзбранная обитель!
Пречудный островъ Валаамъ!
Тебя дерзнулъ воспѣть твой житель.
Прими его ничтожный даръ!

Не знаю, какъ воспѣть слухомъ
Твои долины и поля,
Твои лѣса, твои заливы,
Твои священныя мѣста.

Я о тебѣ сказать не смѣю:
Ты такъ величіемъ полна!
Сложитъ и пѣсни не умѣю:
Передъ тобой она блѣдна.

Одно скажу лишь я: безъ мѣры
Ты въ жертву Богу принесла
Всю чистоту Святая вѣры
И плоть священнаго труда.

Какое мѣсто ты избрала!
Какой воздвигнула алтарь,
И какъ прилежно воспѣвала
Въ немъ Бога истиннаго твара.

Но было здѣсь иное время:
Стояло кошице боговъ,
И жизнь грѣховная кипѣла
Подъ окомя бдительныхъ жрецовъ.

Не знаю я, какъ долго длилась
Та служба мерзостнымъ богамъ;
Но милость Божія явилась
На сей гранитный Валаамъ:

Андрей Апостоль, — есть преданье, —
Крестомъ разсѣялъ мракъ грѣха,
Предрекши Вѣры процвѣтанье,
Поста, молитвы и труда.

Сбылося Божье слово вѣрно:
Тотъ крестъ прогналъ враговъ Христа,
И нынѣ зримъ,—какъ ты священна
Обитель Вышняго Царя.

Тебя подвижники Святые
Сергій и Германъ основали
Здѣсь же и мощи ихъ честныя
Своимъ негнѣнъемъ просіяли;

А души ихъ тамъ—въ небесахъ
Въ чертогахъ Божіихъ витають.
На всѣхъ насъ грѣшныхъ—въ чудесахъ
Щедроты Божіи являютъ.

Хвала тебѣ, обитель славы!
Ты блещешь въ юной чистотѣ,
Храня вѣсь строгіе уставы
Въ своемъ монашескомъ житѣ.

Мнѣ перечестъ не хватитъ силы
Святыхъ подвижниковъ твоихъ,
Но ихъ поросшія могилы
Легко наполнить могутъ стихъ.

Одно, одно лишь знаю вѣрно:
Ты много вынесла скорбей.
Терпѣла много искушеній
Отъ злыхъ завистливыхъ людей.

Тебя не разъ опустошала
Толпа неистовыхъ враговъ;
Но ты лишь мужество являла
Средь всѣхъ лишеній и тревогъ.

И послѣ долгихъ испытаній,
Опустошеній и борьбы,
Какъ властелинъ своихъ желаній,
Во всей красѣ явилась ты!—

Смирненныхъ иноковъ обитель!
Пріюти трудящихся рабовъ,
Въ духовный мѣръ путеводитель,
Отъ силы вражіей покровъ!

Могу ли я узрѣть твердыню,
На коей выстроилась ты?
Могу ль воспѣть твою святыню
И понести твои труды?!..

Свое безсиліе сознавая,
Чтобъ величать тебя въ стихахъ,
Я дальше продолжать не стану:
Сама обитель на глазахъ!

Одной желаю лишь отрады,—
О семь съ надѣждой я молюсь
Прожить въ стѣнахъ твоей ограды
Пока во гробъ переселюсь!..

Взыграйте, горы Валаама,
Подъ сѣнью милости Творца,
Отъ насъ хвала Ему и слава
Да булетъ вѣчно безъ конца.

Монахъ Петръ Михайловъ

О, Валаамъ многострадальный!
О, Стратотерпѣль Валаамъ!
Опять удѣлъ судьбы печальной
Пришелъ къ святымъ твоимъ мѣстамъ.

Опять ты, ранами покрытый,
Стоишь безмолвный и пустой,
Полуразрушенный и избитый,
Но тотъ же дивный и святой.

Ужъ ты для насъ необитаемъ,
И мы, насельники твои,
Осиротѣлые блуждаемъ,
Какъ безъ отца и безъ семьи.

Какая тяжесть испытанья,
Ударъ, потеря изъ потерь,
Куда снесемъ свои страданья,
Гдѣ слезы выплечемъ теперь?

А что теперь на Валаамѣ?
Какой служитель тьмы и зла
Глядѣть безстыдными глазами
На голубые купола?

Кто тамъ ходилъ, не ощущая
Твою святую благодать,
Свои руки оскверняя,
Твоихъ касались святыни;

КАРУЛЬСКІЙ ПАТЕРИКЪ

Кто непристойными рѣчами
Сквернитъ алтарь священный твой
И въ томъ величественномъ храмѣ
Стоить съ покрытой головой.

Чей у престола дерзновенно
Клубится дымъ отъ папирсъ,
А ты, покорный и смиренный,
Терпѣль въ молчаньи, какъ Христосъ!

И какъ Христосъ въ часы мученья,
Какъ Онъ, безропотенъ и тихъ,
Ты кротко возносишь моленья
За распинателей твоихъ.

О Валаамъ, примѣръ терпѣнья,
Ты не угаснешь до конна,
Невольной вѣрою согрѣты
Опустошенные сердца.

За безграничное смиренье
Тебя, какъ Господа Христа,
Ждетъ также радость Воскресенья
За всю безропотность Креста!

*Настоятель Игумень Харитонъ
Папниіеми,
1-го Ноября 1941 г.*

Полвѣка длилось разрушенье,
Не возставалъ нашъ Валаамъ,
И благодать отъ оскуденья
Ужъ не царитъ по островамъ.

Въ смиренны робкомъ умирали,
Уйдя монахи въ Финскій край,
Лишь какъ видѣнье вспоминали
Свой Валаамъ, свой бывшій рай.

Все тѣ жъ безбожные вандалы
Такъ разрушали Валаамъ,
Что даже ангелы рыдали,
Какъ Русь повергли въ стыдъ и срамъ.

И звонъ умолкъ! Но колокоल्या
Стоить и слушаетъ мольбы,
Какъ душамъ иноческимъ больно
И какъ безмолвствуютъ скиты.

И какъ желала бь Русь Святая
Прославить Бога снова тамъ,
И какъ весеннихъ птичекъ стая
Вернуться бь вновь на Валаамъ.

О волны Ладоги широкой!
Услыште вопль земли родной,
И изъ чужбины зовъ далекій
Примите какъ залогъ святой.

И чудо бысть! Какъ Русь крестили,
Тысячелѣтіе прошло,
Руины русскія ожили...
Кумирь свалился въ ада дно.

Ввѣривъ себя святымъ молитвамъ
Людь потянулся въ Валаамъ;
Какъ встарь припалъ къ своимъ
святянямъ
И духъ монаховъ ожилъ тамъ.

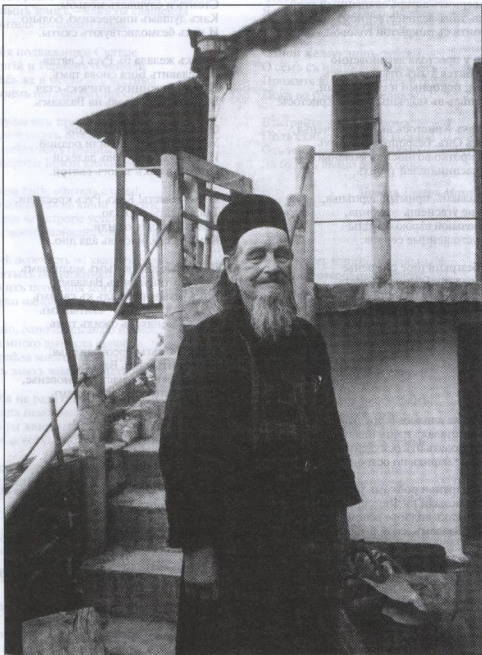
О тихій Свѣтъ Преображенья!
Да осѣнитъ нашъ Валаамъ!
Вновь посѣтитъ насъ вдохновенье,
Подаетъ спасеніе всѣмъ намъ.

Взыграйте, горы Валаама,
Поль снѣно Божьяго Креста!
Да воскуренье оуміама
Дойдетъ до милости Христа!

Вновь сонмъ подвижниковъ смиренныхъ
Молитвенный подымаетъ шить.
О кроткій лучъ благословенныхъ!..
Такъ Валаамъ Богъ воскреситъ.

*Игумень Германъ
Новый Валаамъ,
Аляска
1994 г.*

Схимонахъ Никодимъ (†1984)
На фонѣ келии своего сотаинника Иеросхимонаха Серафима.
Снято вскорѣ послѣ Пасхи 1979 г.

КАРУЛЬСКИЙ ПАТЕРИКЪ

РУССКИЙ КАРУЛЬСКИЙ СВЯТОГОРЕЦЪ СХИМОНАХЪ НИКОДИМЪ

Учитель Исихазма

Память 15-го Февраля (†1984)

Воспоминанія

20 лѣтъ со дня преставленія (1984-2004)

Воспоминанія, какъ правило, освещаютъ личность, какъ видятъ человекъ со стороны, даже если близкій. Но собраніе воспоминаній въ общемъ можетъ свидѣтельствовать и объ объективной реальности данного лица. Любые воспоминанія можно смѣло приветствовать для созданія географическаго портрета. Мое знакомство со Схимонахомъ Никодимомъ, принесшее мнѣ помощь въ трудную минуту жизни, является источникомъ вдохновенія и поддержки, которое, я вѣрю, можетъ быть полезно и другимъ.

І. АѦОНСКІЙ СТАРЕЦЪ

КАЖДЫЙ НОРМАЛЬНЫЙ русский человекъ долженъ имѣть своего аѦонскаго старца, которому бы онъ посылалъ немножко денегъ, а тотъ молился бы за него Богу. Особенно сейчасъ, когда такъ оскудѣло русское монашество на АѦонѣ», — такъ сказалъ мнѣ дорогой Отець Владимиръ, который, можно сказать, духовно меня родилъ. Спасъ онъ меня отъ унынія и отчаянія. Онъ далъ мнѣ адресъ нѣкоего Схимонаха Никодима, что спасался на крутомъ утѣсѣ Карули на южномъ побережьи АѦона.

Недолго думая, я написалъ ему письмо съ просьбой молитвы и послалъ ему 5 долларомъ. Меня очень удовлетворяла идея, что такъ просто можно завязать контактъ съ АѦономъ. И очень скоро я получилъ отъ него письмо и такъ занялась драгоценная связь съ древнимъ АѦономъ и для меня большая духовная поддержка, длившаяся до самой кончины старца. Это было лѣтомъ, почти 50 лѣтъ тому

назадъ. Цѣнность этой связи заключалась еще въ томъ, что О. Никодимъ могъ мнѣ посылать духовныя книги дореволюціоннаго изданія отъ старыхъ умирающихъ русскихъ аѦонскихъ за небольшую плату, чтобы облегчить ихъ старость.

На АѦонѣ въ тѣ годы русское монашество было подвергнуто вымиранию: выгнать изъ СССР молодой смѣны было запрещено, а другой поддержки у русскихъ святогорцевъ не было, и О. Никодимъ навѣшалъ умирающихъ монаховъ и наследовалъ ихъ частныя запасы книгъ.

Первое письмо, которое я отъ него получилъ, было краткимъ, гдѣ онъ общалъ за меня молиться и спрашивалъ, какихъ авторовъ книги я хотѣлъ бы получить. Вложена была печатная иконка моего небеснаго покровителя, Страстотерпи Глѣба, оцѣнаго въ княжескія сапожки, и между двухъ ногъ въ сапогахъ вылезала третья босая ножка! Меня это очень удивило, и я не могъ понять, что это значитъ. Гадать, гадать какое въ этомъ кроется духовное значеніе, но такъ и не разгадалъ, но сердцемъ

чувствовать, что появилась еще таинственная «ножка» в лицѣ О. Никодима мнѣ въ помощь, ходьбѣ по моему нелегкому сиротскому жизненному пути.

Письма за всѣ эти годы я получалъ отъ него регулярно, они были краткіе и отвѣчали по дѣлу на заданные вопросы и просьбы. Я просилъ посылать мнѣ книги и получалъ много старыми монахами написанныхъ книгъ святоотеческой литературы. Среди нихъ было 12 томовъ «Отечественныхъ Подвижниковъ Благочестія», всѣ тома Еп. Игнатія Бранчанинова, 5 томовъ *Добротолюбія* и т.д. Читая ихъ, я настраивался, какъ жить православному въ инославной странѣ, гдѣ наши православные соотечественники быстро теряютъ свою святорусскую философію жизни. Я задавалъ массу вопросовъ и просьбъ разрѣшенія сложныхъ обстоятельствъ, которые хотя и чужды были авонскому пустынножителю, но однако всегда указывали мнѣ нѣкоторый путь и помогали самому дѣлать заключенія.

2. РАЗЪЯСНЕНИЯ

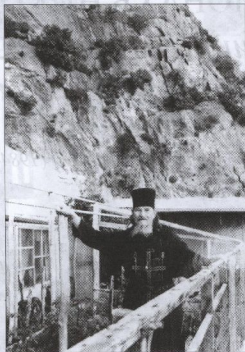
Приведу примѣры. Мнѣ хотѣлось уйти въ монахи, но была престарѣлая мать, которой хотѣлось къ старости пожить въ своемъ собственномъ домѣ, да при томъ непременно «съ видомъ на морѣ», а денегъ не было. Взять въ долгъ на много лѣтъ, медленно выплачивать—отдѣляло отъ монашества. О. Никодимъ благословилъ покупать вдругъ нашедшійся домъ. И я вълезъ въ долги на много лѣтъ, сознавая, что откладывая дорогое мое монашество въ угоду матери. Но Господь, по молитвамъ О. Никодима, устроилъ такъ, что черезъ пару лѣтъ я освободился, а мать счастливо прожила тамъ 15 лѣтъ, и я сталъ монахомъ, и поселился въ пустынной обители.

Былъ у меня другъ, попавшій въ бѣду. Мнѣ хотѣлось знать, какъ разсматривать его ситуацию. Молодой иеромонахъ, бывший совѣтскій офицеръ (поль Сталинградомъ), усиливаясь творить Иисусову молитву въ своей келліи, сподобился озаренія таинственной благодати, пронизавшей все его существо неизрѣченной радостью и давшей ему понять, что осуществима та благодать, о чемъ Мотовиловъ описываетъ въ своихъ запискахъ. Длилось оно недолго, но было подтвержденіемъ, что возможно и въ наше время «стяжаніе Духа Святаго». Черезъ нѣкоторое время

онъ покинулъ монастырь по послушанію, тамъ соблазнился, ушелъ въ міръ, бросивъ монашескій образъ жизни и такъ пребывалъ много лѣтъ. Могло ли это быть бѣсовское наваженіе въ видѣ благодатнаго истиннаго озаренія, если послѣдовало такое отступленіе? И будучи въ міру, ему еще два раза было такое сподобленіе, послѣдній разъ, когда онъ погружался въ воды Иорданскія въ Святой Землѣ, но не съ такой силой, какъ прежде. Я его очень жалѣлъ и не могъ примириться съ сужденіемъ монаховъ, что

это была бѣсовская прелесть. Отецъ Никодимъ въ отвѣтъ просилъ написать полный отчетъ этого происшествія. Было написано около 10-ти страницъ, на которыя послѣдовалъ отвѣтъ О. Никодима, что конецъ укажетъ истину, если онъ покается и вернется къ Богу, то явленіе это было для него испытаніемъ, а если это было отъ зла, то будетъ плохой конецъ.

Другой случай. Два молодыхъ образованныхъ ревнителя благочестія мечтали о пустынноческой жизни въ горахъ и лѣсахъ, не входя въ церковно-политическую сторону жизни: можно ли вести такой образъ жизни въ наше время? На это О. Никодимъ давалъ свое положительное рѣшеніе. Въ результатѣ чего со временемъ появилось нѣсколько монастырскихъ общинъ съ

Схимонахъ Никодимъ въ своей Карульской пустыни. 1972 г.

полупустыннымъ уставомъ, благодаря святымъ молитвамъ О. Никодима.

Въ Австраліи подвизался аскетически настроенный приходской священникъ, О. Ростиславъ Гань, жаждущій непрестанной Иисусовой молитвы и просившій руководства О. Никодима въ этомъ нелегкомъ подвигѣ. О. Никодимъ обѣщалъ ему руководить имъ по ученію своего Старца О. Феодосія Карульскаго, посылая ему духовный дневникъ послѣдняго въ руководство. Но такъ какъ дневникъ былъ длинный и ксерокопій въ то время не существовало, то О. Никодимъ переписывалъ его по частямъ и посылалъ письмами, которые тотъ собиралъ и жилъ по нимъ. Не всѣ письма О. Никодима доходили въ далекую Австралію, кромѣ того много писемъ было повреждено въ пути водой и чернила расплывались до неузнаваемости текста. Чувствуя приближеніе

своей кончины, О. Ростислав, съ благословеніа О. Никодима, прислалъ намъ эти письма съ просьбой ихъ перепечатать и, если Богъ дастъ, издать книжкой этого дневникъ.* Дѣло было нелестко, т.к. расплывчатые страницы представляли печальную картину для расшифровки, тѣмъ болѣе печально было то, что самъ О. Ростиславъ скоро умеръ.**

3. ДОЛГОЖДАННОЕ ПАЛОМНИЧЕСТВО

Послѣ 25-ти лѣтъ перескита съ О. Никодимомъ я смогъ поѣхать на Аѡнъ съ цѣлью не только повидать О. Никодима, но и заполнить пробѣлы въ дневникѣ неразборчивыхъ мѣстъ текста. Мой товарищъ по семинаріи, молодой Иеросхимонахъ Іоаннъ (Меландеръ), проживавшій уже 10 лѣтъ на Аѡнѣ въ Свято-Ильинскомъ скиту, ожидалъ меня и сопровождалъ къ О. Никодиму.

Стояла цвѣтущая весна. Мѣсяць Май на Аѡнѣ особенно красивъ своими бѣлыми цвѣтущими каштанами. Было вскорѣ послѣ Пасхи, и всѣ встрѣчающіеся святогорцы привѣтствовали другъ друга радостнымъ восклицаніемъ «Христосъ Анастасіе!» Пробывъ нѣкоторое время въ Ильинскомъ скиту, созданномъ Преподобнымъ Паисіемъ Величковскимъ, я отправился на катерѣ въ долгожданную Карулію. На борту среди путешествующихъ монаховъ и паломниковъ недалеко отъ насъ сидѣлъ старый монахъ, погрузившійся съ закрытыми глазами въ себя. Я любовался этой картиной на фонѣ блистающаго голубого моря—швѣтущими утесами Аѡна. Замѣтивъ мою восторженность, мой другъ шепнулъ, указывая глазами на сторбленную фигуру застыващаго старца: «Смотри! Исихастъ въ молитвѣ»,—и улыбнулся. Въ этотъ моментъ раздался храпъ, и я понялъ, что всѣ—люди и нужно смотреть на вещи трезво. Когда же я поспѣтилъ Отца Никодима, то сразу же замѣтилъ въ немъ то же чувство юмора.

Схимонахъ Никодимъ съ рукописью Дневника Старца Θεολογία, Иеросхимонахъ Серафимъ и авторъ, при входѣ въ храмъ Каруліи. 1979 г.

Прибывъ къ причалу, мы поднимались по крутой скалистой лѣстницѣ вверхъ. Это была Карулія. За полпути до Троицкой келліи, гдѣ жилъ О. Никодимъ, появлялись отдѣльныя келліи пустынниковъ. Въ одной изъ нихъ налѣво жилъ духовный сынъ и одновременно духовникъ О. Никодима, смиренный О. Серафимъ, тоже писавшій мнѣ неоднократно и растолковавшій мнѣ

Ѳеофанову Лѣствицу изъ Славянскаго *Добротолюбія*, которая меня интересовала, т.к. упоминается въ одномъ изъ писемъ Преп. Германа Аляскинскаго, принесшаго эту духовную сокровищницу.

Войдя къ О. Никодиму, я увидѣлъ перель собой долгожданнаго моего героя—Старца и источника аѡнской мудрости. Онъ былъ средняго роста, съ живыми глазами, улыбающійся, и его чуть азіатскія черты лица безъ бороды на шекахъ показались мнѣ такими русскими, родными. Онъ меня разцѣловалъ и ликоуешь, даже восторженно, привѣтствуя, ввелъ насъ съ О. Іоанномъ въ свою келлію, гдѣ О. Іоаннъ былъ постоянный посѣтитель. Вдругъ я увидѣлъ, что О. Никодимъ вынимаетъ телефонную трубку рашіи и говорить съ О. Серафимомъ, чтобы тотъ поднялся пить чай съ гостями. Оказывается, между ними была радиосвязь. У О. Никодима была налѣва маленькая аѡнская камиллава и видна схиμα. Онъ характеромъ былъ открытъ и доступенъ, безъ всякой претензи, очевидно, съ большой силой воли и внутренней теплотой. Былъ очень худой, подвижный и внимательный.

4. ВООЦІО КАРУЛІЯ

Я пробылъ тамъ нѣсколько дней. Служилъ литургію. Отецъ Никодимъ мнѣ прислуживалъ. Онъ потребовалъ, чтобы я его исповѣдовалъ, что мнѣ было неловко, но онъ, видно, испытывалъ мое смиреніе. Причался. Насъ было только четверо, я ощущалъ большое смущеніе, присутствуя въ такомъ святомъ мѣстѣ, гдѣ жили святые! Церковь очень маленькая, построенная самимъ О. Θεολογсіемъ, съ очень высокими куполомъ и иконами не въ традиціонномъ

*Они изданы въ «РУССКОМЪ ПАЛОМНИКѢ» № 23-24.

**Скончался этотъ австралійскій праведникъ 25-го Ноября 1975 г. стараго стиля. См. о немъ The Orthodox Word № 140 за 1988 г.

византийскомъ и греческомъ стилѣ, а во вкусѣ 19-го вѣка.

При входѣ въ церковь висѣлъ большой портретъ Государя Николая II и довольно большая фесенковская литографія Преподобнаго Серафима на колѣняхъ въ лѣсу Сарона. Не успѣя я восторженно замѣтить, какъ хороша была эта репродукція (О. Серафимъ пояснилъ мнѣ, что она была привезена изъ Сарова во время прославленія Преподобнаго), какъ О. Никодимъ, недолго думая, снялъ кнопки и вручилъ ее мнѣ.

За трапезой послѣ литургии О. Никодимъ торжественно объявилъ намъ, четверымъ присутствующимъ, что будетъ заморское первоклассное угощеніе и показалъ консервную банку креветокъ, второсортнаго качества, изъ моего же калифорнийскаго города Монтерей. Я удивился, что монтерейскія сардинки тоже доходятъ до Афона. Было весело и радостно, что я оказался среди тѣхъ двоихъ, съ кѣмъ я всей душой былъ съ того счастливаго дня, когда О. Владимиръ мнѣ сказалъ, что «каждый нормальный русскій человекъ долженъ имѣть своего афонскаго старца». О. Никодимъ не вѣлъ себя какъ какой-то сверхъ мудрый старецъ, а беседовать очень просто, и мы коснулись многихъ важныхъ для меня темъ. «Блаженны чистые сердцаемъ», — думалось мнѣ.

Работу надъ дневникомъ О. Феодосія оставили на другой день. Между О. Никодимомъ и О. Серафимомъ шли постоянныя шутки. Отецъ Никодимъ первый обвинялъ О. Серафима въ гордынѣ, а другой называлъ оппонента мірскимъ. Они любили другъ друга, и мы съ О. Иоанномъ наслаждались дружескимъ соревнованіемъ, наблюдая за дѣтскими старцами.

Я спрашивалъ о карульяхъ. Они мнѣ повѣдали о многомъ меня интересовавшемъ. Коснулись и ихъ сосѣда О. Никона, съ большимъ благоговѣніемъ вспоминаль О. Никодимъ и объ О. Силуанѣ, его наставникъ въ Пантелеимоновскомъ монастырѣ. Объ О. Софроніи отзывался сдержаннѣе, видя въ немъ слишкомъ «мудренаго» человекъ, который въ душѣ былъ «парижанинъ». Онъ выдѣлилъ и воспылъ О. Силуана: «Хотя тогда на Афонѣ было много такихъ великихъ монаховъ, но не имѣвшихъ своихъ Софроніевъ, чтобы ихъ воззлечить».

Упомянулъ о Старцахъ Василіскѣ и Зосимѣ Сибирскихъ и о «Духовныхъ Дѣйствіяхъ Старца Василіска». О. Никодимъ воскликнулъ: «Да! Они у меня есть, ихъ списалъ Софроній, будучи у насъ, я могу ихъ дать». Упомянулъ о книгѣ Преп. Григорія Синаита, которую я искалъ всѣ эти годы, онъ обещалъ мнѣ ее дать, но такъ ее и не нашелъ. Тогда онъ началъ давать мнѣ для печати разныя статьи и переводы О. Феодосія и свои: «Объ Имѣжежикахъ», «О Календарномъ Исчисленіи», «Объ Иисусовой Молитвѣ», сокращенія Житій Святыхъ, даже со своими рисунками, и

т.д. Но письмо-критика «О Догматъ Искупленія» сгорѣло въ пожарѣ, равно какъ и многое другое.

5. НОЧЬ КАРУЛЬСКАЯ

Передъ вечерней О. Никодимъ повелъ меня за алтарь показать свой огородъ, куда носилъ землю въ мешкахъ съ горы наверху. Въ алтарѣ сонъ въ маленькомъ отверстіи лежалъ черепъ Старца Феодосія. Отецъ Никодимъ его съ благоговѣніемъ поднималъ, приложилъ, предложилъ намъ приложиться и сказалъ, что О. Феодосій «слышитъ». Тутъ я его сфотографировалъ, что получилось очень удачно. (См. Р.П. № 23)

Послѣ вечерни наступила теплая афонская ночь. Ароматъ цвѣтовъ носился вѣтромъ, а внизу шумѣло море. вмѣсто духовныхъ переживаній я спалъ какъ убитый и не выдалъ никакихъ видній, чѣмъ очень огорчилъ моихъ монаховъ дома.

На другой день мы сѣли за работу надъ дневникомъ Старца Феодосія.* Вечеромъ я вручилъ привезенный мною текстъ. За ночь оба Старца его провѣрили и утромъ сдѣлали поправки, которыя я внесъ, уже прихвѣвъ въ Америку, но текстъ, оставшійся у О. Никодима, остался непровѣреннымъ.

Будучи въ пустынкѣ О. Никодима, я иногда заходилъ въ храмъ вѣгъ богослуженія и заставлялъ тамъ въ статсидіи однаго О. Никодима, глубоко ушедшаго въ себя и не замѣчавшаго моего присутствія. Онъ училъ, какъ надо творить Иисусову молитву, сидя и даже не разбирая четки, а по времени. Это—молитва «художественнымъ» приемомъ. Обычная Иисусова молитва—это чтобы ходить въ присутствіи Божіемъ.

Тутъ онъ благословилъ купить землю недалеко отъ нашей пустыни въ Калифорніи для женскаго скита—исихастріи, подарилъ свою мантию и, снявъ с головы, камилавку, благословилъ постригать женщинъ. Дабы они были охраняемы отъ злыхъ людей, далъ икону Святителя Иосафа Бѣлгородскаго, чтобы онъ былъ для нихъ стражей. Много лѣтъ спустя, уже по открытіи мошей О. Никодима на Афонѣ, сандали изъ его могилы были посланы въ благословеніе какъ реликвія для женскаго скита Блаженной Ксеніи Петербургской.

Приходило время мнѣ уѣзжать, я посѣтилъ нѣсколько сосѣднихъ келлій. Въ келліи внизу у О. Серафима, когда пили чай, прибыли два паломника-туриста, нѣмцы, которыхъ я сподобился привѣтствовать афонскимъ угощеніемъ, что они сфотографировали и позже намъ прислали.

Уѣзжая отъ Старца, я не думалъ, что больше его не увижу, потому что хотя я старъ онъ былъ (О. Серафимъ былъ намного его моложе), но бодръ и

*Смотри полный текстъ Дневника въ «РУССКОМЪ ПАЛОМНИКѢ» № 23-24.

жизнерадостень. Я надѣялся вновь посѣтить моихъ исихаство. Особого прощанія у меня съ О. Никодимомъ не было, но образъ проникновеннаго взгляда совершенно трезвѣннаго живого человѣка, смотрящаго влѣбу твоей души, у меня остался навѣки. Я все же мечталъ вернуться на Афонъ, когда будетъ тяжело на чужбинѣ, давъ себѣ обѣтъ быть вѣрнымъ афонскому прелату. Черезъ 5 лѣтъ, когда обрушилась на меня лава искушеній, я намѣревался вернуться къ О. Никодиму и чуть ли не въ тотъ же день узнать, что О. Никодимъ скончался.

Отецъ Никодимъ умеръ 15/28-го Февраля 1984 года отъ старческаго изнеможенія, какъ почти все святоторцы умирають, уходя въ иной мѣръ какъ побѣдители міра сего, во злѣ лежащаго. Память объ О. Никодимѣ, какъ образъ бодрости и веселой надѣжды на Бога, меня не покинула и продолжаетъ вдохновлять по сей день, умиляя душу одной только памятью о его печально-радостномъ трезвѣннѣ.

Отецъ Серафимъ покинуть мѣръ раньше О. Никодима. А нѣсколько лѣтъ спустя ушелъ въ иной мѣръ и молодой Иером. Иоаннъ. Но Карулія не осталась безъ русскихъ монаховъ и при паденнѣ коммунизма въ Россіи потокъ потенциальныхъ подвижниковъ устремился на Святую Гору.

6. ПИСЬМА

Сохранилось нѣсколько писемъ, посланныхъ мнѣ за все эти годы. Помѣщаю малое какъ образецъ его писанія, и ради духовныхъ цѣнностей въ нихъ находящихся.

1. НОВОНАЧАЛЬНОМУ

Трудный вопросъ, какъ научить воспитывать мирнина. Я вѣдь самъ не преуспѣвшій монахъ, а только едва-едва спасающийся. Но, по заповѣди апостольской, скажу, что знаю.

Теперь видимыхъ добрыхъ примѣровъ монашества нигдѣ не видно, а Божіею благодатію возгорѣвшемуся стать монахомъ и спастись надо примѣры брать отъ древнихъ святыхъ Отцевъ, и не силясь точно подражать имъ въ наше оскудѣвшее

душевно и тѣлесно силами время, а хотя немножко соревновать имъ.

Новонаначальному для чтенія—главную монашескую книгу *Лествицу* начальную. А корень послушанія уже стало непосильно какъ полное отсѣченіе ума и разума перель старцемъ, послушаніе есть «отверженіе отъ своа души». Это стало страшно и невозможно. Требуется, чтобы самъ человѣкъ вѣрою потонулъ примѣрами святыхъ Отцевъ древнихъ, а безъ этого невозможно требовать совершеннаго послушанія самому Старцу, а искусно предлагать прочитывать что потребно только къ начинающему. Послѣ Авы Дороева предложить читать *Древній Патерикъ*, писаніе Аввы Исаяи особую книгу, не въ *Добротолюбнѣ*, житія святыхъ въ *Четырехъ Минсехъ*, *Прологи* и *Патерики* близкихъ къ намъ новыхъ подвижниковъ: Валаамскій, Соловецкій, Саровскій, а послѣ можно и сочиненія Еп. Игнатія Брянчаніцова и Еп. Ѳеофана, Старца Паисія Величковскаго, *Предисловіе* Старца Василія Мерлопольскаго о молитвѣ Иисусовой.

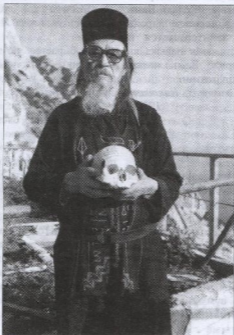
Учиться молиться Иисусовой молитвой можно предложить и въ началѣ, только словесной—заключая умъ въ слова молитвы. Очень строго и требовательно не надо поступать, но и поблажекъ мірскихъ не давать, всегда напоминая, къ чему призванъ. Да поможетъ и умудритъ Господь Васъ во спасеніе себя и братій. Я, хотя и слабой своеі молитвой, но молюсь за Васъ. Проню молитвъ Вашихъ и за меня.

Схимонахъ Никодимъ
1973 г.

2. СОЕДИНЕНИЕ УМА СЪ СЕРДЦЕМЪ

Любить Старецъ [Ѳеодосій] Святителя Ѳеофана Вишенскаго Затворника и имѣть переписку съ нимъ, письма три. Избрать для экзамена писать диссертацию «Обозрѣніе Сочиненій Епископа Ѳеофана». Епископъ Ѳеофанъ явился во снѣ Старцу и сказать: «Иди за мной...»

Акаѣистъ св. Архистратигу Гавриилу сочинилъ Старецъ и имѣется въ рукописи. И Преп. Саввъ Освященному—уже изданъ. (Старецъ составилъ такъ же акаѣистъ своему святому, св. Ѳеофану Сергіанскому, тоже въ рукописи).

Схимонахъ Никодимъ съ главой Старца Ѳеодосія спаружи алтарной стороны храма Карулія. 1979 г.

Святителя Епископа Теофана лично не видать Старецъ Θεодосій, а только переписывался съ нимъ. Онъ говорилъ мнѣ, что видѣть во снѣ Еп. Θεοφана и онъ сказать ему: «Иди за мной». Это, разумѣя Старецъ, намекъ ему на затворъ, о чемъ и мечталъ всю жизнь свою и намеревался.

Въ Дневникѣ Старца 26-го Августа Старецъ описать, какъ соединился и соединился у него умъ съ сердцемъ. Это чудомъ надо считать въ наше время трудовъ художественной молитвы. Желаю Вамъ хорошаго успѣха напечатать побольше экземпляровъ успѣшно: все можетъ кто и заинтересуется и осмѣлится себя потрудить въ стиженіи навыка въ умно-сердечной молитвѣ, а первѣе Вамъ желаю стяжать эту спасительную спутницу жизни.

Схимонахъ Никодимъ
1971 г.

3. СМІРЕНІЕ

Пришло на память показать еще и старчество смиреніе:

1. Одинъ офицеръ изъ Югославіи, русскій бѣженецъ, прислалъ письмо Старцу, показавъ, что во время молитвы подымается на воздухъ на аршинъ и просить мнѣнія Старца.

Старецъ отвѣчалъ ему: «Я такую молитву не знаю и ничего не могу сказать Вамъ по поводу такой молитвы». Я думаю, Старецъ не хотѣлъ впутываться въ переписку съ прельщеннымъ и уклонился.

2. Одна дама просила помолиться, чтобы принесло счастье ей выиграть большую сумму денегъ по купленному билету. Старецъ отвѣтилъ: «Старецъ Θεодосій въ карты не играетъ».

3. Еще случай. Пришелъ къ намъ въ гости ученый монахъ-пустынникъ съ Капсала и за обѣдомъ началъ пересказывать свои понятія богословскія и много наговорилъ неправостей о Христѣ и св. Троицѣ. Старецъ все время молчалъ. Я сильно возмущался, т.к. всякому простяку видно въ его пересказахъ явную ложь, но мнѣ нельзя было вступать безъ благословенія въ бесѣду. Когда ушелъ гость, я спросилъ Старца, зачѣмъ онъ не возражалъ на явную ложь и клеветы на святос.

Старецъ сказалъ: «Я потому молчалъ, чтобы не подать повода къ проповѣди этой лжи и для другихъ. Если бы я возражалъ, то у насъ произошелъ бы споръ и этотъ споръ разносился бы по другимъ и нѣкіе бы пристали къ его ложнымъ мнѣніямъ, а въ молчаніи моемъ не собралось у него такого матеріала».

4. Другой случай. Пришелъ къ Старцу за совѣтомъ послушникъ-юристъ, вновь поступившій въ Пантелеимоновскій монастырь. Спрашивалъ, надо ли ему заниматься молитвой съ художественными прѣмами по *Добротолобію*. Старецъ указалъ ему на Григорія Синаита—художественная молитва, ранящая бсьовъ, понуждаетъ ихъ убивать раяншаго, и

послушникъ, по совѣту Старца, не сталъ до времени молиться художественной молитвой.

Схимонахъ Никодимъ
19-го Ноября 1973 г.

4. МОНАШЕСТВО

За все время мнѣ болѣе тысячи разъ во снѣ являлся Старецъ, и является обычно какъ жили прежде, и я не знаю, что за причина.

Я Рязанской губерніи, Сапожскаго уѣзда. На Афонѣ съ 1920 года. Я изъ солдатъ съ Македонскаго фронта.

Собирается помонашиться. Это хорошее дѣло. Привычки грѣховныя къ тому не могутъ быть преной. Съ усугубленіемъ монашескаго покаянія скорѣе и привычки грѣховныя прекратятся. Молюсь и я объ этомъ за Васъ.

Поздравляю Васъ съ принятіемъ Монашества и молитвенно желаю преуспѣвать во внутренней духовной жизни до совершеннаго возраста, въ подражаніи своему соименику.

...Примите отъ меня грѣшника чувствительное радостное отъ души поздравленіе Васъ съ принятіемъ на себя благого ИГА Христова—Ангельскаго образа. Молитвенно отъ Бога желаю Вамъ помощи въ дѣланіи на нивѣ своего сердца, коего нѣтъ ничего нужнѣе для Васъ и дороже для Спасителя нашего, заповѣдавшаго всякимъ храненіемъ хранить свое сердце и дать его мѣстомъ для престола Божія, чтобы Ему вселиться въ Васъ и ходить всоуду, вода и Васъ на лажити небесныя въ вѣчность.

Схимонахъ Никодимъ
1970 г.

5. СТРАХОВАНІЯ

Про Отца Макарія Коцебинскаго спрашиваете, что онъ былъ напуганъ бсьами въ келліи О. Нифонта, это, возможно, правда. Въ этой келліи прельстился бсьами монахъ нашъ пустынникъ О. Игнатій и сбсьился. Келліи, въ которыхъ случаи бывали прельщенныя, то эти келліи греки сжигаютъ. Мы говорили О. Нифонту* объ этомъ, но старецъ занимался преуспѣянно въ молитвѣ Исусовой, сказалъ: «Я съ молитвой къ Господу не боюсь бсьовъ». А О. Макарія и напугали. Намъ объ этомъ не было извѣстно. (См. «РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ» Записи О. Макарія. № 25, с. 37).

Схимонахъ Никодимъ
Февраль 1981 г.

*Объ Отцѣ Нифонтѣ см. «РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ» № 25, сс. 36-8. О. Макарій видѣлъ наяву пляшущихъ бсьовъ, наблюдая за ними долгое время въ замочную скважину. Такое явленіе редко въ наше время, но въ святоотеческой литературѣ встречается часто необязательно всяки со святыми людьми.

НОВЫЙ РУССКИЙ ПАЛОМНИКЪ
 & ФАВОРСКИЙ СВѢТЬ

Про О. Макарія Канадскаго. Этотъ Геросхимонахъ О. Макарій жилъ у насъ на Карулѣ и много бесѣловалъ со Старцемъ Θεодосіемъ; онъ изъ офицероѡв, низшихъ, летчикъ аэропланной. При мнѣ рассказывалъ Старецъ ему, какъ онъ (Старецъ) два раза видѣлъ свѣтъ во время совершения имъ литургіи. (Это еще до моего житія у Старца). И когда видѣлъ Старецъ Свѣтъ, это было и до жизни у насъ О. Макарія. А что вамъ сказала О. Макарій, что онъ самъ видѣлъ Старца во свѣтъ во время совершения Литургіи имъ, то въ этомъ я сомнѣваюсь. О Свѣтъ, который видѣлъ Старецъ Θεодосій, въ объясненіи намъ сравнивалъ его со Свѣтомъ Фаворскимъ, который св. Григорій Палама называлъ въ спорѣ съ Акиндиномъ. Пришлите намъ для прочтенія письма О. Макарія, что онъ писалъ вамъ о Старцѣ Θεодосіи, что онъ видѣлъ во свѣтъ Старца Θεодосія. (См. «РУССКИЙ ПАЛОМНИКЪ» № 24, с. 84).

Схимонахъ Никодимъ, Октябрь 1980 г.

7. СМЕРТЬ О. ИОИЛЯ

Отвѣчаю на вопросы Вамъ:

1. Старецъ очень любилъ Паисія Величковскаго. Изъ рукописей его, хранящихся въ Ильинскомъ Скиту, онъ собралъ и составилъ брошюру «Кривы Сельные» и руководствовался его писаніями изъ книги «Житія и Писанія Молдавскаго Старца Паисія Величковскаго» и предисловіемъ и брошюрой «Объ Унич. Молитвѣ», и любилъ болѣе Добротолубіе славянскаго перевода Паисія Величковскаго, чѣмъ гражд. Епископа Феофана.

2. Мнѣ Старецъ далъ имя въ честь Преп. Никодима Печерскаго Просфорника (31-го Октября).

3. Никодима Святогорца (тогда онъ еще не былъ прославленъ) любилъ и почиталъ, пытался перевести «Исповѣдникъ».

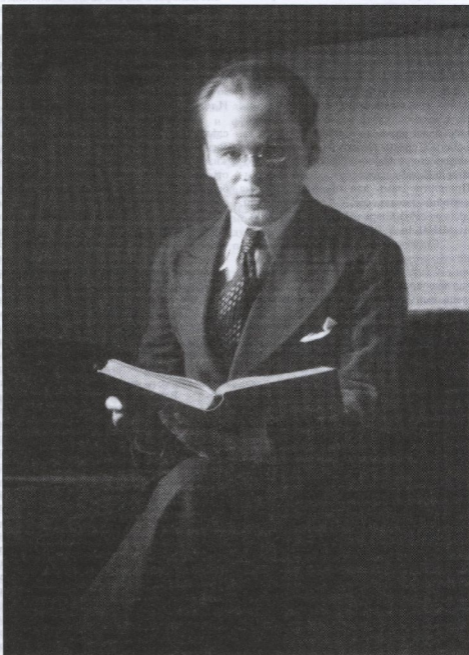
4. О частомъ причащеніи не настаивалъ, а училъ лучшему приговоренію къ нему.

5. Отецъ Іоиль Ильинскаго Скита просфорникъ, хороший труженикъ, былъ очень уважаемъ за послушаніе всякому, т.к. кромѣ просфорни (20 лѣтъ) на всѣ требуемая работы охотно шелъ. Изъ малороссовъ. На Карулю по благословенію игумена пришелъ въ 1931 году манатейнымъ монахомъ подъ совѣты Старца Θεодосія—духовника, и устроившись на одиночество, ходилъ на заработки къ грекамъ поблизости. Работалъ усердно и болѣе другихъ. Характера былъ тихаго, особой духовностью не выделялся. За пять лѣтъ до смерти ослѣлъ совершенно и ревматизмомъ ногъ очень страдалъ. Ни на кого не жаловался, терпѣлъ все безропотно. Слѣпой, а самъ безъ слуху въ келліи обидился. Коты изъ рукъ у него пишу отнимали. Жилъ въ большой бѣдности. Скончался въ 1967 году.

Последніе дни болѣзни ухаживалъ за нимъ О. Серафимъ. И болѣлъ, но не охалъ, и другихъ не хвалилъ стонущихъ. Умеръ очень хорошо! За полчаса вышелъ въ нунжикъ наружу (былъ одинъ). Мы съ поспителемъ, увидавъ его, окликнули: «Ну какъ, Отецъ Іоиль, хорошо?» Отвѣтилъ радостно: «Хорошо». И скрылся въ свою калибу, а черезъ полчаса О. Серафимъ нашелъ его сидящимъ какъ обычно на молитвѣ и не подумалъ, что онъ уже мертвый. Сталь готовить ему чай, позвалъ его на чай, отвѣту не было. И тогда онъ узналъ, что О. Іоиль мертвый.

Помню, какъ объяснялъ Старецъ Отцу Іоиллю слѣдующее. Забылъ раньше написать статефику изъ жизни Старца Θεодосія. Старецъ Θεодосій, испытывая жизнь послушаніемъ подъ старцемъ и единенное отшельничество, захотѣлъ еще испытать жите по-братски общежительное съ двумя или тремя, какъ совѣтуетъ Старецъ Василій Полимерульскій, другъ Паисія Величковскаго. Усмотрѣлъ четырехъ пустыльниковъ, живущихъ въ одномъ мѣстѣ квартирантами, обою каждый, поселился и самъ старецъ Θεодосій къ нимъ квартирантомъ и началъ ихъ уговаривать всѣмъ согласиться жить общежительно по совѣту святоотеческому. Согласились такъ, чтобы у всѣхъ пятыхъ все было общее, никто своимъ ничего бы не считалъ и по седмицамъ слушались одного очереднаго какъ старца-игумена. Наперво назначенъ старцемъ былъ О. Θεодосій. Два дня шло хорошо, всѣ были довольны, что вступили на истинный монашескій путь. На третій день Старецъ Θεодосій сказалъ: «Нынѣ будемъ обмываться глиной стѣны калибы нашей». Всѣ откликнулись будто съ охотой и въ урочный часъ вышли на послушаніе месить глину. Среди работы одному пустыннику, О. Филарету, не понравилось это послушаніе и сказалъ онъ: «Я бачу, что въ глину нѣтъ Бога». И бросивъ лопату, ушелъ къ себѣ въ келлію, а за нимъ разошлись и другіе. «Такъ и кончилось наше братское общежитіе»,—сказалъ Старецъ. На этотъ урокъ Старецъ разсуждалъ такъ:

Въ наше послѣднее время нѣтъ нигдѣ теперь примѣровъ святоотеческихъ жить въ двухъ-трехъ—по совѣту между собой, подъ старцемъ ученики, если еще и спасаются, въ отсѣчній разума и воли. Въ объясненіи послушанія монастырскаго и отдѣльнаго подъ старцемъ въ пустыни различіе такое: въ монастыряхъ послушаніе только тѣлесное, а подъ старцемъ—тѣлесное и душевное. Монашескій послушникъ имѣетъ время въ сутки пользоваться своей волей по тѣлесному, напримѣръ, въ своей келліи, а душевное отсѣченіе воли—желаній, разумнѣй, можетъ и не показывать послушанія, проживъ до конца жизни. Подъ старцемъ же не можетъ укрываться непослушаніе душевное, какъ всегда на виду ученикъ у старца. Помню, это объяснялъ Старецъ Θεодосій Отцу Іоиллю. *Схимонахъ Никодимъ*
 Москва, два короткаго расказа. 7-го Января 1973 г.

ВАСИЛІЙ АКИМОВИЧЪ НИКИФОРОВЪ-ВОЛГІНЬ,

Новомученикъ Россійскій (1901-1941)

НОВЫЙ РУССКИЙ МАРТИРОЛОГИЙ

Пьвецъ Русской тоски по Бюгу
НОВОМУЧЕНИКЪ ВАСИЛІЙ
НИКИФОРОВЪ-ВОЛГИНЪ

Память 14-го Декабря (1901—1941)

Въ ПОДВИГЪ исповѣдничества, т.е. зафиксированіи глубочайшаго убѣжденія и преданности любви христіанской «даже до смерти», кроется таинственная сила, способная воспламенить той же силой христіанской любви рядомъ стоящаго и слушающаго наблюдателя, даже случайнаго. Такъ загорается пламенемъ Вѣры и распространяется точно духовнымъ пожаромъ Благая Вѣсть—вѣсть, что совершенство на земль и воплощившаяся Истина доступна каждому, особенно жаждущему Ея.

Жилъ почти въ наше время молодой писатель, Василій А. Никифоровъ-Волгинъ, вдохновившійся идеаломъ Св. Руси. Онъ умѣлъ видѣть Божіихъ людей въ нищенской газетѣ, и душа его воспѣла о нихъ, а съ этимъ и Русь многострадальную. Повѣдаемъ о немъ то малое, что Господь намъ послалъ, дабы мы тоже загорѣлись пожаромъ Благодати и въ свою очередь передали сей огонекъ другимъ.

*«Спасение Россіи произойдетъ между Преображеніемъ и Успеніемъ»
 Старое русское поѣвіе.*

1. НАРОДНЫЙ ПИСАТЕЛЬ*

НИКИФОРОВЪ-ВОЛГИНЪ—писатель «отъ сохи», лирически воспѣвшій Святую Русь, страждущую отъ богоборческой «коммуны»,

*Илл. «Дорожный Посохъ» и всѣ последующіе заставки изъ изданія «Глаголы Жизни», М, 1998. Художникъ Анна Шенюкъ.

смирненная душа котораго смогла передать народную боль въ сжатыхъ импрессионистическихъ штрихахъ, трепещущихъ отъ присутствія Божія, да такъ сильно, что превратилась въ мощную проповѣдь Красоты Евангельскаго вдохновенія. Эта Боголѣпная мощь дѣйствуетъ на живую христіанскую душу съ такой силой, что падая въ страданіемъ размягченную почву послѣднихъ людей съ «человѣческимъ лицомъ», преобразуетъ ихъ неземнымъ совершенствомъ. Тутъ какъ тайна кроется побѣда Добра надъ зломъ, Красоты надъ подлостью, Свободы надъ насиліемъ. Поэтому зловѣщій коммунизмъ терпѣть не могъ и уничтожилъ сего даровитаго писателя: Земли Русской, но Господь утѣковѣчилъ его какъ пѣвца Новой Св. Руси вѣнцомъ ИСПОВѢДНИКА.

Ниже приводимъ краткую біографическую статью выдающагося литературоведа знаменитаго Тартусскаго университета въ Эстоніи, Сергія С. Исакова, два короткихъ разсказа самаго Волгина и

вспоминание друга. Говорят, что в юности онъ по-встрѣчался съ катакомбнымъ епископомъ, тайно окормлявшимся гонимыхъ вѣрующихъ, рассказы котораго такъ взбудоражили юную душу Волгина, что онъ какъ бы на себѣ понесъ страданія Руси—и такъ началъ писать. И писалъ онъ красиво, красочно, но не прихорашивая, у него какъ бы пахло сырой землей. Писалъ что видѣлъ, вѣрнѣе, что его пронизательный духъ ему показывалъ и подсказывалъ. А показывалъ ему Господь Правду Русскую, въ небо устремленную.

2. АЛТАРЬ ЗАТВОРѢННЫЙ

Разсказъ Волгина

Въ глубинѣ небольшого сибирскаго лѣса звонили. Звонъ ясный, прохладный, какъ далекое журчаніе родника. Слово заря съ зарею, онъ сливался съ густымъ шумомъ апрѣльскаго лѣса, вечерними туманами, лѣсными озерами талыхъ снѣговъ, съ тонкимъ звенящимъ шелестомъ предвесеня.

Я затерялся въ лѣсной чащѣ и пошелъ навстрѣчу звону. Въ бѣломъ кругѣ тонкихъ березъ показался убогий монастырскій скитъ. Вечернее солнце золотило бревенчатый храмъ. Въ пролетѣ колокольни сѣдая, въ черной скуфьѣ голова звонара.

Я вошелъ въ святые врата обители и сѣлъ на скамью. На колокольнѣ отзвонили. Ко мнѣ подошелъ сѣдой инокъ.

—Звонарь Антоній,—сказалъ онъ и уставно поклонился.—Рѣдко кто заходитъ въ нашу обитель... Видите, каково запустѣніе.

—Много ли у васъ братіи?—спрашиваю.

—Кромѣ меня, никого. Всѣ ушли въ страну далече... Кто лѣсной суровости не выдержалъ и въ мѣръ ушелъ, а иные смерть мученическую пріяли...

—Года три назадъ пришли къ намъ въ ночь на Успеніево день... Очень били насъ. Глумились. Иконы штыками прокалывали... Въ ту ночь разстрѣляли они схимника Θεоктиста, іеромонаха Григорія, іеромонаха Македонія, іеродьякона Сергія, послушника Венямина...

Онъ посмотрѣлъ на близлежащее скитское кладбище.

—Теперь одинъ я здѣсь! По-прежнему звону, молитвословлю, въ огородѣ копаюсь, въ лѣсъ за дровами хожу...

—А не боитесь, что на вашъ звонъ опять придуть сюда?

—Пусть приходятъ, но я устава нашего не престоуплю... Одно прискорбно, что много лѣтъ какъ затворены врата въ алтарь Господень и нѣкому совершить Литургію...

На время задумался, опустивъ голову, а потомъ опять вскинулъ на меня золотые отъ заката глаза и сказалъ:

—Завтра Великій Понедѣльникъ! Ежели можешь, то пойдемъ со мною молиться...

Мы ступили въ заветчерьшную церковь.

Антоній затеплил свѣчи перель затворенными вратами алтаря и сталъ на клиросъ. Свѣчи освѣтили прозенныя штыками старая иконы.

Началась великая Страстная утрена.

Вся русская земля зазвучала въ древнемъ канонѣ Страстной седмицы:

«Непроходимо волнующееся море... Божимъ своимъ вѣлѣніемъ искушившему...»

1927

«Къ Преподобному» паломницы въ Псково-Печерскій монастырь.
Картина масломъ художника
С. А. Виноградова.

3. ПѢВЕЦЪ РУССКОЙ ТОСКИ ПО БОГУ

Въ исторіи литературы Русскаго зарубежья 1920-30-хъ гг. до сихъ поръ немало бѣлыхъ пятнышекъ, порою странныхъ. Въ частности, незаслуженно забыты прозаикъ изъ Эстоніи В. А. Никифоровъ-Волгинъ, быть можетъ, единственный писатель-эмигрантъ, для котораго судьба Русской Православной Церкви въ XX вѣкѣ стала главной, центральной темой творчества.

Святые мѣста въ Эстоніи: Пюхтицкій монастырь сегодня, какъ и выглядѣть въ годы пощенія его Волгиннымъ.

Василій Акимовичъ Никифоровъ родился 24-го Декабря 1900 года въ деревнѣ Маркуши Калазинскаго уѣзда Тверской губерніи на Волгѣ въ очень религіозной семьѣ сапожника изъ крестьянъ. Вскорѣ послѣ его рожденія Никифоровы перѣехали въ Нарву. Жилось имъ трудно: въ большой семьѣ, обитавшей въ холодной и сырой мансардной комнаткѣ, кромѣ Васи, было еще трое дѣтей, главной кормилицей оставалась мать-пачка. Будущій писатель смогъ закончить только церковно-приходское училище при Свято-Владимирскомъ братствѣ. Правда, это была хорошая школа — впоследствии В. Никифоровъ написалъ воспоминанія о ней. Юноша много и серьезно занимался самообразованиемъ. Страсть къ книгамъ, къ чтенію проявилась у него еще съ дѣтства. Вася рано началъ писать, хотя и скрывалъ это отъ окружающихъ.

В. Никифоровъ, съ дѣтскихъ лѣтъ глубоко вѣрующей и обладавшей высокими голосомъ съ отчетливой выразительной дикціей, сталъ псаломщикомъ въ Нарвскомъ Спасо-Преображенскомъ соборѣ. Псаломщикомъ онъ оставался до весны 1932 года. Отсюда и идетъ то прекрасное знаніе церковной жизни, быта духовенства, которое видно въ его произведенияхъ. По воспоминаніямъ одного изъ друзей, В. Никифоровъ любилъ до начала богослуженія забираться съ блокнотомъ и карандашомъ въ рукавъ въ укромный уголокъ церковной сторожки, слушать, записывать, о чемъ говорили между собой богомольцы и

Псково-Печерскій монастырь, странники и нищіе у вратъ обители. Рисунокъ А. Виноградова въ 1930-ые годы.

просто приходившіе сюда погрѣться люди. Острые словечки, чисто народные обороты рѣчи позже оказывались въ его разсказахъ.

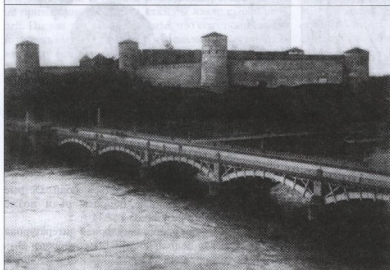
Съ 1923 г. начинается регулярная литературная и журналистская дѣятельность В. Никифорова. Онъ активно сотрудничаетъ въ часто смѣнявшихся другъ друга нарвскихъ русскихъ газетахъ, въ 1926-27 гг. вмѣстѣ съ С. Раевичемъ редактируетъ «Новый Нарвскій Листокъ». Продуктивность молодого автора въ эти годы поразительна. Онъ публикуетъ множество разсказовъ, очерковъ, рецензій, передовыхъ статей, напоминающихъ скорѣе эссе или лирическія миниатюры, и даже два романа. Свои публикации В. Никифоровъ, какъ правило, подписываетъ псевдонимомъ *Василій Волгинъ* — въ память о великой русской рѣкѣ, на которой, прошли первые годы его жизни. Со временемъ онъ чаще всего сталъ подписываться *В. Никифоровъ-Волгинъ*, соединивъ свою фамилію съ псевдонимомъ. Съ середины 1920-ыхъ годовъ В. Никифоровъ-Волгинъ начинаетъ печататься и въ таллиннскихъ (ревельскихъ), гельсингфорсскихъ и рижскихъ русскихъ изданіяхъ.

Въ 1927 году приходитъ первое признаніе: на конкурсѣ молодыхъ авторовъ, устроенномъ старѣйшимъ русскимъ литературнымъ объединеніемъ въ Эстоніи — *Литературнымъ Кружкомъ* въ Таллиннѣ, первая премія была присуждена разсказу В. Никифорова-Волгина «Земной Поклонъ».

«Странникъ у церкви монастырской, писанный съ натуры художникомъ Виноградовымъ, современникомъ В. Волгина.

Старый Нарвскій Листокъ

Заглавная страница газеты, гдѣ печатался Никифоровъ-Волгинъ.

Нарва. Видъ на старинную Ивановскую крѣпость, построенную въ 1492 г.

Въ октябрѣ того же 1927 года при непосредственномъ участіи Никифорова-Волгина въ Нарвѣ возникаетъ спортивно-просвѣтительное Общество «Святогоръ», которое вскорѣ стало центромъ всей культурной жизни русскихъ въ городѣ. Онъ активно участвуетъ въ работѣ Литературнаго и Религіозно-философскаго кружковъ при Обществѣ, для Драматическаго кружка пишетъ пьесу «Безуміе Измайлова» и инсценировки русскихъ народныхъ сказокъ. Въ 1930 г. подъ редакціей Никифорова-Волгина и Л. Акса въ Нарвѣ выходилъ журналъ «Полевые Цвѣты», ставшій органомъ русской литературной молодежи въ Эстоніи.

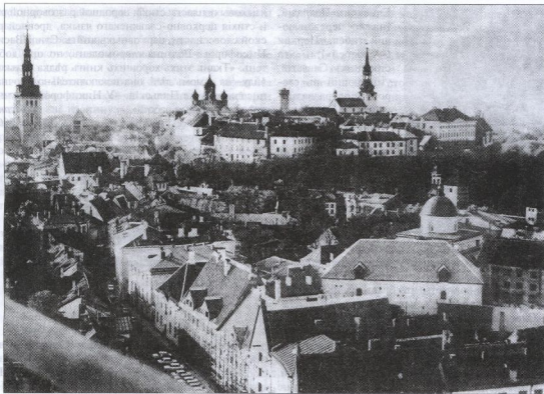
На хлѣбъ Никифоровъ-Волгинъ зарабатывалъ, главнымъ образомъ, сотрудничествомъ въ газетахъ. Впрочемъ, редакціи ихъ платили въ ту пору мало и писатель жилъ въ бѣдности, о чемъ даже сообщалось въ печати. Не спасало и то, что къ серединѣ 30-хъ годовъ Никифоровъ-Волгинъ былъ уже извѣстенъ въ литературныхъ кругахъ Русскаго Зарубежья, переписывался съ И. Шмелевымъ, А. Амфитеатовымъ, Б. Зайцевымъ, С. Горнымъ (А. Оцуномъ) и другимъ, въ 1935 году получилъ премію на конкурсъ популярнаго парижскаго журнала «Иллюстрированная Россія».

Въ началѣ 1936 г. Никифоровъ-Волгинъ переезжаетъ въ Таллиннъ, становится домашнимъ учителемъ и воспитателемъ внука генерала-эмигранта

Ю. Штубендорфа, принимаетъ участіе въ дѣятельности мѣстнаго русскаго культурно-просвѣтительнаго Общества «Витязь». Наконецъ-то выходятъ изъ печати два сборника его рассказовъ— «Земля-Именинница» (1937) и «Дорожный Посохъ» (1938), встрѣченные положительными рецензіями въ зарубежныхъ русскихъ изданіяхъ. Былъ готовъ и третій его сборникъ—«Древній Городъ. Жизнь и нравы русской провинціи послѣ революціи», но событія лѣта 1940 года—аннексія Совѣтскимъ Союзомъ Эстоніи—помышали его выходу въ свѣтъ. 15-го Мая 1941 года состоялась свадьба Василя и Маріи Благочиновой, а 24-го Мая работавшій ночнымъ сторожемъ на судоремонтномъ заводѣ писатель былъ арестованъ органами НКВД, съ началомъ войны этапированъ въ городъ Кировъ, гдѣ приговоренъ къ расстрѣлу по пресловутой 58-ой статьѣ—за «принадлежность къ различнымъ бѣлוגвардейскимъ монархическимъ организаціямъ и изданіе книгъ, брошюръ и пьесъ клеветническаго антисовѣтскаго содержания». Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе въ Кировѣ 14-го Декабря 1941 года. Официально реабилитированъ В. Никифоровъ-Волгинъ былъ лишь въ 1991 году...

По воспоминаніямъ знавшихъ его людей, Василий Никифоровъ былъ на рѣдкость добрымъ, сердечнымъ, отзывчивымъ человекомъ, который старался никогда никого не обижать. Сестры его рассказывали, какъ однажды въ суровый морозъ Василий отдалъ на улицѣ нищему свою шапку и зимнее пальто, въ оправданіе же дома сказать: «Жаль человека—онъ мерзъ, а я ужъ какъ-нибудь проживу...»

Никифоровъ-Волгинъ былъ глубоко вѣрующимъ человекомъ, и это прежде всего определяло его мировоспріятіе, характеръ всего его творчества. По искреннему убѣжденію писателя, основой всей нашей жизни можетъ быть только вѣра въ Бога. На ней держится мораль, безъ нее люди превращаются въ звѣрей. Только на вѣрѣ, на христіанскомъ ученіи могутъ базироваться всѣ теоріи преобразования человѣческаго общества и личности индивида. Отсюда важность Церкви и духовенства—носителей вѣры. Въ произведеніяхъ Никифорова-Волгина предстали духовенства—это, какъ правило, страдальцы, мученики за вѣру, люди высокихъ этическихъ принциповъ. Революція же для него—

Городъ Таллиннъ. Старинная часть города, гдѣ жилъ Волгинъ.

страшная злая и всеразрушающая сила, жестоко и беспощадно сметающая старый миръ, традиционную мораль, вѣру, калечащая душу человѣка. Спасеніе, какъ убѣжденъ писатель, — въ возвратѣ къ вѣрѣ, къ Богу, къ Церкви. Всѣ надежды его на то, что большевикамъ не удастся уничтожить всю старую Русь, остатки ея сохранятся, выживутъ. Василий Никифоровъ-Волгинъ особенно не вѣритъ ни въ русскую интеллигенцію, ни въ рабочихъ, ни въ привилегированные сословія императорской Россіи — именно они своими безраздумными дѣйствіями привели страну къ революціи. Только остатки старой кондовой Руси, къ которымъ относится большинство духовенства и вѣрующая, не забывшая завѣты дѣдовъ часть крестьянства, могутъ еще спасти Россію.

Убѣжденный консерваторъ, Никифоровъ отрицаетъ не только революцію, большевиковъ, но и современную ему западную цивилизацію съ ея модой, политикой, страстью къ сенсаціямъ, конкурсамъ красоты.

Въ своихъ лучшихъ произведеніяхъ Никифоровъ-Волгинъ какъ бы сосредоточился на немногихъ темахъ — это прежде всего судьба Православной Церкви, жизнь духовенства въ прежней и въ совѣтской Россіи, миръ вѣрующихъ, связанный со

старой Русью. Даже когда онъ обращался къ своему дѣтству, а разказы-воспоминанія о дѣтствѣ составили значительную часть его творчества, онъ чаще всего рисовалъ картины богослуженій, церковныхъ праздниковъ, общенія мальчика со «святыми людьми». Этотъ миръ Церкви и вѣрующихъ, ему хорошо знакомый, Никифоровъ-Волгинъ изображаетъ точно, достоверно, съ любовью. Онъ умѣетъ возсоздать въ своихъ произведеніяхъ всѣ мелочи этого міра, въ томъ числѣ бытовныя, и вмѣстѣ съ тѣмъ передать его особую атмосферу, его духъ, его скрытую красоту. Православная Церковь для Никифорова-Волгина — это часть русской національной духовной традиціи, воплощеніе «русскости» и вмѣстѣ съ тѣмъ это мѣсто, гдѣ человѣкъ можетъ найти утѣшеніе. «И только храмъ остается для насъ единственнымъ уголкомъ Святой Руси, гдѣ чувствуешь себя притрѣтымъ и облаканнымъ», — писалъ онъ.

Писателю всего ближе «святые люди», праведники — не случайно его называли «современнымъ Льсковымъ». Ихъ онъ обычно изображаетъ въ своихъ произведеніяхъ. Его любимые герои — это Отецъ Аванасій изъ повѣсти «Дорожный Посохъ», старый сельскій священникъ, мужественно несущій свой крестъ въ трагическіе времена преслѣдованія вѣры; это

Последний снимок
заключенного р. Божия Василия.

которого все же волнует, что будет с ним после смерти, волнует вопрос, как ему жить.

Очень важная для Никифорова-Волгина тема, почти не разработанная в русской литературе, — тема преследования религии, вбуривших в советской России. Она исполнена у писателя глубокого трагизма, у него нерыбки апокалиптические видения и настроения. Но тем не менее, как истинный христианин, он не теряет веры в возможность духовного возрождения человека, в духовное обновление Руси.

Амфитеатров, очень высоко оценивший сборник Никифорова-Волгина «Земля-Именинница», в своей рецензии на эту книгу называл ее «возвышенно поэмою русской тоски по Богу и упования к Нему возвращения». Он писал: «Весь интерес писателя обращен на духовную нужду народа, ограбленного во вѣрѣ своей, и в частности особенно подчеркнута на переживанія антихристово пришествія вѣрно устоявшею во Христвъ частью православнаго міра и его духовенства. Рассказы Никифорова-Волгина похожи на духовные стихи слѣпыхъ старцевъ: распадѣи о людяхъ, какъ будто маленькихъ, но своею могучею вѣрою поднимаемыхъ надъ смятеннымъ и отчаяннымъ человѣчествомъ выше всѣхъ великихъ и сильныхъ».

Это отмѣчали и другіе критики, в частности П. Пильскій въ своей рецензии на сборникъ «Дорожный Посохъ», въ которой онъ находилъ, что все творчество Никифорова-Волгина — это искреннія исповѣди писателя, отраженіе и отзывкъ исканій Бога, чистая горящая мечта по нѣкоему невидимому граду благодати и успокоенія».

Всѣ критики единодушно отмѣчали также богатый, сочный, красочный языкъ произведеній Никифорова-Волгина, въ которомъ какъ бы сочетаются два ему хорошо знакомыхъ и имъ любимыхъ

языковыхъ пласта: стихія народной разговорной рѣчи и стихія церковно-славянскаго языка, древней русской словесности, церковныхъ книгъ. Стиль Василя Никифорова-Волгина старомоденъ, но онъ добротенъ. «Ткань этихъ хорошихъ книгъ рѣдка только съ виду — на самомъ дѣлѣ она исключительно прочна, — писалъ тотъ же Пильскій. — У Никифорова — ручная, крѣпкая, узорная работа».

С. Исаковъ
Тарту, 2003 г.

4. СВѢЧА

Рассказъ Волгина

Вечернимъ лѣсомъ идутъ дѣдъ Софронъ и внучекъ Петька.

Дѣдъ въ тулупѣ. Сгорбленный. Голова съдая. Развѣвается ея весенній вѣтеръ.

Подъ ногами хрустятъ ломкіе подзимки. Петька шагаетъ позади дѣда. Ему лѣтъ восемь. Въ тулупчикѣ. На глаза лезетъ тѣтянина шапка. Въ рукъ у него верба, пахнущая ветромъ, снѣжнымъ оврагомъ и чуть-чуть тепловатымъ солнцемъ.

Лѣтъ гудѣтъ нарождающейся весенней силой. Петькѣ почувался дальній звонъ. Онъ остановился и сталъ слушать.

— Дѣдушка!.. Чу!.. звонить!..
— Это лѣсъ звонитъ. Гудитъ Господень колоколь... Весна идетъ, оттого и звонитъ!.. — отвѣчаетъ дѣдъ. Петька спросилъ дѣда:

— Въ церкву идемъ, дѣдушка?

— Въ церкву, любяга, къ Свѣтлой заутренѣ!

— Да она сгорѣла, дѣдушка! Лѣтъ вѣдъ пожгли. Нѣтути церквы. Кирпичи да головыни одни!..

— Ничего не значить! — сурово отвѣчаетъ Софронъ.

— Чудной!.. — солидно ворчитъ Петька, — церквы нѣтути, а мы бредемъ! Мара, что ли, на дѣда напала? Сапоги только истапаяемъ!

Среди обгорѣлаго сосянка лежали черная развалины церквы. Дѣдъ съ внукомъ перекрестились.

— Вотъ и пришли!.. — какъ бы сквозь зарѣдъ сказалъ Софронъ. Онъ долго стоялъ, опустивъ голову и снѣсивъ руки. Приближалась знобкая, но тихая пасхальная ночь. Софронъ вынулъ изъ котомки толстую восковую свѣчу, затеплил ее, поставилъ на

камень среди развалин. Помолился в землю и запыть:

— Христосъ Воскресе изъ мертвыхъ...

Похристовался съ внукомъ и сълъ на обгорѣлое бревно.

— Да... Шесть десятковъ лѣтъ ходилъ сюда. На этомъ мѣстѣ съ тятенкой часто стоять и по его смерти мѣсто сіе не покинулъ. Тутъ икона Святителя Николая стояла... Въ одной ручкѣ Угодникъ церковку держать, а въ другой мечъ... И бывало, что ни попросишь у него, онъ всегда подастъ тебѣ!.. До-о-брый Угодникъ, послушливый да звонкій!.. Да, вотъ... А тутъ, любяга, алтарь стоялъ... Встанъ на котѣшки и поклонись, милой, мѣсту сему... такъ вотъ... Эхъ, Петюшка, Петюшка...

Ничего больше Софронъ не сказать. Онъ сидѣлъ до того долго, что Петькъ захотѣлось спать. Онъ сълъ съ дѣдомъ рядышкомъ и опустилъ голову на его колѣни, а дѣдъ прикрывалъ его полою тулупа.

5. НЕПРОПѢТАЯ «ВѢЧНАЯ ПАМЯТЬ»

Воспоминаніе друга

— Книгу мою читалъ?

— А ты развѣ книгу выпустилъ?

— Только что отпечатана. Прочти, потомъ скажешь, какъ понравилась. Я принялъ.

Дѣйствительно, книгу разсказовъ В. Никифорова-Волгина я вскорѣ получилъ, отложилъ въ сторону и долго къ ней не прикасался, а однажды случайно взялъ се въ руки, прочелъ нѣсколько страницъ и уже не закрывалъ, пока не дочиталъ до послѣдней строки.

Какъ же такъ случилось, что мы, близко знавшие Васю Волгина, не замѣтили, какъ изъ маленькаго сотрудника провинціальной газетки превратился онъ въ настоящаго писателя, не воплотивъ еще созрѣваго, но, безусловно, талантливаго, своеобразнаго и оригинальнаго.

Съ Васей встрѣтился я впервые, будучи гимназистомъ 7-го класса Нарвской гимназіи. Вечерами гимназисты старшихъ классовъ обычно собирались въ одномъ изъ излюбленныхъ мѣстъ: на бульварѣ, на берегу рѣки Наровы, въ городскомъ «Темномъ саду», а въ дождливые или морозные дни—въ дешевой биллиардной, гдѣ нѣсколько любителей гоняли шары, остальные же, не обращая на нихъ никакого вниманія, обсуждали свои дѣла.

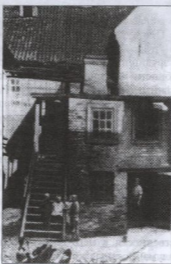
Вася въ гимназіи не учился, окончивъ онъ, кажется, всего лишь церковно-приходскую школу, но въ нашемъ гимназическомъ кругу былъ своимъ человѣкомъ. Физику и математику зналъ хуже нашего, а въ отношеніи

литературы былъ далеко впереди. Родился Василій въ семьѣ сапожника, такого, какихъ теперь уже не увидишь. Отецъ написалъ крѣпко по праздничнымъ днямъ и на руку былъ легокъ. Не разъ доставалось Васѣ и колодкой и шпандыремъ. По недостатку средствъ, съ одной стороны, а главное, по родительскимъ понятіямъ—«гнѣзачьмъ Васякъ въ образованные лѣтъ», въ гимназію онъ не попалъ, но стремленіе къ образованію было у него чрезвычайно сильное и пополнять онъ его усердно, ремесленнымъ же трудомъ, къ огорченію родителей, не интересовался никакъ.

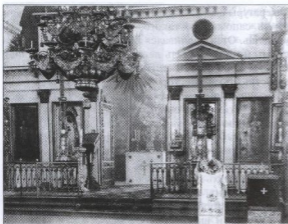
Съ малыхъ лѣтъ церковь имѣла для него большое значеніе. Онъ былъ по-настоящему вѣрующимъ человѣкомъ. Любилъ церковное гнѣие, любилъ читать на клиросѣ и впоследствии сдѣлался псаломщикомъ Нарискаго Преображенскаго собора, что давало ему, хоть и небольшой, но все же заработокъ.

Въ Нарвѣ выходила русская газета, порой даже двѣ. Въ нихъ Вася неизменно сотрудничалъ, помышляя свои разсказы, вначалѣ довольно слабые. Постоянно мѣнялъ псевдонимы, не могъ выбрать. Наконецъ остановился на «Волгиль» и только въ первой своей книгѣ установилъ окончательно—Никифоровъ-Волгинъ.

Къ литературнымъ увлеченіямъ Васи Волгина относились мы съ недоверіемъ, съ усмѣшкой, дескать, «тоже.. писатель!..» Помню, досталось бѣдному Васѣ отъ одного изъ пріятелей, выведеннаго въ разсказѣ подъ именемъ «козодой». Наименованіе «козодой» показалось почему-то обиднымъ и онъ сулилъ Васѣ самое незавидное будущее, если и впрямь будетъ выведенъ въ разсказѣ. Вася тоже разгорячился:

Дворы стараго города Нарвѣ, гдѣ росъ и воспитывался писатель Василій Никифоровъ-Волгинъ.

Таллиннъ. Иконостасъ Никольской церкви, съ отворенными вратами, гдѣ Волгинъ былъ псаломщикомъ.

— Не можешь мнѣ запретить... буду писать и о тебѣ и о другихъ... обо всѣхъ о васъ напишу...

Дѣйствительно, въ разказахъ Волгина живые лица, взятые изъ жизни. Къ примѣру, Гришка—лучшій латиниетъ нашего класса, Федька—впослѣдствіи извѣстный въ эмиграціи общественно-политическій дѣятель, недавно скончавшійся... Часто упоминаемый въ разказахъ соборный сторожъ Иона, маленькій юркій человекъ, былъ для Волгина неисчерпаемымъ кладеземъ интересныхъ темъ. Сторожка при соборѣ была своего рода клубомъ, куда заходили погрѣться, покурить или просто поболтать языкомъ.

— Какихъ типовъ я тамъ повидаль,—говорилъ Вася,—какихъ разговоровъ наслушался... Да и самъ Иона, столько материала я отъ него получилъ, что на цѣлую жизнь хватить.

Несомнѣнно, очень большую роль въ развитіи таланта В. Волгина сыгралъ П.М. Пильскій. Петръ Моисѣевичъ Пильскій—блестящій русскій журналистъ, критикъ, человекъ большой эрудиціи и опыта, сразу замѣтилъ выдающіеся способности Волгина и охотно навѣщавалъ его и помогалъ цѣнными совѣтами. Учитель былъ строгій, но умѣвшій заинтересовать, привить любовь къ серьезной работѣ. Вася пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы побесѣдовать съ нимъ. Нерѣдко въ Гунтербургъ (курортъ близъ Нарвы) на пляжъ можно было видѣть растянувагося на песокъ Пильскаго, а рядомъ съ нимъ сидящаго на корточкахъ, нераздѣвагося (или забывшаго раздѣться) Васю, внимательно слушающаго своего наставника.

Одно изъ самыхъ цѣнныхъ качествъ В. Волгина—простота. Онъ не гонится за «потрясающей» темой, не стремится къ вычурной искусственности, у него все просто и правдиво, и эта ненадуманность легко доходитъ до читателя, будь то деревенскій паренъ или профессоръ университета. Талантъ В. Волгина еще только началъ развиваться и крѣпнуть и Богъ знаетъ,

до какихъ предѣловъ выросъ бы, если бы продлилась его жизнь.

Когда большевики захватили Эстонию, В. Никифоровъ-Волгинъ почти сразу же былъ арестованъ. Никто никогда о немъ больше не слышалъ. Но судьбу его не трудно угадать. Для большевиковъ онъ былъ врагъ, и врагъ опасный. Никогда, даже въ самой малой мѣрѣ не занимался онъ политикой, не склонялся къ той или иной партіи, но пошлость и грязь большевизма его отталкивали. Важнѣйшимъ факторомъ жизни была для него духовность, а не грубый материализмъ, а при такомъ мышленіи его талантъ и пролетарское происхождение являлись «отягчающими вину» обстоятельствами. Писатель, вышедшій не изъ какой-то буржуазно-кулацкой среды, а изъ самого пролетариата, приверженецъ Церкви, славящій Божью красоту, это уже не «потенциальный», а вполне реальный врагъ, и онъ долженъ быть уничтоженъ...

Надъ могилой В. Никифорова-Волгина нѣтъ креста. Нѣтъ и самой могилы. Врядъ ли когда-нибудь станетъ извѣстенъ тотъ клочокъ земли, который дала ему послѣдній приютъ. Но написанное имъ продолжаетъ жить и волновать насъ...

Вѣчная память, не пропасть надъ его могилой, звучитъ въ сердцахъ читавшихъ его простые, искренне и правдивые разказы.

К. Аренскій (Аренсбургеръ), Монтепелі, 1964 г.

6. ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ НОЧЬ

Разказъ почитателя

Багровымъ казался песчаный берегъ монтепелійскаго залива. Волны приборъ бѣлой пѣной такъ и прилекали его подходить къ убѣгающей волнѣ и отскакивать отъ прибѣгающей. Ясно нехотя шель пѣшкомъ ко всеночной до самой церкви, расположенной прямо за донами, такъ что мірскихъ домовъ и не увидишь. Въ храмъ будетъ скучно, безлюдно, а если кто будетъ, то только осуждать...

Но какъ же, въ Преображеніи, свѣтъ Оаворскій, Григорій Палама?.. Только бы не мѣшали, думалось ему. Поднявшись на высокой песчаный холмъ, чтобы спуститься къ храму, оглянулся на алый туманъ, повисшій надъ городомъ—далеко-далеко и быстро скрывшій его. Вокругъ сыпучая пустыня.

Въ храмъ такъ никого и не оказалось, одинъ батюшка. Онъ шагнулъ съ еле замѣтной улыбкой:

— Всѣ заняты важными дѣлами, мы съ Вами вдвоемъ и послужимъ, и попоемъ, и за прихожанъ помолимся,—и ушелъ въ алтарь облачатся.

Спустился торжественность. О. Григорій длство провѣль въ Почаевѣ, зная тамошние напѣвы, они его уміяли. Запѣлъ высокимъ теноромъ и мысленно ушелъ въ Почаевъ. Гурий пѣлъ, читалъ себѣ въ удовольствіе, вспоминая «подобныя». Иногда батюшка выходилъ на клиросъ и тогда они въ два голоса пѣли

вмѣстѣ, но мыслями были въ разныхъ мѣстахъ: старшій—въ прошломъ, а молодой—въ настоящемъ. Ему хотѣлось оживить, заразить своихъ сверстниковъ преображеннымъ міромъ святыхъ, преподобныхъ, мучениковъ древнихъ и тѣхъ, что въ Россіи еще мучаются.

Они пѣли, отдавшись каждый своимъ переживаніямъ, благо, въ храмѣ никого не было. Старшій, заплакавшись вповоль, закончилъ, потушилъ всѣ лампы, заперъ свой храмикъ и уѣхалъ домой къ своей больной матушкѣ, а младшій пошелъ по берегу сильно заалѣвшаго океана. Уже сильно дуть вѣтеръ,

несшійся съ сѣвера, черезъ Русскую Аляску изъ Россіи. Думалось ему, тамъ-то раньше Преображеніе справлялось торжественно. Тамъ столько было великихъ монастырей, и всѣ Преображенскіе: Валаамъ, Соловки; Свирскій, основанные въ пустынныхъ дебряхъ и на болотахъ... Ему жалко было исчезнувшей Святой Руси, утонувшей какъ градъ Китежъ въ «водахъ» человѣческаго беззаконія. Тамъ все замуровано «желѣзнымъ занавѣсомъ». Ему хотѣлось жизни духовной, не стѣнувшей о прошломъ, а новой, духовной, овѣянной благолѣпиемъ пустыни, взрожденной на подвигѣ героев-мучениковъ, стоявшихъ выше времени и пространства...

—О благовонная, благоуханная пустыня!—повторялъ онъ, втягивая урывки морскаго вѣтра, летяшаго со стороны уходящаго солнца, какъ бы провѣтривая свои мозги. Ему не хотѣлось идти домой, и онъ, не думая, шель въ сторону уже открытаго океана, илъ тѣсь, поднимаясь все выше и выше, пока не забрался на верхушку утеса, гдѣ передъ нимъ какъ на ладони открылась могучая водная пустыня, со свистомъ швыряющая пѣнистую мощь, точно вздымая крылами. А въ сердцѣ все еще слышалъ «Преобразился еси...»

Последнее время у него были обычай постоянно читать и не разставаться съ книгой о Пустыняхъ Василіскѣ и его ученикѣ Зосимѣ Сибирскихъ. Книга была даже изъ самой Оптиной Пустыни. Онъ читалъ ее и перечитывалъ. Усѣвшись на мягкой мохъ какъ въ подушкѣ,

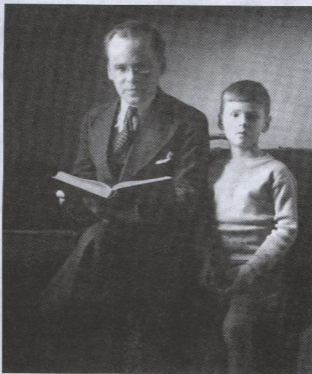
онъ погрузился въ чтеніе. Мысленно онъ шествовалъ съ ними по сибирскимъ дебрямъ, творя молитву Иисусову, и незамѣтно для себя, убаюканный шумомъ вольнъ, задремалъ и проснулся уже глубокою ночью.

Океанъ, казалось, утихъ. Небо усыпано миллионами яркихъ звѣздъ. Теплый свѣжій вѣтерокъ. На душѣ у него миръ и сладостное ощущение, что внутри тишина! Вокругъ тѣсь, ни души! Взошла луна. Преображенская ночь наступила!..

И вдругъ, какъ у него бывало, но теперь съ неимоверной силой, передъ его мысленнымъ зо-

ромъ встали яркіе образы «Земли Имениницы», «Дорожнаго Посоха» и другіе душу раздражающіе краткіе страдалыи Никифорова-Волгина. Они не нарушили его внутренней миръ, они какъ бы пришли въ преображенскую ночь и тихо дрожали въ воздухѣ, не какъ видѣнія, а напоминанія о себѣ. Они говорили:

—Ты спишь въ волшебной нѣгѣ, подъ благосѣниолиственнымъ древомъ почи-вашь. Пробудись, насъ страждущихъ ради, возбудись на подвигъ передать во тѣмъ лежащимъ американцамъ пустыннолюбіе. Пусть они преобразятся въ своихъ же пустыняхъ, обрѣтутъ силу,

Учитель Василій Акимовичъ съ ученикомъ Аленей, впоследствии Патриархъ Московскій и всея Руси Аляскій П.

станутъ въ ряды преподобныхъ и пополнять сонмъ новомучениковъ. Святая Русь жлетъ пополненія...

И полились рѣкой слезы у пробудившагоса. Гурій сталъ на колѣни и долго молился, а вѣтеръ сдувалъ съ него наслосія суеты, радость житейскую и пылъ молодости...

Прошла четверть вѣка... Канунъ Преображенія. По улицамъ Москвы шли вооруженные танки. Своими глазами онъ видѣлъ, какъ сбрасывали красные флаги, какъ высоко заполыхалос и освѣщалос снизу давно забытое БѢЛО-СИНЕ-КРАСНОЕ, родное, вернувшееся. На аломъ небосклонѣ такого оживленнаго дня уходило страшное прошлое, появлялись то тутъ, то тамъ какія-то вспышки огня... Въ воздухѣ

Святѣйшій Патріархъ Алексій II.

Свѣчей. Горятъ огромные паникадила, освѣщая росписи на сводахъ. Иконостасъ подъ небеса. Гремятъ хоры. Молящіеся поклонами, какъ волны на морѣ перебѣгаютъ, переливаются по храму. Алтарь открытый! Онъ тамъ служить съ Патріархомъ. Проходить черезъ тѣ же Царскія Святія врата, черезъ которыя проходили цари и императоры во время коронаванія.

При суетѣ прислужниковъ, Патріархъ застылъ въ полномъ вниманіи, точно замеръ. Но передъ возгласомъ на «Отче нашъ» взглядомъ даль знать, что пора возгласить. И Гурій, сознавая всю важность момента, громомъ воскликнулъ: — Яко Твое есть Царство и сила и слава Отца и Сына и Святаго Духа нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ.

Хоръ тутъ подхватилъ «Аминь» и понесъ ввысь по всемъ сводамъ и вырвался наружу.

И тутъ, какъ въ ту преображенскую ночь въ далекой льной пустыни на берегу Тихаго океана, снова мелькнули какъ живые тѣ образы міромъ забытыхъ русскихъ праведниковъ, затворенныхъ алтарей и разрушенныхъ часовень, которые теперь ожили и тихонько незамѣтно тутъ соучаствовали... Они тоже пѣли, но еще пока не торжественно, а подпѣвали, въ ожиданіи чего-то. И среди нихъ проявился кроткій взглядъ Василия Никифорова-Волгина, учителя маленькаго Алеши, сего же Патріарха, Алексія, въ дѣтскую душу котораго влилъ онъ свою любовь къ униженной и оскорбленной гонимой Святой Руси. То было не воображеніе, а даръ Преображенія.

точно прорывъ свѣжаго вѣтра. Перемяна! Наступила Преображенская ночь. Въ небѣ посыпались звѣзды праздника. «Преобразился еси на горы, Христе Бже, показавый ученикомъ Твоимъ Славу Твою...» А поутру мирно пала богоборческая совѣтская власть. Увидели современные ученики «Славу Твою»...

Успенье. Москва. Кремль. Успенскій соборъ. Море свѣчей. Горятъ огромные паникадила, освѣщая росписи на сводахъ. Иконостасъ подъ небеса. Гремятъ хоры. Молящіеся поклонами, какъ волны на морѣ перебѣгаютъ, переливаются по храму. Алтарь открытый! Онъ тамъ служить съ Патріархомъ. Проходить черезъ тѣ же Царскія Святія врата, черезъ которыя проходили цари и императоры во время коронаванія.

Преображенская ночь? Заплать приближающийся день Преображенія Господня надъ Землей-Именищницей! Уже не по холодайтуйво ли въ Царствѣ Небесномъ кроткаго пѣвца Руси р. Б. Василия, вкупе со всемъ новомученикамъ, забрехала заря? Ожидаютъ они отъ насъ пониманія ихъ подвига! Пора взять Дорожный посохъ и исходить всю Русь вдоль и поперекъ по мѣстамъ, орошеннымъ кровью мучениковъ, излечь изъ этихъ Св. мѣсть благодать т.е. духовную ихъ энергію, также какъ «стяжается» Духъ Святой. Пора на тѣхъ мѣстахъ строить жизнь нации: создавать музеи-памятники новомученикамъ, ставить кресты, храмы, скиты, дабы запершилось надъ Русью Ея Преображеніе... Вдѣл на крови святыхъ мучениковъ строилась великая христіанская цивилизація и Святая Русь! О. Г. П.

«Вся Русская земля истокчалась по Благамъ Утпшитель. Въ устали. Въ горемъ захлебнулись. Въ чаютъ Христова утпшенія... Я иду къ нимъ, пока силъ хватить, и крпико еще обнимаетъ рука мой дорожный посохъ».

В. А. Никифоровъ-Волгинъ

ТРОПАРЬ НОВОМУЧЕНИКУ ВАСИЛІЮ, Гласъ 3

Радуйся, земли Русскія птвецъ издривннйшій,* Дорожнымъ Посохомъ Земле-Именищницу исходившій,* Горе людское страдаемъ по вселенной озласившій,* И на подвигъ стратотерпцевъ сладкозвучно возбудишій,* Душу свою Христу Богу отдавшій,* О Василіе, встворзарь вь ноци мѣра сего свергающій* Призри на насъ, тебя воспѣвающихъ,*

И испроси у Господа намъ велию милость.

На фонѣ новопостроеннаго Храма Христа Спасителя воздвигнутъ Храмъ Новомученикамъ Россійскимъ и Державной иконы.

стоялъ въ уголочкѣ съ дорожнымъ посохомъ справляющей Землю-Именищницу, Святой Новомученикъ Василій. И это было на Преображеніе!

Преображенская ночь? Заплать приближающийся день Преображенія Господня надъ Землей-Именищницей! Уже не по холодайтуйво ли въ Царствѣ Небесномъ кроткаго пѣвца Руси р. Б. Василия, вкупе со всемъ новомученикамъ, забрехала заря? Ожидаютъ они отъ насъ пониманія ихъ подвига! Пора взять Дорожный посохъ и исходить всю Русь вдоль и поперекъ по мѣстамъ, орошеннымъ кровью мучениковъ, излечь изъ этихъ Св. мѣсть благодать т.е. духовную ихъ энергію, также какъ «стяжается» Духъ Святой. Пора на тѣхъ мѣстахъ строить жизнь нации: создавать музеи-памятники новомученикамъ, ставить кресты, храмы, скиты, дабы запершилось надъ Русью Ея Преображеніе... Вдѣл на крови святыхъ мучениковъ строилась великая христіанская цивилизація и Святая Русь! О. Г. П.

«Вся Русская земля истокчалась по Благамъ Утпшитель. Въ устали. Въ горемъ захлебнулись. Въ чаютъ Христова утпшенія... Я иду къ нимъ, пока силъ хватить, и крпико еще обнимаетъ рука мой дорожный посохъ».

В. А. Никифоровъ-Волгинъ

Тропарь новомученику Василію, Гласъ 3

Радуйся, земли Русскія птвецъ издривннйшій,* Дорожнымъ Посохомъ Земле-Именищницу исходившій,* Горе людское страдаемъ по вселенной озласившій,* И на подвигъ стратотерпцевъ сладкозвучно возбудишій,* Душу свою Христу Богу отдавшій,* О Василіе, встворзарь вь ноци мѣра сего свергающій* Призри на насъ, тебя воспѣвающихъ,*

И испроси у Господа намъ велию милость.

СОВРЕМ

Появлені на небі св. Креста на Преображені, в канун прославленія Новомучеников.

Ясно видіть св. крестъ надъ самымъ Храмомъ Христа Спасителя, въ 2000 г.

Когда возмущен, какъ и предъ, в бычье о берегахъ.

видеть видъ не то ошестившился мнать, не то

КНЯГИНЯ НАТАЛІЯ ВЛАДИМИРІВНА УРУСОВА

(Урожденная Истомина)

Москва 1891 г.

СОВРЕМЕННЫЙ МАТЕРИКОНЬ

МАТЕРИНСКИЙ ПЛАЧ КАТАКОМБНОЙ СВЯТОЙ РУСИ

Автобиография Княгини
Наталии Владимировны Урусовой
(1874—1963)

Продолжение, начало смотри в №27, №28, №29

25. ЧЕЧЕНЦЫ

До весны кое-как мы дотянули. Старшая (Ирина) и вторая дочь (Татьяна) почти одновременно вышли замуж. Ни тот, ни другой брак не удовлетворял меня, но я не мѣшала им, хотя это и было моим новым огорчением. Облегчением было то, что это вырвало их из голодной и почти сплошной всѣ эти годы нищеты. Одно утѣшение и, конечно, большое, что оба мужа хотя и не были особенно религиозными, но и Бога вѣрили и вѣнчались церковным браком без моего принуждения. Лѣто прожили. Вь октябрь была чудная и даже жаркая погода. Мы наслаждались купаньем въ морѣ. Я сильно волновалась, когда волны перекатывались через головы, и сердце замирало изъ-за дѣтей, а потом привыкла, видя, что никто изъ купающихся не боится, а напротив, еще стараются пройти дальше навстрѣчу волнамъ. Каспійское море всегда волнуется, какъ я писала, и бьется о берегъ.

То слѣзы бѣдныхъ матерей...
Имь не поднять своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровной нивѣ,
Какъ не поднять плакучей имь
Своихъ поникнувшихъ лѣтвей.

Н. А. Некрасов.

Муж мой вскорѣ оставить и то мѣсто и вернулся къ намъ. Нужно было и его кормить, а ѣды почти никакой. На базаръ все страшно поднялось въ цѣнѣ. Началась обычная спекуляція и такъ называемое мѣшочничество, когда приходилось ѣздить далеко куда-нибудь, чтобы достать ржаной муки или картофель. Я ѣздила въ январѣ къ сѣверу за Грозный при ужасныхъ, преждеписанныхъ условіяхъ поѣздки по желѣзнымъ дорогамъ. Но меня все новое все же интересовало. Напримѣръ, такая картина: морозная лунная ночь, недалеко отъ маленькой станицы, куда не пускаютъ ночевать, разложить костеръ, кругомъ мѣшочники и я среди нихъ, но грѣлись не только люди. Съ низовень горъ выходили шакалы, привлеченные огнемъ, и разсаживались, какъ собаки, на заднія лапы въ разстояніи, самое большее, 50-ти шаговъ. Они имѣютъ видъ не то оштеннившихся волчатъ, не то

ободранныхъ, съ торчащей шерстью лисицъ. Глаза у нихъ какъ огоньки горѣли, и они вали, и шелкали зубами. Иногда начинали смѣяться и всѣ вмѣстѣ продигались ближе къ людямъ и огню. Бросить въ нихъ кто-нибудь горящей головней—они отступаютъ, черезъ нѣсколько минутъ опять, и такъ до разсвѣта. Когда человѣкъ не одинъ, а нѣсколько, они не трогаются, но если ихъ много, а человѣкъ попадетъ имъ одинъ, то не миновать ему быть растерзаннымъ.

Петя, какъ желѣзнодорожный служащій, имѣлъ право одинъ разъ въ году на бесплатную поѣздку для матери куда угодно. Въ декабрѣ второго года его службы я рѣшила съѣздить въ Москву съ маленькимъ 8-лѣтнимъ Андрюшей. Петя и 11-лѣтняя Наташа оставались съ отцомъ, и старшая Ирочка оставалась жить въ Дербентѣ, хоть на отдѣльной квартирѣ, но на нее я могла полагаться вполнѣ. Билетъ былъ въ классномъ вагонѣ, въ которомъ купе для шести лицъ выходило въ проходъ. Бѣжали въ большинствѣ евреи, богато одѣтые (начало НЭПа), изъ Баку и Тифлиса, и только въ двухъ купе были персы. Андрюша былъ чрезвычайно хорошенькій и веселый, и персы съ нимъ цѣлый день забавлялись. Хоть мы и трудно понимали другъ друга, но были такіе, что говорили немного по-русски, и мы объяснились, куда каждый изъ насъ ѣхалъ. Они угощали Андрюшу и меня чудесными тонкокожими греческими орѣхами, изюмомъ и инжиромъ. До станціи Гудермесъ оставалась одна остановка. Въ Гудермесѣ начальникомъ движенія былъ инженеръ Г., съ которымъ мы познакомились еще въ Нальчикѣ. Онъ, зная, что я собираюсь въ Москву, просилъ отъ поѣзда до поѣзда сдѣлать остановку и навѣстить его и его жену. Поэтому я надѣла на Андрюшу теплую куртку и шапку, т.к. была зима, да и въ вагонѣ было холодно. Сама же не одѣлась, думая, что успею. Подѣхали мы къ послѣдней остановкѣ, развѣзду Инче, въ четыре часа дня. Тамъ поѣздъ обычно не останавливался, а тутъ встала. Вниманія не обратили, думая, что что-нибудь обычное въ дорогѣ, или поѣздъ встрѣнный, или еще что другое. Стоимъ. Окна замерзли. Стоимъ часъ, стоимъ два, пассажиры волнуются, кондукторовъ нѣтъ, и никто не заходитъ сообщить въ чемъ дѣло. Стоимъ еще часъ, стемнѣло совсѣмъ, и слышатся какіе-то крики. Составъ былъ большой и нашъ вагонъ послѣдній.

Дикіе крики приближаются, и вдругъ въ вагонъ нашъ врываются человѣкъ двадцать чеченцевъ, страшные, озвѣрѣлые, въ громадныхъ папахъ, всѣ съ ружьями и факалами въ рукахъ. Я въ первый моментъ рѣшила, что кого-то ищетъ ГПУ, такъ какъ одинъ кричалъ по-русски: «Деньги давай!» Тутъ я сообразила, что это нападеніе разбойниковъ.

Предварительно, пока они еще не вошли въ наше купе, я притворила дверь. Бывшіе съ нами двое евреевъ высочили, чеченецъ рванулъ дверь, я опять

хотѣла прикрыть, онъ прикладомъ ударилъ меня въ грудь, я упала на сидѣнье. Къ счастью, онъ ничего мнѣ не повредилъ. Онъ выбилъ окно и сталъ выбрасывать все, что было изъ вещей.

Я воспользовалась этимъ, схватила Андрюшу и скользнула мимо него и другихъ въ сосѣднее купе, къ знакомымъ персамъ. Ихъ тамъ было много, т.к. всѣ втиснулись въ одно купе, я не выпускала Андрюшу. Ближайшій къ двери схватилъ меня за талию обѣими руками, взялъ быстро вмѣстѣ съ Андрюшей къ себѣ на колѣни и сказалъ: «Сиди и молчи». Опять Милость Божья. Какъ только я взошла, они успѣли запереть дверь. Чеченцы стали дверь рвать и бить прикладами. Персы дрожащими головами стали просить сперва черезъ закрытую дверь оставить

Ирина и Татьяна, старшіе дочери Н. В. Урусоей.

ихъ, все время крича: «Аллахъ, Аллахъ!» и еще что-то. Когда же дверь заставили открыть, мнѣ и Андрюшѣ движеніемъ глазъ показали спрятать головы, что мы и сдѣлали, уткнувшись въ пальто перса. Одинъ изъ нихъ, трясясь, объяснялъ что-то именемъ Аллаха разбойникамъ. Они не тронули этого купе и закрыли дверь. Оказалось, что персы поручились, что никого, кромѣ мусульманъ, въ купе нѣтъ. Вездѣ, во всякомъ народѣ есть добрые сердца! Чеченцы искали русскихъ и вообще коммунистовъ.

Когда всѣ ушли и можно было опомниться и выйти въ коридоръ, то зрѣлище было невеселое. Всѣ окна выбиты, мужчины въ одномъ нижнемъ бѣльѣ кричатъ въ отчаяніи, а многіе рыдаютъ. У нихъ все пропало и отобрано золото (а оно у нихъ, у евреевъ, было), бывшее на нихъ спрятано. Въ нашемъ вагонѣ была кромѣ меня только одна женщина, и ее забрали чеченцы, какъ и всѣхъ женщинъ изъ поѣзда. Эти несчастныя никогда уже не возвращались, если чеченцамъ или ингушамъ удавалось кого-нибудь похитить.

Взошла луна, морозъ, я безъ пальто, все, что было со мной, выброшено въ окно. Хорошо, что я заблаговременно одѣла Андрюшу. Все полотно заброшено чехоманами, пледами, корзинами, которые разбойники быстро подбирали и складывали на особаго рода двуколки. Живуть чеченцы (вѣрше, жили) въ горахъ, на самыхъ вершинахъ, и действительно, правильно сражение ихъ съ орлами. Въ то время никакимъ способомъ передвиженія до нихъ нельзя было добраться. Теперь пишутъ въ газетахъ, что изъ-за возстанія противъ советскихъ коммунистическихъ законовъ и режима все это племя насильно переселено въ Сибирь. Вряд ли они смогутъ приспособиться и къ климату, и къ въ корнѣ противоположнымъ условіямъ жизни. Ясно, что если это племя еще не вымерло все, то скоро исчезнетъ и память объ этомъ народѣ съ лица земли.

Оказалось, что съ разбѣда Инче два дня подрядъ звонили на станцію Хасавъ-Юртъ, прося прислать военную защиту, т.к. какіе-то подозрительныя группы чеченцевъ спускаются на своихъ двуколкахъ съ горъ и расползаются вблизи станціи. Оттуда отвѣтили, что они уже вызывали недавно бронепоездъ, а была фальшивая тревога. Когда съ Хасавъ-Юрта звонили на разбѣдъ, что нашъ пассажирскій поездъ долженъ отправляться, то съ разбѣда отвѣта не поступало, и поездъ все же попустили. Дежурный по станціи, телеграфистъ и еще трое служащихъ въ это время лежали связанными. Когда нашъ поездъ подходилъ и долженъ былъ безъ остановки слѣдовать дальше, то не было сигнала, что путь свободенъ, и дежурный не встрѣтилъ, какъ должно было быть. Машинистъ остановилъ поездъ. Немедленно на паровозъ вскопчили чеченцы, связали машиниста и кочегара и стали ломать багажный вагонъ, но они были бронированный, и это имъ не удалось. И вотъ тѣ три часа, что мы стояли, они, начиная съ перваго до нашего послѣдняго вагона, грабили поездъ. Не убили никого. Когда они быстро стали уѣзжать, нагнудив до предѣла двуколки, то выскочившіе изъ вагоновъ пассажиры и кондуктора развязали связанныхъ, и поездъ могъ двинуться на Гуцермесъ. Догнать ихъ было бы невозможно. Лошаденки совсѣмъ маленькія, вродѣ ослы, два колеса въ диаметръ не меньше сажени, посерединѣ вродѣ ящика, и быстраго необычайная. Въ Гуцермесѣ встрѣчалъ меня мой знакомый и провель къ себѣ.

Андрюша быть сильно перепуганъ, и я не меньше, и не хотѣла ѣхать уже въ Москву, а вернуться домой, но онъ меня уговорилъ переломить себя, иначе страхъ останется навсегда. Даль мигъ свою теплую куртку, и черезъ нѣсколько часовъ мы поѣхали. Поѣздка туда и обратно прошла благополучно.

26. ПОДВИГЪ ПОДРОСТКА

Въ теченіе Января и Февраля особеннаго ничего не случилось. Пасха была въ 1924 г. очень ранняя.

Мужъ лежалъ больной. Погода въ Пасхальную ночь ужасная. Шель мокрый снѣгъ при сильномъ вѣтрѣ, но какъ не пойти къ заутренѣ, да и освятить надо слѣданный, несмотря на крайнюю трудность, куличикъ. Старшей дочери тоже нездоровилось, младшихъ изъ-за погоды я не взяла и пошла одна.

Очень хорошій былъ старшій священникъ О. Николай. Церкви не во всѣхъ городахъ, но еще существовали и не «Живой» Церкви, а такъ называемыя Ги-хоновскія. Когда стали вносить хоруви, то вдругъ со всѣхъ сторонъ налетѣли ряженые комсомольцы въ звѣриныхъ страшныхъ маскахъ съ рогами, и хуже еще, чѣмъ въ звѣриныхъ, съ вошемъ, визгомъ, лаемъ они окружили крестный ходъ, стараясь заглушить пѣніе. Священникъ ни на минуту не поколебался, и какъ всегда все было исполнено

какъ полагалось. Когда заплѣ у дверей храма «Христосъ Воскресе», то дикій ревъ, вой, хохотъ и кокуинства дошли до ужаса. Въ храмъ они не вошли, но дожидались въ ограды, и когда молящіеся стали выходить, они вырывали изъ рукъ узелки съ куличами, пасхами и крашеными яйцами, бросали въ грязь и топтали ногами. И такъ было во всѣхъ городахъ въ эти годы.

Ранней весной въ Дербентѣ начинается «путина», т.е. массовая ловля рыбы. У насъ въ то время опять нѣчего было ѣсть. Почти перестали давать и на желѣзной дорогѣ хлѣбъ. У мужа воспаление легкихъ. Что-то надо было придумать. Мнѣ посоветовали пойти за четыре версты на рыбные промыслы, т.к. тамъ можно какъ-то бесплатно достать рыбы. Я пошла съ двумя младшими. Погода прекрасная. На берегу очень длинная, низкая, вродѣ амбаровъ, постройки, полъ ними глубокая, во всю длину и ширину, цементныя ямы. Тутъ же на берегу два привода, но не конскихъ, а движимые полуголыми

Ирина Петровна, старшая дочь Н. В. Урусовой. 1918 г.

персами, человекъ по двадцать у каждаго привода. Они вертели ихъ, хотя кругомъ, и накручивали на нихъ крылья сѣти. Изъ этихъ сѣтчатыхъ крыльевъ, длиной въ сто и больше сажень, выскакивали на песокъ большія Каспійскія сельди и иногда очень крупныя бычки. На нихъ набрасывались дождавшиеся еврей и еврейки, иногда вырывая съ дракой другъ у друга, собирали ихъ въ мѣшки. Этими многіе существовали, какъ и мнѣ привелъ Господь кормиться ими съ мужемъ и дѣтми цѣлый мѣсяцъ, продавая на базарѣ. Кромѣ того, что мы кормились ими, у меня еще немножко и денегъ бывало. Старшій надзиратель, русскій, приказывалъ гнать евреевъ, т.к. они мѣшали работѣ, и персы, не стѣняясь, били ихъ палками. Они отойдутъ немного и опять надвигнутся, и подбираютъ.

Наконецъ, это имъ было воспрещено подъ угрозой ареста. Надзиратель подошелъ ко мнѣ и спросилъ: «Что Васъ, интеллигентную даму, заставляетъ дѣлать такую работу, нести четыре версты мокрую рыбу на спинѣ?» Я отвѣтила: «Крайняя нужда и невозможность устроиться на работу». Онъ сказалъ: «Можете приходите каждое утро и никто Васъ не тронетъ». Это было еще только 1924-ый годъ. Рыбу, которая выскакивала на песокъ, не брали въ засоль, т.к. ее нужно было бы споласкивать и терять время, а по сравнению съ тѣмъ количествомъ рыбы, которую подтягивали къ берегу въ такъ называемыхъ мѣшкахъ (середица сѣти), это было ничтожно. Хорошій уловъ доходилъ до 4000 п. и больше. Когда крылья были накручены на приводы и мѣшокъ почти у берега, то къ нему подѣзжали по переброшеннымъ мосткамъ цѣлой цѣпью тачки. Большими саками выбирали съ лодокъ рыбу, складывали въ тачки, подвозили къ амбарамъ, выбирали осетровъ, карповъ и другую крупную рыбу, а сельдей живыми сваливали въ ямы, гдѣ стояло двое людей, и засыпали ихъ солью.

Каждое утро я ходила съ дѣтми, не боясь, что меня тоже будутъ бить палками. Дѣтямъ я давала нести по силамъ, всего по нѣсколько фунтовъ, а сама несла за спиной иногда не меньше пуда.

Приносили домой, отбирали на ѣду на одинъ день, а остальное несла на базаръ, гдѣ одинъ продавецъ бралъ у меня остальную рыбу за ничтожную цѣну. Все шло хорошо, но я изъ-за этого едва не лишилась жизни.

Думаю, что это было причиной моего заблужданія тяжелой маляріей, и я пролежала въ больницѣ отъ 5-

го Апрѣля до 5-го Декабря. Былъ сильный дождь, дѣтей я оставила дома, а самой нельзя было не идти, т.к. на другой день совсемъ нѣчего было бы ѣсть. Шла подъ дождемъ туда четыре версты и обратно, на спинѣ мѣшокъ съ мокрыми селедками. Я насквозь промокла и, придя домой, долго тряслась и не могла согрѣться.

Одинъ разъ, когда я возвращалась домой, шла дорогой, съ обѣихъ сторонъ окруженной фруктовыми садами, и восхиталась цвѣтущими деревьями персиковъ и миндаля, и все такъ казалось веселымъ, молодымъ, радостнымъ. Но меня смутило одно обстоятельство, и все настроеніе сразу перешло въ уму не постижимую тревогу, было что-то неизвѣстное и таинственное въ этой чудной природѣ. Въ каждомъ саду у входа стоялъ соломенный шалаашъ. И вотъ на одинъ изъ нихъ сѣла невиданная мною до тѣхъ поръ черная птица и прокричала три раза какимъ-то тяжелымъ рѣзкимъ крикомъ. Она была немного больше вороны, безъ отбѣгинки, черная, и необъяснимымъ внутреннимъ чувствомъ мнѣ не понравилась. Рядомъ шли двое, говорившіе плохо по-русски, и одинъ сказалъ другому: «Здѣсь сегодня будетъ покойникъ». На вопросъ, почему онъ такъ думаетъ, тотъ отвѣтилъ: «Да вѣдь это птица смерти!—Онъ назвалъ ее, но я не разобрала.—Гдѣ она прокричитъ три раза, у того дома будетъ смерть». Дня черезъ три послѣ того, что я такъ промокла, я сильно заболѣла и лежала въ большемъ

Петръ Урусовъ стоитъ у паровоза среди рабочихъ, въ железнодорожномъ депо

жару. Черезъ улицу напротивъ насъ жилъ машинистъ, не коммунистъ, вѣрующій, и онъ и жена его. Мы познакомились и бывали другъ у друга. У нихъ было два сына, Володя и Вася, семи и шести лѣтъ. Улица съ обѣихъ сторонъ обсажена бѣлой акаціей, которая уже начала цвѣсти. И вотъ на дерево, прямо противъ моего окна, но съ противоположной стороны улицы, подъ окнами машиниста сѣла эта черная птица, прокричала три раза и улетѣла. Я ринула, что это она мнѣ смерть предвѣщаетъ. Не прошло десяти минутъ, какъ вбѣгаетъ испуганный и взволнованный дондзель мой Андрюша со словами: «Мамочка! Володя и Васю задалово». Несмотря на жаръ, я поднялась съ кровати и вижу: бѣжить несчастная мать и подъ обѣими руками держать своихъ мертвыхъ мальчонковъ. Оказалось, что они играли въ песокъ въ громадной ямѣ, гдѣ брали песокъ для города. Не разъ заявляли обыватели городскому управленію, что нужно загорожить, т.к. дѣти туда бѣгаютъ, и одна сторона грозить обваломъ, но вниманія обращено не

было. Безъ вѣдома родителей малышки играли тамъ и были задавлены обрушившейся глыбой.

Другой случай былъ не менѣ поразительный. Въ томъ домѣ, гдѣ у насъ было двѣ комнаты, внизу жилъ во второмъ этажѣ инженеръ, уже не молодой, съ женой и сиротою племянницей, очень хорошей, 17-лѣтней Марусей. Средства у нихъ были достаточные, они сумѣли сохранить кое-что, и онъ занималъ хорошую должность. Дядя любилъ и жалѣлъ племянницу, дочь своей сестры, но жена его ненавидѣла ее. Буквально не давала ей жить, цѣлый день бранила, мучала работами и не разъ лишала ѣды. Со своими слезами и горестями Маруся, какъ выбрать минутку, то прибѣгала ко мнѣ. Я ее очень жалѣла и полюбила, какъ умѣла утѣшала. Въ томъ же домѣ, въ томъ же дворѣ былъ другой не большой домъ, гдѣ во второмъ этажѣ жила хохлушка вдова съ взрослой дочерью и двумя сыновьями.

Это было вскорѣ послѣ случая съ дѣтми машиниста. Я еще лежала дома, а не въ больницѣ. Приходить хохлушка въ слезахъ и говорить, что дочь ее сильно заболѣла, и вотъ прилетѣла птица смерти, съла на подоконожникъ и прокричала три раза. Никакими словами нельзя было ее убѣдить, что этого можетъ и не быть. — «Нѣтъ, въ моей комнатѣ сегодня будетъ смерть». И смерть была у нея въ ту же ночь, но не смерть ее дочери, а бѣдной Маруси.

Какъ оказалось, за два дня перельтъ дядя и тетя ее уѣхали на мѣсяцъ на курортъ. Марусь оставили деньги на пропитаніе. И что же она сдѣлала: накупила чего было возможно, назвала знакомую молодежь, угостила, повеселилась, истратила большую часть денегъ, со всѣми какъ-то странно простилась и ночью избѣжала въ комнату хохлушки съ крикомъ: «Спасите, я отравилась!» Но было поздно даже позвать врача, она мертвая упала на полъ.

Вскорѣ меня перевезли въ больницу, гдѣ я пролежала четыре мѣсяца съ тяжелой формой маляріи съ безперывнымъ сильнымъ жаромъ. Никакіе средства не помогали. Я уже не похожа была на живого человѣка, меня выносили на кровати въ больничный садъ, т.к. въ палатѣ я задыхалась, и я лежала тамъ почти въ сутки безъ движенія. Дербентъ—одно изъ самыхъ малярійныхъ мѣстъ Кавказа.

Мужъ поступилъ на службу и не умѣлъ какъ-то вовсе заботиться о дѣтяхъ, и они очень плохо могли питаться, т.к. время было голодное. Дочь въ

ожиданіи ребенка приходила ко мнѣ по два и по три раза, и приносила кофе, который меня заставляли пить, т.к. отъ слабости ѣсть я не могла. Младшие двое были большую часть дня около меня. На мое безпокойство объ ихъ питаніи они всегда весело говорили: «Не безпокойся, мамочка, мы сыты». Впоследствии я узнала, что они изобрѣли промыселъ, который имъ очень нравился, но меня посвятить въ это дѣло не хотѣли до времени моего выздоровленія. Каждую субботу они ходили съ утра съ сумками или мѣшками въ еврейскій поселокъ и поджигали у всѣхъ печи, за что имъ щедро сыпали грецкіе орѣхи, сушенныя дыни, груши, миндаль, инжиръ и изюмъ. Они были сыты вкусными сладостями и еще снабжали этимъ и Петю, и маму, и отца. Какъ пришло имъ въ голову это въ голову? Изыскивали бѣдные дѣти, навѣрное, всякія возможности заработка.

Мое выздоровленіе доктора считали невозможнымъ и объявили моей Ироцкѣ, что я медленно угасаю и нѣтъ уже возможности поднять силы въ организмѣ. Единственное, что можно бы, и то сомнительно, это перевезти на родину въ Москву, чтобы переимѣнить чуждый мнѣ климатъ, но не думали, чтобы я перенесла дорогу до Москвы.

Вторая дочь жила съ мужемъ въ Ростовѣ-на-Дону. Онъ былъ въ большой должности инженера на желѣзной дорогѣ управленія южныхъ дорогъ. Ему написали съ просьбой помочь перевезти меня. Немедленно прѣхала за мной жена его, моя дочь Таня. Меня на носилкахъ внесли въ санитарный вагонъ. Когда Ироцка прощалась со мной, то увѣрена была, что мы съ ней разстанемся навсегда. Она умѣла взять себя въ руки и утѣшала меня, говоря, что я скоро вернусь къ нимъ и мы опять будемъ всѣ вмѣстѣ, и при сильной волѣ не позволяла младшимъ плакать. Когда же побѣздъ отошелъ, у ней отъ горя начались боли, и пришлось отвезти въ больницу, гдѣ черезъ нѣсколько часовъ родилась моя первая внучка, Ниночка, недоношенная два мѣсяца. Такая была крошечная и слабенькая, что только любовь такой матери смогла ее выводить въ грѣлкахъ. Объ этомъ я узнала только въ больницѣ въ Москвѣ. По дорогѣ пришло на дѣнь недѣли остановиться въ Ростовѣ, т.к. вызванный ко мнѣ въ вагонъ врачъ велѣлъ везти на дѣнь недѣли въ больницу изъ-за слабости сердца. Черезъ двѣ недѣли меня увезли въ Москву, гдѣ я пролежала еще четыре

Городъ Дербентъ, на Берегу Каспійскаго моря.

Съ фотогр. Ермакова, грав. М. Раппевскій.

Изъ журнала «Восточная Иллюстрація», 1872 г.

мѣсяца. Итого съ 5-го Апрѣля по 5-ое Декабря—въ злостной тропической малярии, въ тяжелой формѣ, какъ значилось на дощечкѣ надъ моей головой.

Болѣзнь была совсѣмъ исключительной формы, и что мнѣ надоело, такъ это масса незнакомыхъ врачей, которые постоянно прѣзжали изъ другихъ больницъ и Малярийнаго Института, привозили студентовъ-медиковъ и читали разъясненіе моеи болѣзни, но я не была свободной, какъ прежде могли быть лежащіе въ больницахъ люди, допустить это или нѣтъ. Платило за меня управленіе желѣзной дороги въ Дербентъ какъ за мать служащаго тамъ уже помощникомъ слесаря сына Пети, и я являлась собственностью Совѣтскаго Союза. Персоналъ врачей, болѣею частью изъ прежнихъ еще, былъ очень заботливый и сердечный. Они мнѣ говорили, что на консилиумахъ не было ни одного голоса за возможность выздоровленія. Тоска по дѣтямъ не оставляла меня никогда во время всей болѣзни. Когда я начала поправляться и учиться послѣ восьми мѣсяцевъ лежанія ходить съ двумя палками, то меня изъ больницы отпустили поправляться къ родственникамъ въ Москву. Я черезъ недѣлю объявила, что ѣду обратно въ Дербентъ. Всѣ возмутились: «Какъ, опять туда, гдѣ ты малярию получила? Да мы не пустимъ». Вызвали врача и онъ сказалъ: «Ни въ коемъ случаѣ!» Опять, полагаясь только на то, что Господу все возможно, я настояла на поѣздкѣ.

Меня посадили въ вагонъ, заплатили оберъ-кондуктору, чтобъ заботился обо мнѣ, и я уѣхала, не будучи еще въ состояніи ходить безъ двухъ палокъ. Ѣхать четверо сутокъ. Дала телеграмму. Всѣ мои дорогіе встрѣчали меня на вокзалѣ. Да! Я была счастлива въ то время. Только Петино лицо блѣдное и грустное. Я сразу что-то почувствовала недоброе. Увидѣла свою 4-мѣсячную чернышку, съ большими красивыми глазками, внучку. Не выпускала изъ рукъ своихъ младшихъ, всѣ около меня.

Образъ Святителя Николая, бывшій и въ больницѣ неразлучно со мной, привезъ меня домой. Только Петинъ видъ меня тревожилъ. На мой вопросъ въ тотъ же день онъ мнѣ не сказалъ, а даль опомниться отъ радости и отдохнуть, а затѣмъ, оставшись со мной наединѣ, съ взволнованнымъ и изменившимся лицомъ сказалъ: «Мамочка, я комсомолецъ, но не суди меня, а прежде выслушай». Никакой трюмъ не поразилъ бы меня такъ, какъ это

извѣстіе. У меня дыханіе остановилось. Какъ! Мой мальчикъ, мой любимый сынъ, и что я слышу! Нѣсколько времени я не могла произнести ни слова, а затѣмъ сказала: «Я не знаю причины, но если ты не выйдешь изъ комсомола, у меня сына Пети больше нѣтъ». Всѣ поблѣднѣвшій, онъ говоритъ: «Да, я выйду, но выслушай мое оправданіе! Меня вызвали въ комсомольскую ячейку и спросили, почему я не комсомолецъ. Я отвѣтилъ, что по своимъ убѣжденіямъ не могу имъ быть. Тогда мнѣ объявили: «Или ты сейчасъ подпишешь, что ты вступаешь въ комсомолъ, или немедленно будетъ дана телеграмма въ Москву выбросить твою мать изъ больницы, т.к. ты, какъ контрреволюционеръ, будешь выгнанъ со службы». Ма-мочка! Я сказала, что посовѣтуюсь съ отцомъ. Ну, а папа сказалъ: «Конечно, вступи, нельзя же маму болѣзную выкинуть на улицу изъ больницы». Я поняла все страданіе его, я знала, чѣмъ грозитъ выходъ ему, но я предпочла бы страшное горе его мученичества, но не могла согласиться на это. Онъ меня просилъ позволить только ему не заявлять прямо о выходѣ, а не пойти на два собранія, которые были ежедневно, и онъ будетъ считаться механически исключеннымъ изъ комсомола. Любовь и жалость заставили меня на это согласиться, вѣкъ ему было всего

Татьяна Петровна,

дочь Н. В. Урусовой, родилась въ 1903 г.

(Погибла на фронте II Мировой Войны)

16 лѣтъ. Его выкинули, по ихъ выраженію, но не знаю, какъ случилось, что съ работы въ депо не уволили и онъ вскорѣ сдать экзамены на слесаря-практика. Нужное оно было въ депо какъ исполнительный работникъ.

27. ЕЙСКЪ

Черезъ мѣсяцъ у меня начались опять приступы малярии, но не въ прежней формѣ. Я два три болѣла, и то болѣею частью выносила на ногахъ, то была здорова, то иногда и недѣлю лежала. Рѣшено было переѣхать на Сѣверный Кавказъ въ г. Ейскъ, на Азовское море, гдѣ мѣстность немалярийная и хорошей курортъ. Черезъ четыре мѣсяца мы уѣхали.

Въ дорогѣ я лежала опять болная, но уже подлѣзая къ Ейску, почувствовала себя вполне хорошо и два года ни разу не болѣла. Истощенная болѣзью, я не могла надѣяться ни на какую физическую работу, а на службу меня не приняли бы, да я и не хотѣла. Зятъ, мужъ моей дочери Ирочки, не сразу нашель себѣ работу, а мужъ мой неожиданно уѣхалъ къ

брату въ Москву, и я его пять лѣтъ послѣ этого не видала. Въ первый день, какъ мы прїѣхали, зятю удалось найти комнату, но очень маленькую, такъ что даже на время нельзя было помѣститься всеѣмъ намъ, да къ тому у Наташи и Андриуши начинался колотушъ, и нужно было ихъ отдѣлить отъ слабенькой малютки Ниночки. Мнѣ указали на комнату. Вышла, или вѣрнѣе, словно выплыла очень полная хозяйка-купчиха и, взглянувъ на наше одѣяніе и узлы, сказала: «Нѣтъ, я не пушу такихъ оборванныхъ квартирентовъ, да еще съ такими вещами, на что они мнѣ?» Нелегко было это слышать, но что было подлѣзать, и я сама сознавала, что иной нищій выглядѣть лучше насъ.

Насъ было четверо: Петя, я и двое младшихъ. Хозяинъ оказался сердечный и сказалъ: «Да ты на одежку-то не гляди, иной и изъ богатой придетъ, да не будешь знать;» какъ отъ него отвязаться. И, обратившись ко мнѣ, сказалъ: «Дѣло къ ночи, куда вамъ дѣваться, вотъ комнатка, переночуйте, а тамъ посмотримъ, что Богъ дастъ». Подстелили свои лохмотья на блестящій крашеный полъ и заснули, какъ убитые. На другой день и хозяйка стала мягче, она оказалась совсѣмъ не такой безсердечной, а на третій день объявила: «Ну, живите ужъ, куда вамъ дѣваться». Черезъ нѣсколько дней принесла по кусочку пирога или хлѣба и просила меня по вечерамъ придти къ нимъ побѣседовать и почитать изъ Священнаго Писанія, т.к. они были оба неграмотные, но въ церковь ходить любили.

Когда мы черезъ два мѣсяца перешли въ другую большую комнату, то намъ взаимно было грустно разставаться. Петя къ этому времени поступилъ на узловую станцію въ 50-ти км. отъ Ейска, уже помощникомъ машиниста, а комната была совсѣмъ маленькая, и гдѣ было повернуться, а ему нужно было отдохнуть въ промехуткахъ между его дежурствами на паровозѣ. Черезъ день онъ прїѣзжалъ домой. Почти весь заработокъ онъ привозилъ домой. Два мѣсяца до его поступления были исключительно трудными.

Священникомъ собора въ Ейска былъ старейшій протоіерей Отецъ Василій, очень мнѣ пришедшій по душѣ, какъ и его матушка. Андриушъ было 12 лѣтъ, онъ его, по моему и его желанію, взялъ прислуживать въ храмѣ. На него надѣли стихарикъ, чему онъ несказанно радовался. За очень короткій срокъ выучился читать по-славянски и читалъ очень хорошо во время службы. До 1927 г. не пропускалъ ни

одной службы и очень гордился тѣмъ, что приноситъ домой хлѣбъ, или что-нибудь изъ другихъ продуктовъ, удѣляемые ему О. Василиемъ изъ того, что онъ получалъ за работы.

Въ Ейскѣ голода въ то время не было. Это богатѣйшій край, несмотря на налоги и отбирание властями всего возможнаго, мѣстные жители еще могли жить и щедро награждали, и заботились о своихъ священникахъ. Но денегъ, пока Петя не поступилъ на работу, абсолютно не было, жили до крайности бѣдно.

Слышу одинъ разъ въ церкви, что священникъ обращается къ приходу со словами: «Братья и сестры, по окончаніи службы я самъ обйду васъ всеѣхъ съ тарелкой и прошу отозваться на мою просьбу помочь одной интеллигентной дамѣ, живущей въ полной нищетѣ съ тремя дѣтьми». Я не подумала ни минуты, что это онъ призывать помочь мнѣ, и только узнала, когда онъ принесъ мнѣ домой 25 руб. Въ то время въ Ейскѣ это были деньги и можно было нѣкоторое время прокормиться, и покупать молоко.

Петя получилъ службу и зять мой нашелъ работу, я успокоилась и начала дѣлать коврижки съ арбузнымъ медомъ, котораго тамъ много, и продавала на базарѣ. Такъ прожили мы до конца 1926 года. Въ началѣ 27-го г. я увидѣла на базарѣ швыты изъ цѣвнотной древесной стружки. Швыты и

на цѣвты не похожи, а идуть хорошо, спростъ большой. Попробовала сдѣлать, вышло на цѣвтокъ похоже, продала моментально. Съ этого времени цѣвты стали большой помощьюъ въ нашей жизни, когда мнѣ обстоятельства давали возможность ими заниматься. При дальнѣйшей практикѣ на мою работу стали обращать вниманіе и уже дожидались меня на базарѣ, чтобы успѣть купить до другихъ. Я получила, по-моему, большой комплиментъ, напомнившій мнѣ басню Крылова «Осель и соловей». Подошли двѣ холушки. Одна говоритъ: «Бачи яки швыты, якъ живеньки». Она хотѣла купить, на что другая отвѣтила, что это совсѣмъ не интересно: «Такіе швыты поставитъ въ хату, они совсѣмъ какъ живенькіе, а живыхъ и безъ того много, вонъ у той бабушки, такъ интересно: розанъ-то красный, а бутонъ голубой, да и на цѣвтокъ не похоже». Купили у той бабушки. Но были и цѣвнители. Я получила приглашеніе прїѣхать съ швытвма въ Ростовъ къ одной дамѣ, которая дѣлала швыты и сдавала въ цѣвнотный трестъ. Она просила меня дѣлать, сколько могу, и два раза въ мѣсяцъ возить въ

Ниночка,
дочь Ирины,
швучка Н. В. Урусовой.

Ростовъ. Она ихъ выдавала за свои, и мы объ получали отъ нихъ прибыль. Жить стало легче, и я могла даже мясо покупать, и въ лѣтнее время наслаждаться дынями и арбузами. Конечно, тотчасъ о моей работѣ узналъ финансовый отдѣлъ. Пришли съ обыскомъ проверить размѣръ моего производства и какіе запасы материала. Хотя запасы и не было и работала я одна только для скромнаго очень прожитія, наложили налогъ и стали неожиданно являться проверять.

Т. Я. Урусова

изъ семейнаго альбома

Вл. Владиміръ Владиміровичъ Истоминъ

Владиміръ Константиновичъ Истоминъ,
отецъ Н. В. Урусовой, 1869 г., 1873 г., изъ семейнаго альбома

Въ 1927 г. на второй день Пасхи получаю телеграмму: «Привезите всё, что есть, побольше красныхъ». Ну, думаю, чьи-нибудь совѣтскіе похороны. Красныхъ у меня не было готовыхъ, но взяла, что было, и поѣхала. Похороны оказались не одни, а сорока человѣкъ. Случилось событіе, указавшее въ явномъ проявленіи Божьяго Суда, но озлобившее коммунистовъ. Подъ Ростовомъ есть колоссальный заводъ сельскохозяйственныхъ машинъ. Рабочіе въ числѣ 40-ка человѣкъ отказались въ день Воскресенія Христова ѣхать на работу, говоря, что Богъ ихъ накажетъ за это. Несмотря на угрозы, они отказались.

Тогда 40 коммунистовъ заявили: «Вотъ мы вамъ докажемъ, какъ Богъ караетъ и поѣдемъ вмѣсто васъ». Что они сдѣлали съ отказавшимися, не трудно себѣ представить, на слѣдующей Пасхѣ они, навѣрное, были

въ Сибири, но извѣстно ни мнѣ, ни моимъ знакомымъ о нихъ не было, съ ними же самими случилось слѣдующее. Сорокъ человѣкъ сѣли на открытую грузовую машину. Шофера, тоже не хотѣвшаго подчиниться, все же заставили ѣхать. Нужно было еще въ чертѣ города проѣзжать черезъ рельсы. Шлагбаумъ сторожъ не успѣлъ закрыть, и налетѣвшимъ паровозомъ всѣ до одного, кромѣ шофера, котораго чудомъ выбросило изъ грузовика, были убиты. Я видѣла на другой день процессію въ сорокъ красныхъ гробовъ, состоящую

изъ открытыхъ платформъ грузовыхъ, разукрашенныхъ елками, цвѣтами и красными флагами, конечно, при игрѣ большого военного оркестра. На слѣдующій годъ уже никто не посмѣлъ отказаться, а затѣмъ и не находилось такихъ, которые считали бы это грѣхомъ, а если и были единицы, что, конечно, возможно, то и виду не могли показывать, чтобы не попасть въ ГПУ.

Былъ еще случай въ Ейскѣ, гдѣ Господь наказалъ коммуниста въ моментъ хулы. Приѣхалъ, извѣстный въроятно и за границей, профессоръ, протоіерей Введенскій, (какъ утверждали, крещенный еврей). Былъ разрѣшенъ диспутъ о существованіи вообще Бога или нѣтъ. Конечно, ни я, и никто изъ моихъ близкихъ не присутствовали, и могу передать только то, о чемъ говорили вездѣ и всѣ. Введенскій не признавалъ Спасителя Сыномъ Божиимъ. Присутствующее духовенство пререкалось съ нимъ. Комиссаръ города

встал и сказал, указав на часы, бывшие на его руке: «Вот сейчас без десяти минут шесть, посмотрим, накажет ли меня Бог, если Он есть, за мои слова». И позволил себя ужасную хулу на Бога, к счастью, не знаю из каких словачь, и захохотал. В момент его смеха — звонок по телефону, стоящему на столе перед ним. Берет трубку, бледнеет и бросается бегом из собрания. Ровно без десяти минут шесть его единственный сын, десяти лет, нечаянно застрелился, играя с револьвером, забываясь им на стол кабинета.

Позднее пришлось слышать, что и это явное наказание Божие коммунист-худитель обьявил случайностью и не вразумился, оставшись неверующим (и бьсы вѣруют, но трепещут), или врагом Божиим.

28. БОГ—СУДЬЯ

Как я писала, Петя служил помощником машиниста на узловом разъѣздѣ. Это не селение, а только депо для смѣны паровозов и бригады дальняго слѣдованія. Прислали туда как практиканта молодого комсомольца сѣ тѣм, чтобь онь сдаль экзамень на помощника машиниста. Веѣ три мѣсяца онь не отходил оть Пети, проявляя самые дружескіе отношения. Петя был сѣ ним дружен, но въ откровенности никогда не вступалъ. Человѣкъ этотъ былъ лѣнивъ и абсолютно ничего не зналъ, и не сдаль бы экзамена безъ Петиной помощи. Онь его всецѣло подготовилъ, и тотъ сдаль экзамень. Когда уѣзжалъ, то сказалъ наединѣ: «Ты хороший товарищ, добрый и помогь мнѣ, безъ тебя я не сдаль бы экзамена, а потому и я помогу тебѣ соѣвѣтомъ и открою тайну. Я былъ на три мѣсяца приставленъ къ тебѣ оть ГПУ. Всегда можешь этого ожидать, а потому слѣди за собой и будь остороженъ».

Вотъ какая подлая слѣжка и трудная жизнь была: нигдѣ и ни минуты человѣкъ не былъ свободенъ и

гарантировать оть измѣны и шпionaжа! Это и породило такое грѣшное недобѣрие почти ко всѣмъ новымъ встрѣчающимся людямъ. Даже самые высокіе идеалисты, проживъ много лѣтъ въ соѣветской Россіи, не могли бороть въ себѣ подозрѣнія и недобѣрия.

Лѣтомъ 1926 г. поѣхала я сѣ двумя младшими въ Москву. Билетъ безплатный, и мнѣ хотѣлось навѣстить родныхъ, и побывать на могилѣ безгранично любимого мною отца. Безплатный билетъ одинъ разъ въ году былъ единственной привилегіей службы на желѣзной дорогѣ. Не комсомолецъ или не коммунистъ былъ всегда какъ нелюбимый пасынокъ у злой мачехи. Вся молодежь могла учиться во всѣхъ высшихъ школахъ, какъ научныхъ, такъ техническихъ, такъ и профессиональных, но они нѣтъ. Веѣ имѣли право на безплатный курортъ, но они нѣтъ, веѣ пользовались полнымъ питаніемъ, но они нѣтъ, веѣ имѣли туристическіе билеты куда угодно во время отпуска, но они нѣтъ и т.д.

Такъ вотъ, мы поѣхали, въ то время я еще не дѣлала свѣтовъ и денегъ у меня совсѣмъ не было. Когда мы приѣхали на Скорбященское кладбище, то недалеко оть могилы моего отца священникъ служилъ кому-то панихиду, а я говорю: «Вотъ дѣти, какъ печально, у насъ нѣтъ возможности заплатить священнику, чтобь и у дѣдушки отслужить панихиду». Идемъ и видимъ, что на его могилѣ бьеститъ что-то ярко, какъ бы стеклышко на солнцѣ. Подходимъ, и въ головкахъ у отца лежитъ совсѣмъ новенькій, словно только что отчеканенный, полтинникъ. Мы поразились. Андриша радостно подбѣжалъ къ батюшкѣ, прося отслужить панихиду. Въ то время серебряные 50 коп. имѣли цѣну.

Много всегда и веѣдѣ въ поруганной Россіи было чудесныхъ случаевъ и немедленной кары Божьей, и чудеснаго спасенія по вѣрѣ.

Владимиръ Константиновичъ Истоминъ,

отецъ Н. В. Урусовой, въ послѣдніе годы жизни

1. ПРОРОКЪ ИЛЯ

Мнѣ рассказывала монахиня, жившая в станицѣ Кавказской (Центр. Кавказъ), что въ Ильинъ день (20-го іюля) все население колхозами убирало пшеницу. Небо стало покрываться тучами, стали торопиться. Въ Ильинъ день испоконъ вѣку бываетъ, за рѣдкимъ исключеніемъ, гроза, и это не повѣрие, а истинный фактъ, наблюдаемый и мной въ течение моей долгодѣйней жизни. Нѣкоторые стали уговаривать спрятаться, указывая на Ильинъ день, въ сарай, такъ какъ черная туча быстро надвигалась, и уже не отдаленный, а слышанъ былъ почти надъ головами злобѣйшій громъ. Одинъ изъ предсѣдателей колхоза, коммунистъ, позволилъ себѣ коунституционную выходку, обращаясь къ Пророку Ильѣ, я не буду повторять его слова, скажу только, что онъ его пригласилъ подкатить къ нимъ на своей колесницѣ. Раздался дружный одобрителный смѣхъ. Двѣ молодой женщины испугались этихъ словъ и бросились изъ сарая, куда всѣ столпились изъ-за хлынушаго дождя, со словами: «Смотрите, какъ бы Илья Пророкъ и на самомъ дѣлѣ не подкатилъ къ вамъ». Онѣ добѣжали до большаго дуба, стоящаго одиноко среди поля, и укрылись подъ нимъ. Страшный ударилъ громъ послѣ ослабительной молнии и сжегъ почти моментально сарай со всѣми смѣявшимися надъ Пророкомъ. Обѣ женщины только промокли.

2. «НЕЗНАКОМКА»

Сестра моя, оставленная въ Москвѣ, не арестованная, хоть и бывшая фрейлина, а оставленная по соображеніямъ властей, о которыхъ скажу въ другомъ мѣстѣ, рассказала мнѣ о лично ею слышанномъ.

Она стояла въ очереди за керосиномъ, но главное, ей хотѣлось купить гарнаго искусственнаго масла для лампадки. Конечно, оно не для этого употребленія продавалось, но вѣрующіе понимали, для чего старушки его покупаютъ. Очередь была очень большая, и ей пришлось бы простоять, возможно, не одинъ часъ, и потому она черезъ головы спросила, есть ли гарное масло. Около нея стоялъ молодой пожарный въ формѣ. Онъ обратился къ ней и говоритъ: «Эхъ, бабушка! Теперь это не въ модѣ». Она думая, что это насмѣшка, не допуская ничего другаго, отвѣтила: «Для насъ, молодыхъ, не въ модѣ, а для насъ было и будетъ въ модѣ». — «Не думайте, что это шутка съ моей стороны; я самъ пришелъ за масломъ для лампадки». Раздался сочувствующій ему хохотъ многихъ лицъ. «У насъ въ селѣ случилось такое необычайное чудо, что не уврывать въ него и, конечно въ Бога, невозможно. Я самъ видѣлъ, и никакая сила меня не разувѣритъ». — «Расскажите, расскажите и намъ про Ваше чудо», — просили одни, издвѣваясь, а другіе со страхомъ Божимъ, но такихъ,

кромѣ моей сестры, было очень немного. «Съ радостью расскажу, не скрою», — сказала пожарный. Всѣ замолчали.

«Въ нашемъ селѣ была убогонькая нищенка, родилась она калѣчкой, совсѣмъ почти безъ ногъ, и всю жизнь ползала на карачкахъ. Кто не знаетъ ее! Сорокъ лѣтъ она приподзала на паперти и просила милостыню. Въ нашемъ исполкомѣ назначено было собраніе по вопросу о выявленіи кулаковъ (самыхъ трудолюбивыхъ и не пьяншихъ крестьянъ), раскулачиваніи и высылкѣ ихъ. Всѣ должны были обязательно присутствовать. Приподзала и убогонькая и осталась у самой двери. Вдругъ входитъ никому не извѣстная женщина, вся одѣтая въ черное, наклоняется надъ ней и говоритъ: «Зачѣмъ ты здѣсь? Здѣсь тебѣ не мѣсто! Иди за Мною!» Она вышла, выползла за ней и калѣчка. «Давно ли ты такая?» — спросила ее Незнакомка. «Да съ самаго рожденія». — «А хочешь быть здоровой?» — «Да какъ же не хотѣть, матушка!» — «Ну, ступай съ Богомъ». Съ этими словами она не стала видна, а у нашей убогонькой откуда взились ноги! Видѣ ихъ не было! Она встала на ноги и сама пошла домой. Что только было у насъ! Все село сбѣжалось, и невѣрующій не могъ отрицать, всѣ знали ее. Вся окрестность восплоднилась, ѣдутъ и идутъ, каждому вѣдь интересно. Дошло до властей, восплоднились и они, прислала ГПУ на разслѣдованіе. Ничего сказать не могутъ, дѣло вѣдь налицо. Тогда они объявили, что это колдовство, и какой-то врагъ указалъ на дочь дьякона, ее посадили въ подвалъ, обещая расправиться за то, что смутила колдовствомъ своимъ всю окрестность.

Входитъ Та Женщина, что исцѣлила калѣчку, и спрашиваетъ: «За что вы посадили дочь дьякона?» — «Да она тутъ какимъ-то неизвѣстнымъ средствомъ смутила все населеніе». — «Дочь дьякона не виновна, отпустите ее, это Я съѣдала, Меня и посадите». Такъ и съѣдала, дочь дьякона выпустили, а женщину заперли большимъ замкомъ. Когда утромъ отперли, то никого въ подвалѣ не было».

Всѣ молча слушали, какъ кто хотѣлъ, такъ и воспринялъ рассказъ. Нѣтъ сомнѣній, что за разглашеніе чуда Божьего онъ сталъ мученикомъ за вѣру.

3. «ПИОНЕРКА»

Еще интересный случай я лично слышала отъ сестеръ Боткинской больницы въ Москвѣ. Тамъ въ 1927 или 1928 году, не помню, лежала дѣвочка 10-ти лѣтъ, очень тяжело больная туберкулезомъ позвоночника. Страдала невѣроятно. Въ ней принималъ участіе весь персоналъ больницы. Дѣвочка тихая, кроткая, страдала больше года, и всѣ только ждали ея смерти какъ избавленіе отъ мукъ, а смерть не шла къ ней.

Ея родители были простые крестьяне въ подмосковномъ селѣ. Сестра ея каждое утро привозила въ

Москву молоко и каждый день навѣшала ее. Одинъ разъ дѣвочка проснулась въ большемъ волненіи и, обливаясь слезами, никому не хотѣла объяснить причины. Когда пришла ея сестра, она сказала ей: «Сегодня ночью я во снѣ шла по бѣлой лѣстницѣ, которая упиралась въ небо. Шло много людей, взрослыхъ и дѣтей, были такіе дѣвочки, какъ я. Долго мы шли и видѣли въ концѣ большой свѣтъ. Когда подошли, то увидѣли, что Свѣтъ этотъ шель отъКого-то. Кто стоялъ на самомъ верху. Однихъ Онъ пропускалъ въ большую свѣтлую дверь, а другихъ нѣтъ... Двухъ дѣвочекъ, шедшихъ со мной, Онъ милосердово пропустилъ, а меня остано- вилъ: «Тебѣ нельз- я сюда, ты— пѣонерка»,—ска- зать Онъ. И ста- ла она просить сестру пойти къ учителю, завѣ- дующему шко- лой, и сказать, чтобъ онъ вычерк- нулъ ее изъ списка пѣоне- рокъ, и такъ прислала, въ та- кихъ слезахъ, что сестра пошла къ учителю и просила его вычеркнуть дѣвочку изъ списка. На это онъ отвѣтилъ: «Вотъ еще вздоръ, какой-то бредъ больной, и буду я ее вычеркивать, останется пѣонеркой, а ты ей скажи, что я вычеркнулъ, вотъ и все».

На другой день, когда сестра пришла въ больницу, то застала больную еще въ большихъ слезахъ. Она видѣла тотъ же самый сонъ, и когда сестра, желая ее успокоить, сказала, что она вычеркнута и больше не пѣонерка, она отвѣтила: «Это не правда! Не правда... Онъ меня не пуститъ. Пойди опятъ, скажи, что я не хочу, пусть вычеркнетъ, а еще пойдѣ въ церковь и попроси у священника для меня красную большую книгу. Я одинъ разъ, когда никто не видѣлъ, забѣжала посмотреть, что въ церкви, я вѣдь никогда не видѣла. Священникъ держалъ большую красную книгу и читалъ. Попроси его дать мнѣ эту книгу». Все это она говорила, лежа безъ движенія. Она ни одинъ мѣсяць уже не могла поднять голову. Сестры больницы говорятъ, что невозможно было безъ слезъ видѣть горе этого умирающаго ребенка, и въ этомъ горѣ было что-то особое, затрагивающее страхомъ душу. Онъ сказали молочницѣ, во что бы то ни стало потребовать ея исключенія. Она пошла къ учителю и не осталась до тѣхъ поръ, пока учитель не

вычеркнулъ дѣвочку и не разорвалъ ея документа. Затѣмъ она пошла къ священнику и все рассказала. Онъ былъ потрясенъ. Большая красная книга была Евангелиемъ. «Не могу же я дать церковное Евангеліе, вотъ у меня есть листки отъ разорваннаго Евангелія, ты ихъ ей отнеси».

Когда на другое утро она вошла въ палату больницы, то съ удивленіемъ увидѣла, что доктора и сестры окружаютъ дѣвочку, она сидѣла радостная и какая-то совсѣмъ необычайная. Она протянула свои худенькіе ручки, какъ палочки, взяла изъ рукъ сестры

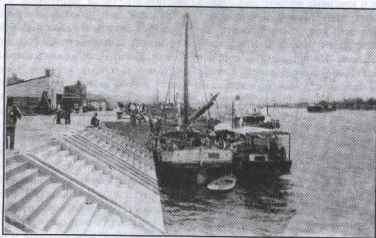
листочки, при- жала къ груди и сказала: «Онъ, Тотъ Свѣтлый, что на верху лѣстницы, ска- зать мнѣ: «Сего- дня я тебя возь- му къ Себѣ, ты больше не пѣонерка». Ска- завъ это, она опустила голову на подушку и въ- здохнула въ- послѣдній разъ. Господь взялъ ее къ Себѣ».

Человѣку въ- рующему, тому,

кто знаетъ, что такое пѣонерство, рассказъ этотъ является несомнѣнно возможнымъ фактомъ и можетъ быть только трогательнымъ, но не удивительнымъ».

Въ большинствѣ случаевъ это некрещеные дѣти. Не буду разбирать причины, побуждавшихъ родителей предавать своихъ дѣтей съ рожденна сатанѣ. Будь то убѣжденія, будь то страхъ передъ арестомъ и ссылкой за крещеніе ребенка, или еще иныя побужденія, все равно фактъ, что вмѣсто Святого Таинства Крещенія надъ дѣтми совершался обрядъ *октябренія*, дѣти назывались *октябрятми* и получали имена: Ленина, Сталина, Нинель (Ленингъ наоборотъ), Маія (въ честь перваго мая) и т.п. *Октябрятми* они назывались въ честь 17-го Октября, дня большевистскаго переворота въ Россіи. Я не знаю, въ чемъ состоялъ этотъ страшный обрядъ, т.к. потому что никогда не присутствовала на немъ. Тамъ, кромѣ безразличныхъ людей, идущихъ на эту церемонію изъ-за угошенія, были только комму- нисты. До 6-лѣтняго возраста дѣти были *октябрятми*, послѣ 6-ти механически переходили въ слѣдующую ступень—*пѣонерства*, а затѣмъ, съ 16-ти—въ *комсо- моль*, гдѣ уже самостоятельно давали обѣты отреченія отъ Бога.

Могу привести слѣдующій примѣръ: ||

Ростовъ—на-Дону въ началѣ XX-го вѣка

4. «КОМСОМЛКА»

У дочери моей младшей была подруга Лена М. Мать ее, вступая, ни подь какимъ видомъ не хотѣла, чтобы она вступила въ комсомоль, и пионеркой она не была и была крещеная. У нее были братья, бывшій офицеръ Бѣлой Арміи, жившій въ Сербіи. Отецъ— генералъ, убитый въ бою. Братья писали Ленѣ о томъ, что если она вступить въ комсомоль, то пусть знаетъ, что братья отъ нее отрѣкся. (Во времена Берин и Ежова такое письмо не могло бы дойти). У нее были необычайно большіе и красивые волосы. Дѣв густыя косы спускались ниже колѣнъ. Мать очень гордилась ее волосами. Въ одинъ день приходитъ Лена откуда-то домой и ужась матери невообразимъ: обѣ косы отрѣзаны до самой головы. На испуганный вопросъ матери она заявляетъ: «Я—комсомолка». Глупая дѣвочка поддалась пропагандѣ и, наученная не предупреждать мать, обрѣзала по правиламъ комсомолки косы. Мать не могла утѣшиться и готова была отъ нее отрѣчься, но она еще не приняла посвященія. Обрядъ посвященія хранился въ глубокой тайнѣ, и я не знала самой сути его, пока не услышала отъ самой Лены. Такъ же неожиданно пришла она домой одинъ разъ весной и объявила: «Я вышла изъ комсомола!». Это извѣстіе и обрадовало и возмущало мать, какъ я писала о своемъ сынѣ, такъ знали всѣ, чему подвернется рано или поздно тотъ, кто вышелъ. Вотъ рассказъ Лены: «Насъ всѣхъ, подлежащихъ посвященію, привели къ лѣсу, гдѣ на полянѣ у опушки разложили костеръ. Пока мы давали всякіе клятвенные обѣщанія, поднимая руку, дѣло шло, но когда мнѣ велѣно было три раза перепрыгнуть черезъ огонь и въ это время произносить страшное отрѣченіе отъ Бога, я отказалась и ни за что не согласилась, и заявила, что выхожу изъ комсомола». Ей было 16 лѣтъ.

5. СУДЪ НАДЪ БОГОМЪ

Андрюша мой въ то время учился въ семилѣтней школѣ, ему было 12 лѣтъ. Преподаватель русскаго языка объявляетъ, что будетъ диктантъ съ заголовкомъ: «Судъ надъ Богомъ». Андрюша положилъ перо и отодвинулъ тетрадь. Учитель увидѣлъ и спрашиваетъ его: «Ты почему не пишешь?»—«Я не могу и не буду писать такого диктанта».—«Но какъ ты смѣешь отказываться? Садись и пиши».—«Не буду».—«А тебя поведу къ директору».—«Какъ хотите, исключайте меня, но «Суда надъ Богомъ» я писать не буду». Учитель продикуетъ и ушелъ. Вызываютъ Андрюшу къ директору. Тотъ съ удивленіемъ на него смотритъ. Небывалое явление: 12-лѣтній мальчикъ и такъ твердъ и непоколебимъ, и при этомъ спокоенъ въ своихъ отвѣтахъ. Директоръ, видно, имѣлъ еще глѣбо въ глубинѣ души искру Божію и не рѣшился ни о немъ, ни обо мнѣ какъ матери заявить кому слѣдуетъ, а сказала: «Ну и храбрый же ты, идии!» Что я могла

сказать своему дорогому мальчику? Я обняла его и поблагодарила. Все это нанизывалось ему, и въ 1933 онъ былъ сосланъ на первую ссылку 17-ти лѣтъ. [Впослѣдствіи принялъ мученическую кончину]

6. «ДОВОЛЬНЫЙ»

Я была знакома во Ейскъ съ однимъ высокопорядочнымъ человѣкомъ, хозяиномъ большого садоводства. У него отобрали оранжереи, которые теперь стояли пустыми, т.к. фруктовые деревья и шпѣты, за которые онъ получилъ не одну золотую медаль на выставкахъ, были вырублены и сожжены. У него былъ свой домъ небольшой и оставшійся маленькій чудесный садикъ. Въ его семьѣ всѣ были вѣрующей и горько оплакивали судьбу Государя и всей Царской Семьи. Иногда онъ не могъ сдержаться и со слезами вспоминалъ о немъ, конечно, только при своихъ, но одной ночью за нимъ пришли, арестовали и увезли. Мѣсяца черезъ два получено было извѣстіе, что онъ въ Харьковѣ въ тюрьмѣ вмѣстѣ съ бывшимъ воинскимъ начальникомъ г. Ейска. Черезъ два года его освободили. Онъ вскорѣ заболѣлъ и умеръ, не будучи въ состояніи вынести всего происходящаго. Онъ мнѣ рассказалъ одинъ интересный и характерный для большевикомъ эпизодъ во время его заключенія.

Помѣщались они въ тѣсной общей камерѣ, спали на грязныхъ нарахъ и кормили ихъ безжалостно голодно и плохо. Одинъ разъ тюремный начальникъ вызываетъ ихъ обоихъ по фамиліи и велитъ слѣдовать за нимъ. Всѣ знаютъ, что когда вызываютъ безъ вещей, то это на разстрѣлъ, т.к. допросы давно были закончены. Ну, думаемъ, пришелъ и намъ конецъ. Посадили не въ черной воронѣ, а въ автомобиль. Провезли нѣсколько улицъ и остановились передъ хорошимъ домомъ. Повели по большому свѣтлому коридору, отворили дверь и впустили въ чистую комнату съ двумя кроватями, покрытыми хорошими одеялами. У каждой кровати по столу и на немъ спички и папиросы. Съ нихъ сняли грязныя тюремныя одежды и одѣли въ чистые халаты. Пока надзиратель не вышелъ и не заперъ за собой двери, мы могли только молча перебарсываться изумленными взглядами. Когда же остались вдвоемъ, то стали ломать голову и дѣлать предположенія, что бы это могло означать. Часовъ въ 10 вечера принесли вкусный ужинъ изъ двухъ блюдовъ. Во время ужина отпирается дверь и входитъ тюремное начальство и два англичанина съ переводчикомъ. Начальникъ къ нимъ обращается и говоритъ: «Вотъ видите, въ какихъ у насъ находятся условіяхъ интеллигентные арестованные. Спросите сами ихъ, довольны ли они». Конечно, мы отвѣтили, что довольны. Англичане очень все похвалили и ушли. Черезъ часъ насъ одѣли опять въ нашу грязную одежду и повезли обратно въ ту же тюрьму, и ту же камеру. Всякія комментаріи излишни.

Продолженіе слѣдуетъ

Татьяна Владимировна Истомина,
Фрейлина при Императорскомъ Домѣ Романовыхъ,
сестра Н. В. Урусовой, въ болгарскомъ костюмѣ

Д. ПИСКРИТОВЪ

Москва.

Именной Указатель на №№ 21-30

- Авель, Схм. Вал. 26:137-8, 27:3
 Августа, Иг. Турин. 21:2-30
 Аверкий, Архм. Таушевъ 27:47
 Авраамій, Прп. Ростов., Вал. Скитъ 21-2:64-5
 Агавангель, Митр. Нмч. 28:119-120
 Агапий, стар. Вал. 30:89
 Агния, М. Орлова-Чесменс. 27:4-19
 Адрианъ, О. Вал. 26:141-2
 Адрианъ, О. Н.-Див., Архп. Андрей 21-22:36, 96-97, 26:126-130, 29:13
 Адрианъ, Прп. Ондрус. 27:3, 34-42
 Адрианъ, Стрп. Симонов. Мря 21-22:11-17, 36
 Александра Феодоровна, Царица-Мч. 27:51
 Александръ, Еп. 30:79
 Александръ, О. Болановъ Вологод. 23:17
 Александръ I, Импр. 27:3, 10, 35, 68, 29:72-73
 Александръ III, Импр. 27:3
 Александръ, Прп. Свир. 27:35-39, 29:68-71
 Алексіа Бахрушина, М. Зосимовская 21-2:45
 Алексій, Патр. 30:90, 121-2
 Алексій, Стрп. Вал. 25:48, 26:143-4
 Алексій, Стрп. Зосим. 28:121-2
 Алексій, Св. Мечевъ 28:125-127
 Алексій, Цесаревичъ 28:74, 80
 Алтай 27:44-5, 28:93
 Алимпій, Схм. Вал. 29:66-9
 Алимпій, Ирм. Вал. 28:94-103
- Амвросій, Архм. Канад. 25:26-7
 Амвросій, Прп. Опт. 28:107
Америка Благочестивая 21-2:94
 Амфилохій, Стрп. Ростов. 27:6-7
 Амтеатропъ, 30:118
 Анатолий, Еп. Иркут. 24:124
 Анатолий II, Прп. Опт. 25:26, 53
 Анастасія Андрѣевна, Юрд. 28:130-2
 Ангелина, Иг. 25:57-61
 Андрѣевъ, Проф. И.М. 23:73
 Андрей, Блж. Канал. 27:24-33
 Ангсаръ, Св. Гамбург. 21-2:59
 Ангина I, Прп. Вал.-Ав. 21-2:37, 65-6; 25:48-9
 Ангина II, Исхм. Вал. 26:143-4
 Антонина, Иг. Кизляр. 28:131-132
 Антоній, Исхм. Ав. 25:40
 Антоній, Жигулинь 21-2:80-2
 Антоній, Прп. Кіево-Печ. 23:3
 Антоній, Прп. Муром. 26:88-105, 160
 Антоній, Прп. Римлянинъ 29:72-73
 Антоній Храповицкій, Митр. 28:106
 Арлатовъ, 26:100-4
 Аренскій (Аренсбургъ) 30:118-120
 Арсеев, Прп. Вал.-Верхогур. 21-2:5, 70-1
 Ариадна, Иг. С.-Францис. 25:28-30
- Арсеній, Архм. у Митр. Иосифа 28:89, 130
 Арсеній, Прп. Конев. 21-2:17-9, 23:3
 Артемій, Св. Веркол. 28:74, 81
 Аванасія, Блж. Логачева 26:99-101
 Аванасія, Иг. Нмч. Зосим. 21-2:42-8
 Авонь, 21-2:3, 35-6, 65, 23:1-51, 78, 24:78-101, 108-9, 133, 136, 25:20-46, 81, 27:16, 32, 28:104-118, 30:104-111
 Авонь для женщинъ 24:133
- Б**
 Берина Г., 21-2:90
 Бизюковъ, Мрь 21-2:93, 24:129-31
 Блокъ Александръ, поэтъ 25:58-9
 Бодановъ, О. Александръ Вологод. 23:17
 Бондарь, О. Яковъ Нмч. 23:64-9
 Бозарскій, Петрп. Нмч. 28:92-3
 Бѣловольовъ, О. Генналій 28:95-103
 «Бѣлозерка», Скт. на Ав. 23:19
- В**
 Валаамская» Б.М. 26:151-3; 28:100-1
Валаамскій Патерикъ Адрианъ, Прп. Ондрус. 27:34-42
 Алимпій, Пустын. 29:66-9
 Алимпій, Иконопис. 28:94-103
 Илія, стрп. Верхогур. 21-2:63-71
- Михаилъ, молч. Вал. 24:110-3
 Михаилъ, Схм. Харбин. 26:112-30
Рукописный Патерикъ 25:47-9, 26:131-57
 Тимофей, молч. Ав. Вал. 23:47-51
 Харитонъ, Иг. Вал. 30:80-103
 Варлаамъ, Нмч. Урал. 23:54-6
 Варнава, Прп. Геосим. 25:62-5
 Варсонофій, О. Вал. 30:85, 89
 Варсонофій, Прп. Великій 21-2:37
 Василискъ, Прп. Сибир. 21-2:2-41
 Василий, Схм. Карул. 25:42
 Василий Кривошеинъ, Архп. 24:87
 Васильевскій Скитъ на Ав. 25:31-3
 Вавозерскій Мрь, 25:77-8
 Вавуцій, Схм. Карул. 25:41
 Веймаръ, 27:22-3
 Вениаминъ, Еп. (Одеченко) 29:5-7
 Вениаминъ, О. Вал. 26:135-6
 Вениаминъ, Ирм. Эссень 25:72, 77
 Вероника, М. 25:50-76
 Верхотурь, 21-2:67-71
 Винница, Крестъ 24:130-1
 Виноградовъ С.А. 24:77, 126-8, 30:114-115
 Виталий, Еп. Канал. 27:20-32
 Вишняковъ Влад., поэтъ 26:106-11
 Владикавказъ, 28:129-3, 29:21
 Владиміровъ, О. Артемій 28:73-4

- Владимиръ, Митр. Киевскій
28:122
- Вознесенскій, Моск. Мрь
28:121-3
- Воропаевъ В.А. 27:20-3
- Вышенская Пуст. 24:107
- Вѣра и Маргарита,
племянницы Прп.
Зосимы 21-2:34, 45
- Г**аврииль, Прп. Одес.-
Ав. 23:4-13
- Гаврииль, Прп. Пск.-Каз.
21-2:2-40
- Гань, О. Ростиславъ 25:81,
30:106-107
- Геласій, Архм. 29:50
- Георгій, Схм. Юрц. Авон.
25:39
- Герасимъ, Архм. Аляск.
21-2:50; 23:5, 25:25-7
- Герасимъ, Стрц. Калуж.
24:117-9
- Герасимъ, Схм. Авон. 25:40
- Германъ, Прп. Аляск.
21-2:3, 39, *Асаистъ*
21-2:50-9, 29:5, 30:107
- Гете, поэтъ 27:23
- Гоголь Н. В. 25:53, 27:20-3
- Горшкскія, Нмч. 21-2:93
- Градъ Китежъ 29:5-7
- Григорій, Схм. Ав. 25:40
- Григорій, Св. Богословъ
21-2:3
- Григорій, Еп. А. Нев. Ляпры
25:66, 71
- Григорій, Митр. Яшковскій
23:55
- Григорій, Св. Палама
21-2:3, 30:121
- Григорій, Прп. Синантъ
21-2:38, 40
- Гурій, Свящ. 25:62
- Д**амаскинъ, О. Н.-Ав.
28:109
- Дамаскинъ, Иг. Вал.
21-2:64-6, 26:139, 145,
28:96
- Данииль, Прп. Ачинскій
21-2:5
- Дивѣво, Мрь 25:1-19, 84;
29:14-18
- Димитрій, Архп. Егоровъ
25:50
- Димитрій, Св. Царевичъ
28:74, 81
- Добротолюбіе
21-2:23, 39, 68
- Донецкіе, Свв. Мѣста 25:77
- Доровей, Схм. Ав. 25:31, 41
- Доровей, Пуст. Ав. 24:92-3
- Досиевъ, уч. О. Николая
Ав. 28:40
- Достоевскій О.М.
24:79, 25:5, 27:20
- Е**фремъ, Схм. Карул.
28:105-13
- Еввимія и Магдалина,
Н.Тихв.-Екатеринб.
Нмч. 21-2:5
- Екатеринбургъ,
21-2:94, 23:52-63,
24:135, 28:84
- Елизавета, Вел. Кн. Мч.
Романова 21-2:97,
27:51-2, 28:122
- Епифаній, Схм. Карул.
25:42
- З**айцевъ Борисъ,
24:88-91
- Заѣбла Александръ, Н.М.
28:88-9
- Зборовскій В. 29:63
- Зеленуцскій Мрь, 23:73
- Зосима, Схм. Златоустовой
кельи на Авонѣ 25:35
- Зосима, Прп. Верховской
21-2:1-49, 100
- Зосима, Схм. Карул.
25:31, 34-5, 36
- Зосимова Пуст. близъ
Москвы 21-2:43-8
- У**верская ик. Б.М. Ав.
24:136, 27:18
- Игнатій Болгаринъ, Стрц.
Ав. 24:85
- Игнатій, Св. Брянчанинъ
21-2:64, 30:88
- Игнатій, Ирм. Верхотур.,
въ схм. Юрц. 21-2:71,
23:61
- Игнатій, Схм-Иг. Харбин.
21-2:72-90, 25:81,
26:122
- Илія, Прп. Вал.-Верхотур.
21-2:5, 37, 62-71, 30:134
- Ильинскій Скитъ на Авонѣ
23:5-13, 24:109
- Иннокентій, Свят. Алеут.
21-2:5
- Иннокентій, Иг. Вал.
27:41-2
- Иннокентій, Свят. Иркут.
24:123-4
- Иннокентій, Ирдкн.
21-2:81-8
- Иннокентій, Прп. Комельс.
23:3
- Иннокентій, Схм. Вал.
26:136
- Ипатьевскій домъ 23:63
- Иркутскъ 24:120-4
- Исаакъ, Прп. Сиринъ
21-2:37, 38, 41
- Исаія, О. С. Вал. 26:131-2
- Исаковъ С. С. 30:112-123
- Исидоръ, Прп. Геосим.
27:22
- Исихасты Рус. 21-2:3
- Исихій, Прп. Иерусалим.
21-2:37, 68
- И**гуудиль, Схм. Вал.
26:139-40
- Іона, Прп. Киев., уч. Прп.
Серафима Саров.
29:4-53
- Іоанна, М. Тульская,
Лука 21-2:60-1
- Іоанникій, М. Ав. 25:31
- Іоаннъ, Паръ Вас. 27:40
- Іоаннъ, Св. Кронштадт.
25:58-61, 26:114,
27:3, 45, 28:125, 30:82-
89
- Іоаннъ, Св. Максимовичъ
П С.-Францис.
21-2:59, 94-7, 25:21-2,
26:126, 27:43-4, 28:82,
29:72
- Іоаннъ, Сх. (Меландеръ)
30:107
- Іоаннъ, «Моск.» О. Вал.
26:138-9
- Іоаннъ, Св. «Рус.» 28:111
- Іоаннъ, Св. Тобол. 28:82
- Іоаннъ, Архп. Шаховской
24:81-8
- Іоасафъ Архп. Канад.
25:26-7, 29:5-8
- Іюль, О. Ав. 30:111
- Іонафанъ, Иг. Вал. 21-2:66-7
- Іосифъ, Митр. Ярослав.
25:66, 28:89
- Іосифъ, Стрц. Сафоновъ
25:7
- Іувианъ, О. Вал. 25:47-9,
26:131-57
- Іуліанъ, М. Вал. 26:145
- К**алиновскій Крестъ
23:72-3
- Каллистъ, Св. Патрикъ
21-2:38, 41
- Каргальская Наталья,
позтесса 21-2:261
- Карулія 23:1-43, 76,
25:20-46, 28:104-118,
30:104-111
- Керенскій 28:122-3
- Кибальчикъ Ксенія
21-2:91-3, 29:48
- Киприанъ, Прп. Сторожевъ.
27:37-9
- Кирикъ, Архп. Ав. 24:87
- Кириль Павловъ, Стрц.
25:11-2
- Китерь Наталья Георгиевна
25:51
- Китъ Джонъ 24:79
- Клеопа, О. Вал. 25:48
- Клеопа, Стрц. Введен.
21-2:10
- Климентъ, Схм. Авон. 25:38
- Коневищъ Мрь 21-2:17-9
- Константинъ Зайцевъ,
Архм. 21-2:74-5, 27:46
- Константинъ Шипуновъ,
издат. 23:52-63
- Концевичъ Е.Ю.
21-2:94-5, 25:51-2,
27:47, 28:133, 29:5, 14
- Корниль, Прп. Крылецъ.
21-2:4-5
- Кравчина, О. Гр. 29:11,
30:121
- «Крестовская» Ик. 21-2:91
- Кретъчъ Валерія 21-2:90
- Крупинъ В.Н. 28:74-9
- Ксенія, Блж. СПБ
25:80, 28:113
- Ксенія, М. Новикова
21-2:86-7
- Кузьминская Александра
Полицарп. 21-2:83-5
- Кукша, Прп. Одес.
21-2:91
- Кунинъ Григорій, поэтъ
25:78-9

- Л**аврский муротч. ик. 21-2:95
 Левь, Архм. Егоров 25:57
 Леонидь, О. Гессь 29:53-55
 Леонтий, Архп. Чилийский 28:110
 Лепешкинъ С.Л. 21-2:47
 Литовское пробуждение 25:81
 Лиенцъ 29:1, 66, 73
 Лука, Самч. Симфероп. 21-2:5
 Лишевский, О. Стефанъ 21-2:50, 59
- М**агдалина и Евонмья, Нмч. Екатеринбург. 21-2:5
 Маевский, писатель 24:91-4
 Макарий Кошобинский, Канад. Аюонеть 24:83-4, 25:20-46, 30:111
 Макарий, Св. Коринте. 21-2:3
 Макарий, Еп. Макариева пуст. 25:74-6
 Макарий, Прп. Отт. 21-2:41
 Макарий, Прп. Римлянинъ 25:72-6
 Максимось, О. Ивер. Аю. 28:112
 Максимъ Трошинъ 28:69-81
 Мануиль, Еп. Лемешевский 25:67, 71
 Маргарита, Схм. Див. 25:7
 Маргарита Чудова, поэтесса 25:18-9
 Мария Павлова, Герц. Веймарская 27:23
 Маркелль, О. Аю. 25:31
 Маркь, Еп. С.-Францис. 24:110-113, 30:90, 94
Мартирологий, Новый Рос.
 Аванасия, Иг. 21-2:42-8
 Василій Соколовъ 28:85-90
 Максимъ Трошинъ 28:73-81
 Никифоровъ-Волгинъ Вас., Нмч. писат. 30:112-123
 Шкуро Андрий Грин., Нмч. генераль 29:53-65
 Беодоръ, Блж. 28:82-4
 Яковъ, О. Болларъ 23:64-9
 Матвей, Блж. 25:63-5
 Матвей, Прп. Яранский 21-2:5
 Мелетий, Исхм. Аю. 25:44
 Микрикова Александра 21-2:75-80
 Михаила, Схи-Иг. Н.-Див. 26:123-30
 Михаилъ, Пуст. Аю. 25:38
 Михаилъ, Молч. Вал. 24:110-5
 Михаилъ, О. Кагунескоць Аюон. 28:109
 Михаилъ, Схм. Вал. и Харб. 26:112-23
 Миша, Блж. А.-Нев. Лавры Мч. 25:73
 Моисей, Затв. А.-Н. Лавры 25:63
 Монтерей, 29:11-12, 30:120
 Мормоны 21-2:96
 Мотовиловъ Н.А. 26:98, 103-5, 29:14-18
Музей Новолауреанскальмъ 28:69, 71
 Муромские Святые Соборъ 26:90, 88-105
- Н**арва 30:116-120
 Наумъ, М. Вал. 26:148
 Наумъ, Прп. Охрид. 25:22
 Навааналъ, Ирм. Вал. 26:136
 Неонилла, Прлд. 26:93
 Некрасовъ Н.А., поэтъ 27:47
 Нектарий, Прп. Отт. 21-2:96, 27:13
 Неофитъ, Схм. Карул. Аю. 25:35
 Нестеровъ М.В., худож. 28:75, 77
 Несторъ, О. замуч. 24:131
 Нетланный Вал. М. 26:141
 Никита, Схм. Вал. 26:132-4
 Никита, Ирм. 28:76-80
 Никита, Безмол. Плошан. 21-2:3
 Никифоровъ-Волгинъ Вас., Нмч. писат. 30:112-123
 Никодимъ, Св.Нмч. Българод. 21-2:3
- Никодимъ, Стрц. Карул. 21-2:35, 23:3, 19-26, 76, 78-82, 93-4, 99, 101, 24:121, 25:23-4, 28:104-118, 30:104-111
 Никонъ, Стрц. Аю. Карул. 25:25, 34, 30:108
 Николай дяк. 29:6-9
 Николай Велимировичъ, Св. 25:21-3
 Николай, Схм. Карул. 25:42
 Николай, Свят. Мурвик. 27:52-3
 Николай, Нмч. врачъ 25:79
 Николай, Стрц. Талабский Псковъ 28:71
 Николай I Импер. 27:3
 Николай, II Вмч. Импер. 21-2:5, 97-9, 23:70-2, 75, 133, 135, 24:132-3, 25:79, 83, 26:86, 27:3, 48-9, 60-1, 67, 28:106, 111-3, 121, 29:61, 75, 30:101-102
 Ниль, Схм. Карул. 25:41
 Ниль, Прп. Сорский 23:3
 Нилусъ С.А., писатель 24:115-9, 26:113, 27:3, 29:2, 14-18, 29-44
 Нифонтъ, Схм. Карул. 25:31, 36, 30:110
 Новая земля 25:80
 Ново-Дивьево, 29:6-13
 Новая Валаамъ, Аляска 21-2:50, 30:103
 Новая Валаамъ, Сибирь 26:112-7
- Новый Русский*
Мартирологий,
см. Мартирологий,
Новый Россійский
 Норвегия 28:92-3
- О**, *дневный Островъ Валаамъ* Гимнь 30:101-3
 Оленевский, О. Иоаннъ 25:77
 Олсуфьевъ Ю.А., Графъ 27:61, 28:126
 Онуфрий, Схм. Вал. 26:134-5
 Оптинские Прпп. Моисей и Антоний 21-2:3, 7
 Оренбургский Мрь 24:115-9
 Оригенъ 21-2:3
- Орлова-Чесменская, Кт. Анна, см. Агния 27:4-19
 Орвшинъ П., поэтъ 28:81
 Оттава, Канада 27:24-33
- П**авель, Сп. Апостоль 21-2:38-9, 40
 Павел I Импер. 24:125, 26:106, 27:3, 16
 Павлинь, Иг. Вал. 30:85, 89, 98
 Паисий Величковский, Прп. 21-2:3, 10, 93, 23:3, 6-7, 24:109
 Палладий, Схм. Аю. 25:31
 Пароетий, Исхм. Карул. 25:41
 Пароетий, Прп. Киев. 21-2:40, 27:13-9
Пасха пустыни 21-2:27
 Патермуфий, Прлд. СПб 25:61-3
 Пахомий, Схм. Карул. 25:41-2
 Петръ, монахъ (Михайловъ) 30:101-102
 Перхуровъ А.Н. 27:54
 Пильский, П. М. 30:120
 Питиримъ, Св. Тамбов. 26:95
 Платоновъ Андрий 25:5
 Польский, О. Мих. 29:73
 Порфирий, Ирм. Лаврской 28:126
 Прокопий, Св. Устюж. 21-2:59
 Прохорова Христина, поэт. 21-2:61, 23:44-5
 Прудниковъ, О. Михайль 25:61, 68-9
- Р**оссийская Птичка, Легенда 24:108-9
 Раутманъ М. 21-2:87
 Ромагъ, О. Матюшинъ 28:76
 Рубцовъ Н., поэтъ 28:78
Русская Эваида на Аюонъ 25:23
 Руфина, Иг. Шанхай. 25:29
 Руфина, М. 21-2:86-7
- С**авва, Исхм. Аю. 25:38-9

Сань-Франциско 29:10-11
Саровь 26:85, 93
Серафима, Игум. Нов.-
Див. 30:90,93
Серафимъ, Архп. Соболевъ
28:106
Серафимъ, Исхм. Аѳ. 25:40
Серафимъ, М. Аѳ. 25:39
Серафимъ, Исхм. Карул.
28:106-10, 30:107-109
Серафимъ, Схм. Аѳ. 25:31
Серафимъ, Стри. Выриц.
25:58, 61-6
Серафимъ Ивановъ, Еп.
Подкарпат. Руси
24:84-5
Серафимъ, О. Роузь
27:5, 43-4, 28:77, 91-2
Серафимъ, Прп. Саров.
25:1-19, 26:85, 87-105,
123, 125-130, 159 27:3,
61, 63-5, 68, 28:70-1,
29:2-18, 47, 161, 30:2-47
Серафимъ, О. Свгирч. поэтъ
23:46-51
Серафимъ, О. Урал. 23:55
Серафимъ Чичаговъ,
Смчк. 21-2:59, 25:71
Сергіевъ Пуст. 25:69-70
Сергій Александр.,
Нмч. 28:135
Сергій, Исхм. Аѳ. 25:36
Сергій, Иг. Н.-Вал.
въ Сибири 26:117
Сергій, Прп. Ралонек.
21-2:39, 28:125-6
Сила, Схм. 26:154-5
Силуанъ, Прп. Аѳ.
23:3, 28:107, 30:108
Симеонъ, Св. Верхотур.
21-2:68
Симеонъ, О. Карул. сербъ
28:106-13
Симеонъ, Прп. Новый

Богословъ 21-2:37,
38-9, 68
Софроній, Схи-Архл.
Карул. 25:41
Софроній, Архм. Сахаровъ
21-2:35-6, 24:86-7,
30:108
Софронова Валентина
21-2:88
Сokolovъ Василій, Нмч.
28:88-92
Соловкы 27:43
Спиридонъ, Архм. 28:111-2
Стахий, Схм. Капсал. 25:38
Стефанъ, Еп. Нмч.
25:61, 70-2
Стефанъ, Схи-Архм.
28:105, 112
Суворинъ 28:117-8
Сурскій 28:125
Таласія, Иг. Оренбург.
24:116

Таласія, Иг. Оренбург.
24:116

Таллинъ 30:117-118
Тальковъ Игорь 28:76-8
Тарасія, Иг. Ардат. 26:100
Тарасова Т. Л. 28:73-81
Тимошев, Сх. Вал. 23:47-51
Тимошевицкій Анастолій Ив.,
Др. 26:89, 92

Тихвинская ик. Б. М. на Аѳ.
23:8

Тихона, Иг. Оренбург.
24:114-9
Тихонъ, Архл. С.-Францис.
24:87

Тихонъ, Свят. Патриархъ
28:121-3
Трифонъ, Прп. Печенг.
28:92-3

Трошинъ Максимъ
28:72-81

Троимъ, Схм. Аѳ. 25:36
Трусова М. 21-2:90

Тулскій Успен. Мрь
21-2:61

Турунекъ 21-2:28-34

Уральскій Аѳонгъ
23:54-63

Урсова Н.В. 27:46-65,
28:119-33, 29:19-27,
30:124-137

Филаретъ, Св. Митр.
Моск. 27:9

Филиппъ, О. Аѳ. 28:109
Фотій, Архм. Юрьев.
27:2-19

Францискъ, Ассійскій 29:5
Франція 29:4-5

Харлампій, Схм. Карул.
25:31, 43

Харбинъ 26:103-23
Харитонъ, Иг. Вал.
30:80-103

Храмъ Христа Спасителя
30:122-123

Черниговскій, Схитъ
при Св.-Тр. Лавръ
27:62-3, 28:126

Четвериковъ, О. Серг. 30:93

Шаргуновъ, О.
Александръ 25:11

Шевченко Н. 21-2:88-9
Шкинъ, О. Владимиръ
25:4-19, 84

Шиллеръ 27:23
Шишкинъ И.И. 28:97, 99
Шкуро, ген. А. Г. 29:56-67

Шмаковскій Валаамъ III
въ Сибири 26:112-7
Шницбергъ К. 24:109

Шупновъ-Шипуновъ

23:52-63

Шипулина Елена
21-2:96-7, 23:64-9

Щадлей, М. Вал.
26:151

Ѳеодоръ, Кузьмичъ Прп.
Сибир. 27:3, 10

Ѳеодоръ, О. Андрѣевъ
Нмч. 25:66

Ѳеодоръ, Нмч. Тобол.
28:81-4

Ѳеодоръ, Схм. Иркут.
24:120-4

Ѳеодосій, Архм. Бизюков.
24:129-31

Ѳеодосій, Стри. Карул.
23:2-3, 14-43, 81-107,
25:23-4, 28:107-9, 117,
30:106-111

Ѳеодосій, Прп. Тисман.
21-2:93

Ѳеофанія, Иг. Владикав.
28:130-2

Ѳеофанъ Затворникъ, Еп.
21-2:39, 41, 23:15-6,
24:102-7, 131-2, 25:23,
28:118, 30:92, 109-111

Ѳеофанъ, Ахрп. Полтав.
27:3

Ѳеофанъ, Прп. Кіевскій
27:13-5

Ѳеофилактъ, М. Вал. 26:145

Ѳеодосій, Прп. Кіев.
27:13-15, 29:48-49,

Ѳстонія-чудо 24:131

Ювеналій, Иг.,
Еп. въ Харбинѣ 21-2:83

Юрьевъ Мрь 27:1-19

Ярославъ 27:46-59

Новая книга О. Серафима (Роуз): БЫТИЕ: СОТВОРЕНИЕ МИРА И ПЕРВЫЕ ВѢТХОЗАВѢТНЫЕ ЛЮДИ

Какъ сынъ вѣка сего, О. Серафимъ ошущалъ въ сердцѣ бунтъ противъ Бога, проповѣдуемой современной философій. Но никогда не принималъ атеистическое ученіе о возникновеніи міра. Чудомъ приобретаетъ Православіе, онъ возмущался какъ православные богословы могутъ сочетать дарвинизмъ съ библейскою наукою. Онъ не успѣлъ составить самостоятельный трудъ. Новая книга является сборникомъ всѣхъ его статей и идей на эту тѣму, и является уникальнымъ приношеніемъ въ защиту православнаго ученія о первоизданномъ человѣкѣ.

Православіе, онъ возмущался какъ православные богословы могутъ сочетать дарвинизмъ съ библейскою наукою. Онъ не успѣлъ составить самостоятельный трудъ. Новая книга является сборникомъ всѣхъ его статей и идей на эту тѣму, и является уникальнымъ приношеніемъ въ защиту православнаго ученія о первоизданномъ человѣкѣ.

Древній Валаамскій Крестъ.

Возобновленный 46-й годъ издания, послѣ перерыва сь 1917 года.
Журналь обладаетъ правами Copyright by St. Herman of Alaska Brotherhood.

Печатается и редактируется
ВАЛААМСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ АМЕРИКИ — VALAAM SOCIETY OF AMERICA
P. O. Box 70, Platina California 96076 USA, Факс: (530) 352-4432 тел.: (530) 352-4430

ВАЛААМСКОЕ ОБЩЕСТВО АМЕРИКИ является миссионерскимъ движениемъ, цѣль котораго сохранение и распространение древне-христіанской-монашеской мудрости вѣхъ всѣхъ церковныхъ раздѣлений, для всѣхъ юрисдикцій, исповѣдующихъ Православную Вѣру во всѣхъ странахъ міра. Основано въ 1983 году какъ результатъ 20-лѣтнихъ трудовъ Братства Преп. Германа Аляксинскаго, исходящаго сь благословенія Аримандрита-пустынника Герасима, что на Еловомъ островѣ (+1969), и утвержденаго Святителемъ Иоанномъ Максимовичемъ (+1966). Валаамское Общество Америки основано Епископомъ Маркомъ Ладожскимъ и Сан-Францисскимъ.

ЖЕЛАЮЩЕ СТАТЬ ЧЛЕНАМИ ОБЩЕСТВА ВНѢ РОССИИ призываются усердно молиться за Россію, Валаамское Общество и его миссионерскія цѣли. Каждый членъ Общества, кромѣ своей подписки на «Русскій Паломникъ», также автоматически оплачиваетъ одну годовую подписку, которая пойдетъ въ Россію.

Годовое членство: 25 ам. дол. Пожизненное членство: 250 ам. дол.

Благословеніе Святѣйшаго Патріарха Алексія II. Статьи принимаются, но безъ полемики. Посылать по адресу: P. O. Box 70, Platina CA. 96076, U.S.A.

СОДЕРЖАНІЕ № 30, 2004

1. Боголюбіе	79
2. ВАЛААМСКІЙ ПАТЕРИКЪ Игуменъ Харитонъ	80
3. ИНОЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ О Дивномъ Островѣ Валаамъ	101
4. АВОНСКІЙ ПАТЕРИКЪ Схимонахъ Никодимъ	104
3. НОВЫЙ РУССКІЙ МАРИТОЛОГІЙ Василій Никифоровъ-Волгинъ	112
6. СОВРЕМЕННЫЙ МАТЕРИКОНЪ Материнскій Плачь, IV, Н. В. Урусова.....	124
7. Именной Указатель №№21-30.....	138

ЧИТАТЕЛИ ВЪ РОССИИ!

Требуйте журналь во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Россіи.

Подписку можно заказать:
117312, Москва, ая 73.
А. Федотову.
Письма слѣдуетъ направлять по адресу:
125299 г. Москва,
Вокзальный пер. 8-1-11,
Дмитрію А. Родионову
тел. (095) 772-5863
факсъ (095)150-1820

Современная икона великомучеников Царской Фамилии Романовых

НА ЧЕТВЕРТОЙ ОБЛОЖКЪ: Преподобный Серафимъ Саровскій,
 икона неизвестнаго художника, дерево, левкасъ, смѣшанная техника. Начало XX вѣка.
 Къ 250-лѣттю со дня рожденія

